

ISSN 1818-9601 (Print)
ISSN 2541-8998 (Online)

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия: Социология. Политология

2024

Том 24

Выпуск 1

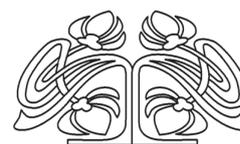
IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY
SOCIOLOGY, POLITOLOGY

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Научный журнал
2024 Том 24

ISSN 1818-9601 (Print)

ISSN 2541-8998 (Online)

Издается с 2005 года

Серия Социология. Политология, выпуск 1

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962,
«Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Социология

Темнова Л. В., Костыркина О. С. Ролевая структура российской семьи как фактор социальной активности супругов 4

Бекарев А. М., Кутявина Е. Е., Пак Г. С. Этническая идентичность в теории и цифрах: на примере коренных малочисленных северных народов 13

Найденова Л. И., Щанина Е. В. Социальные взаимодействия в системе высшего образования в условиях информатизации общества 23

Шацилло В. А., Негматов Л. Н. Формирование проектного мышления в подготовке специалистов по работе с молодежью: взаимодействие НКО и образовательных институтов 30

Брандт Я. А., Кранзеева Е. А. Представления жителей о городской среде и запросы на ее изменения в регионах ресурсного типа (на примере г. Кемерово) 37

Салганова Е. И. Образ «чужого» в инфраструктуре российского города (на примере Челябинской области) 47

Черкасов Г. Ф., Хизбуллина Р. Р. Роль спорта в системе социализации и здоровьесберегающего поведения молодежи: региональный аспект 57

Политология

Шестов Н. И., Вилков А. А., Казаков А. А. Специфика политологической интерпретации политических идентичностей молодежи 62

Суворов В. В. Политика в отношении рождаемости и здорового образа жизни в России: особенности стимулирования граждан 69

Гаврюшина В. С., Трифонов Ю. Н. Государственное управление процессами противодействия коррупции: теоретико-методологические и политико-правовые аспекты 74

Каминченко Д. И. Политический имидж в электоральный период: по материалам избирательной кампании в Нижегородской области в 2023 году 80

Лукьянова Г. В., Соловьев А. Ю. Особенности формирования повестки дня в мессенджере Telegram 90

Слово молодым политологам

Афанасьева К. А. «Суверенное» будущее российского образования как политико-управленческая проблема 98

Петрова Ю. В. Российский и западный подходы к изучению государственной политики в отрасли авиастроения: сравнительный анализ 106

Самаков Н. В. Противодействие антироссийским экономическим санкциям 2022–2023 гг. 113

Журнал «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия “Социология. Политология”» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Запись о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76650 от 26 августа 2019 г. Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (категория К2, специальности: 5.4.1; 5.4.2; 5.4.3; 5.4.4; 5.4.5; 5.4.6; 5.4.7; 5.5.1; 5.5.2; 5.5.3; 5.5.4)

Подписной индекс издания 36016. Подписку на печатные издания можно оформить в интернет-каталоге ГК «Урал-Пресс» (ural-press.ru). Журнал выходит 4 раза в год. Цена свободная. Электронная версия находится в открытом доступе (soziopolit.sgu.ru)

Директор издательства

Бучко Ирина Юрьевна

Редактор

Дударева Светлана Сергеевна

Редактор-стилист

Агафонов Андрей Петрович

Верстка

Степанова Наталия Ивановна

Технический редактор

Каргин Игорь Анатольевич

Корректор

Дударева Светлана Сергеевна

В оформлении издания использованы работы художника Соколова Дмитрия Валерьевича (13.11.1940–20.11.2023)

Адрес учредителя, издателя

и издательства (редакции):

410012, Саратов, ул. Астраханская, 83

Тел.: +7(845-2) 51-29-94, 51-45-49,

52-26-89

E-mail: publ@sgu.ru, izdat@sgu.ru

Подписано в печать 20.02.2024.

Подписано в свет 01.03.2024.

Формат 60×84 1/8.

Усл. печ. л. 13,95 (15,0).

Тираж 100 экз. Заказ 13-Т

Отпечатано в типографии

Саратовского университета.

Адрес типографии:

410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2024

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал публикует научные статьи на русском и английском языках по направлениям: Социология, Политология, а также материалы в разделе Хроника. Ранее опубликованные статьи, а также работы, представленные в другие журналы, к рассмотрению не принимаются.

Рекомендуемый объем публикации – от 0,5 до 1 п.л. (20–40 тыс. знаков, включая пробелы).

Статья должна содержать аннотацию (300–800 знаков), ключевые слова (до 10 слов), сведения об авторе (место работы (учебы), электронный адрес) на русском и английском языках, ORCID. Статья должна быть тщательно отредактирована и оформлена строго в соответствии с требованиями журнала: текст в формате MS Word для Windows, через один интервал, с полями 2,5 см, шрифт Times New Roman, для основного текста размер шрифта – 14, для вспомогательного – 12. Сноски оформляются как примечания в конце статьи. Нумерация сносок через верхний индекс. Более подробная информация о правилах оформления статей приведена вместе со стилевым файлом и правилами рецензирования по адресу: <https://soziopolit.sgu.ru/dlya-avtorov>

Рукописи, оформленные без соблюдения настоящих правил, редакцией не рассматриваются.

Для публикации статьи автору необходимо представить в редакцию:

– текст статьи в электронном виде;

– сведения об авторе (на русском и английском языках): имя, отчество и фамилия, ученая степень и научное звание, должность, место работы (кафедра, организация), адрес электронной почты.

В редакции журнала статья подвергается рецензированию. Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде в течение трех недель.

Договор с автором заключается после получения положительной рецензии.

Статьи и сведения об авторах следует присылать в редколлегиям серии в электронном виде по адресу: timur_temaev@mail.ru (социология) и vil57@yandex.ru (политология).

Оригинал договора – почтой по адресу: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, социологический факультет, заместителю главного редактора журнала «Известия Саратовского университета. Серия Социология. Политология».

После выхода из печати номер журнала размещается на сайте по адресу: <https://soziopolit.sgu.ru>

Авторские экземпляры и рассылка журнала авторам статей не предусмотрена.

Материалы, отклоненные редколлекцией, не возвращаются.

CONTENTS

Scientific Part

Sociology

Temnova L. V., Kostyrkina O. S. The role structure of the Russian family as a factor in the social activity of spouses 4

Bekarev A. M., Kut'yavina E. E., Pak G. S. Ethnic identity in theory and figures: On the example of the aboriginal minorities of the North 13

Naydenova L. I., Shchanina E. V. Social interactions in the higher education system in the context of informatization of society 23

Shatsillo V. A., Negmatov L. N. The formation of project thinking in training specialists in working with youth: Interaction with NPOs and educational institutions 30

Brandt Ya. A., Kranzeeva E. A. Residents' perceptions of the urban environment and requests for its changes in resource-type regions (the example of Kemerovo) 37

Salganova E. I. The image of the "alien" in the infrastructure of the Russian city (the example of Chelyabinsk region) 47

Cherkasov G. F., Khizbullina R. R. The role of sports in the system of socialization and healthy behavior of young people: Regional aspect 57

Politology

Shestov N. I., Vilkov A. A., Kazakov A. A. Specifics of political science interpretation of political identities of young people 62

Suvorov V. V. Policy regarding fertility and healthy lifestyles in Russia: Features of incentives for citizens 69

Gavryushina V. S., Trifonov Yu. N. State management of anti-corruption processes: Theoretical, methodological, political and legal aspects 74

Kaminchenko D. I. Political image during the electoral period: Based on materials of the pre-election campaign in the Nizhny Novgorod region in 2023 80

Lukyanova G. V., Solovov A. Yu. Features of agenda setting in Telegram 90

New Voices: Young Political Scientists' Research

Afanasyeva K. A. "Sovereign" future of Russian education as a political and managerial problem 98

Petrova Iu. V. Russian and Western approaches to the study of state policy in the aircraft industry: Comparative analysis 106

Samakov N. V. Countering anti-Russian economic sanctions: 2022–2023 113

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ»**

Главный редактор

Ивченков Сергей Григорьевич, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Вилков Александр Алексеевич, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Темаев Тимур Вадудович, доктор социол. наук (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Баттерфилд Джим, Ph.D. (Каламазу, США)

Белозеров Василий Клавдиевич, доктор полит. наук, профессор (Москва, Россия)

Воробьев Владимир Павлович, доктор социол. наук, доцент (Пенза, Россия)

Голенкова Зинаида Тихоновна, доктор филос. наук, профессор (Москва, Россия)

Готлиб Анна Семеновна, доктор социол. наук, профессор (Самара, Россия)

Дудникова Елена Борисовна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Елютина Марина Эдуардовна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Казakov Александр Александрович, доктор полит. наук, доцент (Саратов, Россия)

Калинникова Марина Викторовна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Комкова Галина Николаевна, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)

Кузнецов Игорь Иванович, доктор полит. наук, доцент (Москва, Россия)

Магомедов Арбахан Курбанович, доктор полит. наук, доцент (Москва, Россия)

Никифоров Ярослав Александрович, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Осадчая Галина Ивановна, доктор социол. наук, профессор (Москва, Россия)

Панкратов Сергей Анатольевич, доктор полит. наук, профессор (Волгоград, Россия)

Труханов Виктор Александрович, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)

Фадеева Ирина Михайловна, доктор социол. наук, профессор (Москва, Россия)

Шахматова Надежда Владимировна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шестов Николай Игоревич, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
"IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY.
SOCIOLOGY. POLITOLOGY"**

Editor-in-Chief – Sergei G. Ivchenkov (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Aleksandr A. Vilkov (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Timur V. Temaev (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Gim Butterfield (Kalamazoo, USA)

Vasily K. Belozеров (Moscow, Russia)

Vladimir P. Vorobiev (Penza, Russia)

Zinaida T. Golenkova (Moscow, Russia)

Anna S. Gottlieb (Samara, Russia)

Elena B. Dudnikova (Saratov, Russia)

Marina E. Elutina (Saratov, Russia)

Alexander A. Kazakov (Saratov, Russia)

Marina V. Kalinnikova (Saratov, Russia)

Galina N. Komkova (Saratov, Russia)

Igor I. Kuznetsov (Moscow, Russia)

Arbakhhan K. Magomedov (Moscow, Russia)

Yaroslav A. Nikiforov (Saratov, Russia)

Galina I. Osadchaya (Moscow, Russia)

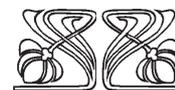
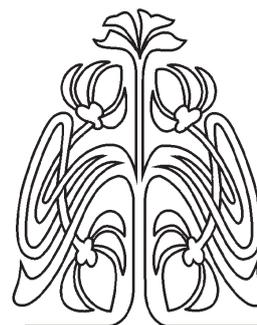
Sergey A. Pankratov (Volgograd, Russia)

Victor A. Trukhanov (Saratov, Russia)

Irina M. Fadeeva (Moscow, Russia)

Nadezhda V. Shahmatova (Saratov, Russia)

Nikolay I. Shestov (Saratov, Russia)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

СОЦИОЛОГИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 4–12

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 4–12

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-1-4-12>

EDN: OJSFNY

Научная статья

УДК 316.014

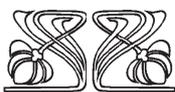
Ролевая структура российской семьи как фактор социальной активности супругов

Л. В. Темнова , О. С. Костыркина

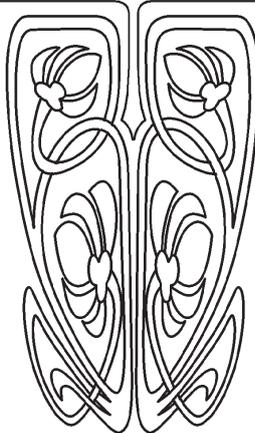
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Россия, 119991, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1

Темнова Лариса Витальевна, профессор кафедры современной социологии, temnova.larisa@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5197-816X>

Костыркина Олеся Сергеевна, магистр социологии, kostyrkina.olesya@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0009-3749-1441>

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Аннотация. В статье предпринимается попытка социологического анализа семейной ролевой структуры как фактора включенности супругов в различные виды социальной активности. Данная проблема актуализируется в связи с изменением в сознании россиян значения семьи как социального института, перераспределением ролей между мужчиной и женщиной. Новизна проведенного исследования состоит в том, что определены виды семейной ролевой структуры; раскрыта связь согласованной ролевой структуры в супружеской паре с социальной активностью диады; выявлена связь согласованной ролевой структуры семьи с уровнем удовлетворенности участием в различных видах социальной активности. Цель исследования – выявить взаимосвязь ролевой структуры семьи и степени включенности супругов в различные виды социальной активности; определить взаимные представления супругов о семейных ролях; установить виды социальной активности, на которые согласованная и несогласованная семейная ролевая структура в большей и меньшей степени оказывает влияние. Проведено качественное социологическое исследование с помощью методов глубинного интервью и семантического дифференциала (методика А. И. Антонова), в котором приняли участие 13 супружеских пар в возрасте от 23 до 52 лет. Выделены ролевые структуры семьи, оказывающие влияние на социальную активность диады: согласованная (совместимая) и несогласованная (конфликтная, несовместимая) ролевые структуры. Согласованность ролей в супружеской паре положительно сказывается на следующих видах активности супругов: трудовой, социально-экономической, образовательно-развивающей, общественно-полезной, досуговой. Не выявлена связь согласованности представлений супругов о распределении ролей в семье с их активностью в социально-политической сфере. Кроме того, ролевая согласованность супружеских взаимоотношений связана со степенью включенности и удовлетворенностью мужа и жены участием в различных видах социальной активности: супруги из «совместимых» пар более удовлетворены участием в различных видах общественной жизни, она у них более разнообразна, и они больше время ей уделяют. Супружеская совместимость связана также с самооценкой собственной жизни, удовлетворенностью внесемейной жизнью супругов. Супруги из «совместимых» семей видят свою жизнь наполненной, удовлетворены, отмечают положительное влияние качества взаимоотношений на социальную активность. Анализ результатов эмпирического исследования показал, что ролевая структура семьи и социальная активность мужа и жены связаны: чем большая согласованность ролей

наблюдается в супружеской паре, тем более социально активны супруги. Взаимопонимание и согласованность ролевой структуры способствует более полной реализации супругов, повышению удовлетворенности своей жизнью в целом и ее семейной составляющей.

Ключевые слова: ролевая структура семьи, виды ролевой структуры семьи, социальная активность, виды социальной активности

Для цитирования: Темнова Л. В., Костыркина О. С. Ролевая структура российской семьи как фактор социальной активности супругов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 4–12. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-1-4-12>, EDN: OJSFNY

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The role structure of the Russian family as a factor in the social activity of spouses

L. V. Temnova , O. S. Kostyrkina

Lomonosov Moscow State University, GSP-1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russia

Larisa V. Temnova, temnova.larisa@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5197-816X>

Olesya S. Kostyrkina, kostyrkina.olesya@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0009-3749-1441>

Abstract. The article presents a sociological analysis of the family role structure as the involvement of spouses in various types of social activity. This problem is actualized among Russians under the change in the meanings of the family as an institution, the roles of redistribution between men and women. The novelty of the study is that the types of family role structure; reveals the connection of the combined role structure in a married couple with the social activity of the dyad; the relationship of the role structure of the family with the satisfaction of needs in various types of social activity was revealed. The purpose of the study is to identify the relationship between the role structure of the family and the degree of involvement of spouses in various types of social activity; to determine the mutual ideas of spouses on family roles; to establish the types of social activity that are influenced by the agreed and inconsistent family role structure to a greater and lesser extent. A qualitative sociological study was carried out by using the methods of in-depth interviews and semantic differential (A. I. Antonov's method), in which 13 married couples aged from 23 to 52 years took part. The role structures of the family that influence the social activity of the dyad are identified: compatible and inconsistent role structures. Consistency of roles in a married couple has a positive effect on the following types of activity of spouses: labor, socio-economic, educational and developmental, socially useful, leisure activities. No connection was found between the consistency of spouses' ideas about the distribution of roles in the family and their activity in the socio-political sphere. In addition, the role consistency of marital relationships is associated with the degree of involvement and satisfaction of the husband and wife with participation in various types of social activity: spouses from "compatible" couples are more satisfied with participation in various types of social life, it is more diverse for them, and they devote more time to it. Marital compatibility is also associated with self-esteem of one's own life, satisfaction with the extra-family life of the spouses. The spouses from "compatible" families see their lives as full and satisfied; the positive impact of the quality of relationships on social activity was noted. The analysis of the results of an empirical study showed that the role structure of the family and the social activity of husband and wife are related: the greater the consistency of roles is observed in a married couple, the more socially active the spouses are. Mutual understanding and consistency of the role structure contributes to a more complete realization of the spouses, increasing satisfaction with their life in general and its family component.

Keywords: role structure of the family, types of family role structure, social activity, types of social activity

For citation: Temnova L. V., Kostyrkina O. S. The role structure of the Russian family as a factor in the social activity of spouses. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 4–12 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-1-4-12>, EDN: OJSFNY
This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Современный социальный институт семьи испытывает сегодня значительные изменения. Наблюдается тенденция к более равномерному распределению домашних (семейных) обязанностей между мужем и женой. Сегодня большинство россиян считают, что хорошим хозяином в доме может быть как мужчина, так и женщина (60,0%) [1]. Современные женщины все активнее включаются в общественную и трудовую сферы [2]. В России уровень занятости женщин в возрасте 20–49 лет в 2021 г. составил 68,8% [3]. Женщина приобрела экономическую самостоятельность, все более доступной для нее становится профессиональная карьера, успех, благосостояние. Данные социологического проекта «Женщины и демократизация»

1990 г. показывают, что в России в указанный период только 2,0–4,0% женщин занимались предпринимательской деятельностью. На современном этапе эта цифра составляет 46,0%. В качестве наиболее востребованных направлений выступает сфера туризма, красоты, здоровья и др. Структура современной семьи уже воспроизводит модель «муж – кормилец, жена – хранительница домашнего очага», она приобретает новые формы. Интересна динамика в отношении распределения домашних обязанностей в семье: в 2011 г. покупка продуктов осуществлялась только женщиной в 38,0% семей, совместно – в 50,0%, в 2018 г. уже 67,0% семей совершают совместные походы в магазин. Изменилось отношение россиян к реализации

мужчиной родительских обязанностей: если в 2011 г. 66,0% респондентов «скорее положительно» отнеслись бы к отпуску отца по уходу за ребенком, то в 2017 г. их уже 77,0%. Однако в России только 2,0–2,5% мужчин пользуются данным правом. В 2020 г. отпуск из-за болезни своих детей в два раза чаще берут женщины [4, с. 22–24].

Формирование симметричной ролевой семейной структуры выступает значимым фактором включенности супругов в активную социальную жизнь, их успешной адаптации к социально-экономическим преобразованиям, к выполнению семейных функций и удовлетворения личных потребностей каждого из членов семьи. Ролевая структура выступает основой общего стиля жизни, взаимодействия и взаимоотношений внутри семьи, распределения обязанностей и ответственности между супругами.

Можно констатировать, что ролевая структура является достаточно изученным компонентом семейных отношений (А. И. Антонов, С. И. Голод, М. С. Мацковский, А. Г. Харчев и др.), однако актуальность новых исследований обусловлена социальными трансформациями, происходящими в современности. Традиционно в семье выделяются роли, основанные на ее важнейших функциях: обеспечение материального благополучия семьи, роль хозяйки/хозяина, роль сексуального партнера, воспитание и уход за детьми, организация развлечений, создание семейной субкультуры, обеспечение психологического комфорта, организация родственных связей [5].

Согласно Т. Парсонсу, семейные роли делятся на инструментальные и экспрессивные. Инструментальная роль предполагает исполнение функций, связывающих семью с другими социальными институтами. Она также включает в себя финансовое обеспечение семьи. Экспрессивная роль предполагает ответственность за внутренний климат семьи, за воспитание детей, а также за быт семьи в целом. Исходя из биологических особенностей, считается, что для мужчины характерна инструментальная роль, а для женщины – экспрессивная. Однако, по мнению Т. Парсонса, современная семья – это единица, которая в основном опирается на диффузную солидарность. В такой семье характерной чертой является общность супружеских ролей [6, с. 567].

О. Э. Бакланова определяет ролевую согласованность в браке как степень соответствия ролевых ожиданий одного из супругов и притязаний его партнера в значимых сферах брака [7, с. 9].

Б. Мурстейн определял ролевое соответствие как сочетание личностных и поведенческих характеристик, которое позволяет членам пары успешно включаться в совместную деятельность [8, с. 74].

Выделяют следующие аспекты несоответствия ролевых ожиданий [9], которые могут пагубно влиять на межличностные отношения супругов и затруднять их функционирование: когнитивный (расхождение ожиданий, установок, представлений о распределении ролей и ответственности за них, осознание этого несоответствия); аффективный (эмоциональное реагирование на ролевое расхождение); конативный (рассогласованность семейных ролей на уровне поведения супругов, стремление реализовать негибкую позицию, неконструктивные модели поведения).

Таким образом, важным показателем внутрисемейного благополучия (удовлетворенность всех членов семейными отношениями и способность достигать общих целей) является продуктивная жизнедеятельность семьи, которая может служить основой для эффективной самореализации каждого члена семьи за ее пределами: в профессиональной, общественной и других сферах.

В последние десятилетия семья приобретает новые характерные черты. С возрастом супругов повышается значимость материального достатка семьи, связанного с общим чувством удовлетворенности; количество приверженцев раздельного проживания значительно превышает число сторонников совместного проживания с пожилыми родственниками; наличие главы, который будет выступать опорой для каждого члена семьи, считают необходимым лишь 15,0% респондентов [10].

Исследование М. В. Григорьевой [11] выявило, что возраст граждан обратно пропорционален значимости для них определенных форм социальной активности, например альтруистической, интернет-сетевой, духовной: их значимость уменьшается с возрастом. Другие исследователи выражают иную точку зрения [12], пенсионеры активно участвуют в общественно-полезной деятельности. Во многом это обусловлено наличием свободного времени и желанием сохранить широкий круг общения, социальные контакты, которые теряются с возрастом. Такая активность может проявляться в различных сферах, включая политику, религию, общественные организации, фонды и др.

М. В. Григорьева делает вывод о том, что значимость социально-экономической, образо-

вательно-развивающей, социально-политической и досуговой форм активности не связана с его возрастом. Такие формы активности, как интернет-сетевая, социально-экономическая, образовательно-развивающая, духовная, более значимы для женщин, чем для мужчин. А вот социально-экономической приоритет отдают именно мужчины. Досуговая активность имеет важное значение как для мужчин, так и для женщин. Таким образом, исследователь показывает, что активность и ее формы оказываются зависимыми от таких факторов, как возраст супругов, их пол, зарегистрированность брака.

Проблема нашего эмпирического исследования заключалась в выявлении связи социальной активности супругов, их включенности в различные сферы общества с таким фактором, как осознание и принятие распределения социальных ролей в семье.

В исследовании были использованы два метода – семантического дифференциала и глубинное интервью. В качестве метода семантического дифференциала применялась методика А. И. Антонова для измерения межличностных отношений в супружеских парах посредством исследования представлений супругов о социальных и межличностных ролях в семье. Как известно, с помощью метода семантического дифференциала можно измерить коннотативное значение, т. е. состояния, которые возникают после восприятия символа-раздражителя, но перед осознанными операциями с символами [13]. Суть данной методики заключается в фиксировании разности в восприятиях супругов без выяснения того, чем вызвано измеренное различие. Метод измеряет не абсолютный смысл оцениваемых объектов, а скорее различия в отношении к ним [14, с. 325]. Путем измерения различий в восприятии одних и тех же социокультурных ролей, таких как муж – жена, отец – мать и т.д., можно выявить межличностные отношения супругов.

Методика включает в себя анкету, которая описывает 9 ролей, ежедневно выполняемых каждым из супругов: «отец – мать» (родительство), «муж – жена» (супружество), «мужчина – женщина», «семьянин – хозяйка», «глава семьи». Оценка данных девяти ролей осуществляется по 6 шкалам: «активное – пассивное» (фактор активности); «простое – сложное», «новое – старое» (фактор привычности); «твёрдое – мягкое», «сильное – слабое» (фактор силы), «светлое – темное» (фактор оценки). Представляем пример бланка анкеты (табл. 1).

Таблица 1

Бланк анкеты для измерения межличностных отношений в супружеских парах

Активное	3	2	1	0	1	2	3	Пассивное
Сильное	3	2	1	0	1	2	3	Слабое
Твердое	3	2	1	0	1	2	3	Мягкое
Простое	3	2	1	0	1	2	3	Сложное
Светлое	3	2	1	0	1	2	3	Темное
Новое	3	2	1	0	1	2	3	Старое

Для проведения глубинного интервью был разработан гайд, состоящий из шести разделов: трудовая активность; экономическая активность; социально-политическая активность; общественно-полезная активность/волонтерство; образовательно-развивающая активность; досуговая активность. Транскрибированные интервью были подвергнуты контент-анализу. В интервью приняли участие 13 супружеских пар в возрасте от 23 до 52 лет, проживающие в Москве и Самаре.

На основе проведения методики семантического дифференциала, исходя из выявленной ролевой структуры семьи, информанты разделились на две группы: «совместимые» супружеские пары и «несовместимые». Основанием для выделения данных групп выступили два фактора: степень взаимного подтверждения супругами ролей и наличие согласованности (консонанса/диссонанса) в оценке выполнения конкретной роли другим супругом (лучше/хуже). Роль подтверждается, когда оценка по данной роли со стороны супруга выше, чем собственная («ты-муж» выше, чем «я-муж»). При согласованности наблюдается обратная картина. Консонанс присваивается в том случае, когда оценка супругу по конкретной роли ставится выше, чем самому себе («ты-жена» лучше, чем «я-муж»). При диссонансе один супруг оценивает себя выше по конкретной роли, чем другого. Для наглядности приведем формулу подсчета семантического дифференциала:

$$D(a, b) = \sqrt{\sum d^2 (a_i - b_i)},$$

где D – величина дифференциала, d – разность средних оценок объектов a и b по шкале i .

Таким образом, если при подсчете разности сопоставляемых объектов величина дифференциала близка к нулю, то это говорит о сходстве оценок в отношении данных объектов. Например, если разность значений между понятиями «я» и «жена» равна нулю, то наблюдается отождествление данных понятий, что в рамках исследования можно интерпретировать как высокую идентификацию с ролью.

«Совместимые» диады характеризуются взаимным подтверждением ролей (5 и более из 10 возможных), а также наличием пяти и более консонансов (К) из 10 возможных. В эту группу вошли семь пар. Например, у пары № 1 из 10 совокупных ролей (5 относятся к мужу, 5 – к жене) наблюдается 8 консонансов и 8 подтвержденных ролей, что свидетельствует о гармонии в отношениях супругов и балансе их оценок и самооценок.

Оба партнера в целом видят себя в супружеской роли – муж-жена: самооценки 4,2 – у

мужа и 6,1 – у жены (0 – полная включенность в Я семейных ролей; 14,0 – полная отстраненность от них) (табл. 2). На диаду приходится две неподтвержденные роли, обе со стороны жены: она не подтверждает мужу роли «мужа» и «главы семьи». Со стороны супруга наблюдается наличие двух диссонансов по ролям «жена», «хозяйка». Так как пара образовалась сравнительно недавно, возможно, данная ситуация свидетельствует о процессе адаптации к ролевому семейному поведению.

Таблица 2

Взаимное представление супругов о семейных ролях (пара № 1)

Я-отец – 6,4+	Ты-отец – 6,0 К	Я-мать – 7,8+	Ты-мать – 5,5 К
Я-муж – 4,2–	Ты-муж – 6,0 К	Я-жена – 6,1+	Ты-жена – 5,0 Д
Я-мужчина – 6,6+	Ты-мужчина – 6,0 К	Я-женщина – 8,5+	Ты-женщина – 5,3 К
Я-семьянин – 6,7+	Ты-семьянин – 6,0 К	Я-хозяйка – 8,5+	Ты-хозяйка – 7,4 Д
Я-глава семьи – 6,6–	Ты-глава семьи – 7,8 К	Я-глава семьи – 7,8+	Ты-глава семьи – 5,6 К

«Несовместимым» парам свойственна раскоординированная ролевая структура (5 и более из 10 ролей), а также преобладание диссонансов (5 и более (Д) из 10 ролей). В эту группу вошли шесть пар. Например, в супружеской паре № 2 из 10 совокупных ролей наблюдается 8 диссонансов и 7 неподтвержденных ролей. Данная картина говорит о том, что супруги, скорее всего, в конфликтных ситуациях будут стоять на своем и с меньшей вероятностью будут готовы «услышать» партнера, пойти на компромисс. В ряду семейных ролей муж в большей степени включен в родительскую роль (я-отец – 2,8), а жена – в супружескую (я-жена – 1,4) (табл. 3). Роли с обеих сторон остаются неподтвержденными: муж не подтверждает жене роли «мать»,

«женщина», «глава семьи», а жена мужу – роли «отец», «мужчина». Пара в браке около двух лет, детей не имеет, в связи с этим неподтвержденность родительских ролей менее значима. Однако вызывает интерес расхождение в представлениях относительно ролей гендерных: уже на раннем этапе брака супруги не подтверждают взаимную привлекательность (роль «мужчины» и роль «женщина»). На пару приходится 8 диссонансов, 5 из которых – со стороны жены: по всем ролям она ставит себя выше партнера. Важно отметить, что в сравнении со своими средне-высокими оценками женщина дает мужу средне-низкие оценки. Три диссонанса со стороны мужчины относятся к ролям «мать», «жена», «женщина».

Таблица 3

Взаимное представление супругов о семейных ролях (пара № 2)

Я-отец – 2,8–	Ты-отец – 5,3 Д	Я-мать – 1,7–	Ты-мать – 5,2 Д
Я-муж – 3,3–	Ты-муж – 7,3 Д	Я-жена – 1,4–	Ты-жена – 4,9 Д
Я-мужчина – 3,7–	Ты-мужчина – 7,7 Д	Я-женщина – 3,3–	Ты-женщина – 4,1 Д
Я-семьянин – 4,7+	Ты-семьянин – 4,7 Д	Я-хозяйка – 4,0+	Ты-хозяйка – 3,2 К
Я-глава семьи – 5,9+	Ты-глава семьи – 4,8 Д	Я-глава семьи – 2,0–	Ты-глава семьи – 4,7 К

На основе глубинных интервью была проанализирована степень включенности супругов из обеих групп в различные виды социальной активности. Анализ результатов эмпирического исследования показал, что и муж, и жена в обеих группах супружеских пар – «совмести-

мых» и «несовместимых» – в равной степени включены в трудовую активность:

Работаю исследователем, я менеджер проектов, у нас маркетинговые количественные исследования. В свободное время я занимаюсь кондитерством, пеку тортики, чизкейки и все прочее.

Занимаюсь личными консультациями в области арт-терапии.

Данный факт подтверждает результаты анализа вторичных данных: российские женщины активно включены в трудовую активность, осваивают разные отрасли и профессии.

Также подтверждаются данные о развитии семейного предпринимательства: три пары со стажем брака более 10 лет включены в совместные проекты:

У нас есть совместный проект по раннему грудничковому плаванию... Клуб премиального класса, где мой супруг является руководителем, управленцем, с моей стороны оказывается поддержка с точки зрения юриспруденции.

Анализ взаимосвязи ролевой структуры семьи и социальной активности супругов выявил влияние качества взаимоотношений с партнером на трудовую активность: именно «совместимые» пары удовлетворены своей работой, динамично продвигаются по карьерной лестнице, осваивают смежные направления. Работа выступает любимым делом жизни у шестерых из 14:

Я доволен, моя карьера складывается хорошо. Я развиваюсь в тех направлениях, которые мне интересны.

Мне нравится это все. Как говорит мой руководитель, моя карьера слишком стремительно развивается.

Моя профессия и есть мое хобби.

Женщины в «совместимых» парах отмечают помощь и поддержку супруга в момент переквалификации (4 чел.):

Супруг поддержал меня и морально, и материально.

В интервью «несовместимых» супружеских пар выявлена неудовлетворенность работой, она не приносит должного удовольствия (семь человек из 12):

Моя работа скучная, монотонная... Нет, я недовольна выбором профессии.

Я недоволен тем, что я уже засиделся на одном месте, где мне уже давно неинтересно.

Испытуемые трудятся ради хорошей зарплаты:

Не скажу, что мне нравится моя работа... Скорее нравится, что зарплата хорошая и приходит вовремя.

Супруги обеих групп в равной мере проявляют себя в экономическом виде активности. Наблюдается рост экономической самостоятельности каждого из супругов. Однако для «совместимых» пар характерна диверсификация распределения доходов, они не огра-

ничиваются удовлетворением базовых потребностей семьи. Наблюдается тенденция к инвестированию средств в собственное образование и самосовершенствование, в помощь и пожертвование нуждающимся. Имеет место общая удовлетворенность материальным положением:

На образование значительный процент... постоянно идет повышение квалификации, посещение мастеров... позволяет инвестировать, путешествовать, позволяет даже приобрести недвижимость.

Респонденты отмечают важность планирования семейного бюджета:

Нам удастся планировать... все, чего мы достигли в материальном плане, было связано с тем, что было четкое планирование, понимание своих целей.

Супруги из «несовместимых» пар отмечают, что значимая часть бюджета уходит на оплату обязательных ежемесячных нужд: ипотека (4 чел.), оплата аренды жилья (4 чел.), кредит (2 чел.).

Основная сфера, куда уходит доход – это оплата квартиры и покупка продуктов, плюс оплата кредита за машину.

На досуг вообще маленький процент тратится, некогда отдыхать, на образование вообще не тратится, так как не учусь.

Активность в социально-политической сфере крайне низкая в обеих группах, таким образом, ролевая структура семьи не оказывает существенного влияния на данный вид деятельности супругов. Для себя супруги выбирают позицию наблюдателя и не проявляют активных действий:

Далек от политической жизни.

Совершенно другая сфера жизни меня интересует.

Трое из 13 респондентов-женщин считают, что политика – мужское дело.

Интересно, что общественно полезная/альтруистическая активность актуализируется именно в «совместимых» супружеских парах: супруги активно занимаются экологической деятельностью (11 чел.), помогают нуждающимся слоям населения (10 чел.), животным (4 чел.). Наибольшую альтруистическую активность проявляют супруги в парах со стажем брака более 10 лет (восемь из восьми):

...Участвуем в коробках храбрости для онкобольных детей... на протяжении нескольких лет подряд кормим людей вокруг храмов: я готовлю пищу, муж развозит... Помогаем приюту для людей, которые попали в сложные

жизненные ситуации... каждую весну, когда сходит снег, самостоятельно собираем весь мусор, который остается после дачников...

Исследование показывает, что семейное благополучие коррелирует не только с успешностью в профессии, но и включенностью супругов в различные виды социальной активности. Это подтверждается результатами контент-анализа интервью супругов из «совместимой» группы: восемь человек имеют высокую степень активности (5–6 видов деятельности), трое – включены в 3–4 вида и трое – в 1–2 вида деятельности:

Благотворительность, международные волонтерства... Помощь более бедным слоям населения, сортировка еды для бедных в храме... участвую в разделении мусора, вторсырья.

В интервью «несовместимых» супружеских пар проявляется социальная инертность:

Не было желания участвовать.

Супруги отмечают, что не могут проявлять помощь и поддержку другим, пока испытывают чувство неудовлетворенности собой, собственной жизнью:

Не проявляюсь в общественно-полезной сфере, наверное, потому что не очень доволен своим положением, чтобы серьезно задумываться о других.

Семеро из группы «несовместимых» супружеских пар вообще не включены в альтруистическую активность, а пятеро называют один вид такой деятельности:

Когда этим заниматься? Этим занимаются бездельники, которые не работают, им нечем заниматься в течение дня. Когда работаешь, на это нет времени, когда кому помочь?

Образовательно-развивающая активность в большей степени свойственна «совместимым» супружеским парам. Они вкладывают средства в самосовершенствование, образование, хобби, испытывают постоянную потребность в саморазвитии, отмечая, что хотели бы обучаться активнее, если бы было больше часов в сутках. Респонденты отмечают влияние гармоничных взаимоотношений в паре на стремление развиваться:

Наличие отношений и их уровень дают мне возможность еще больше уделять время тому, что я люблю.

Одиннадцать из 14 человек этой же группы много/очень много времени (высокая степень включенности) уделяют развивающей активности, трое дают ответы достаточно (средняя включенность):

Мы только этим и занимаемся, вкладываем много личных средств и времени... У нас развитие идет по взаимному интересу... и качество наших взаимоотношений идет на новый виток, это абсолютно точно.

«Несовместимые» супружеские пары, как правило, менее активно включены в образовательно-развивающую активность. Причинами этого указываются отсутствие поддержки со стороны партнера, недостаток времени, денежных средств:

И времени нет, и денег.

Пока не готова морально и финансово, также, наверное, играет роль лень.

Очень мало уделяю. Конечно, хотелось бы, но основная работа занимает много времени, и быт никто не отменял, обязанности женщины по дому.

Степень включенности в развивающую активность всех 12 человек из «несовместимой» супружеской группы крайне низкая.

Ориентация на совместное проведение досуга в большей степени присуща супругам из «совместимой» группы (14 чел.):

Мы вместе очень много времени проводим, у нас есть много совместных практик, в которых мы проводим время, они расширяются, хотелось бы больше, и мы к этому стремимся,

Свободное время в первую очередь уделить друг другу.

Стараюсь, чтобы мои интересы совпадали с интересами моей жены, но в то же время давать друг другу свободное время и понимать, что кому-то тоже надо удовлетворить свои потребности. Во всем нужен баланс.

Мужчины и женщины из «несовместимой» группы чаще стремятся реализовать личные интересы (7 чел.):

Мне приятнее проводить это время одной.

В первую очередь удовлетворить свои личные интересы и потребности, потому что, если они не будут удовлетворены, совместное проведение досуга с супругом меня будет раздражать.

Подсчет ответов на данный вопрос показал, что провести свободное время вместе стремятся 12 человек: 9 – из «совместимой» группы и 3 – из «несовместимой». Ответ 50/50/в зависимости от обстоятельств выбирают 7: 5 – из «совместимой» группы и 2 – из «несовместимой». Стремление удовлетворить собственные интересы присуще именно супругам из «несовместимой» группы (7 чел.).

К разнообразию досуга в большей степени стремятся респонденты из «совместимой» группы (12 чел.):

Мое хобби – это музыка, и я много уделяю этому времени... Посещаю фестивали, где можно найти себе по душе людей... Я люблю путешествовать, жена тоже, в этом плане мы похожи... Мы очень любим походы в горы.

Минимизация видов досуговой активности присуща респондентам из «несовместимой» группы (10 чел.):

Если это была плотная рабочая неделя, то в выходные хочется минимизировать любую активность, полежать дома на диване, посмотреть сериалы, никуда не выходить.

Наиболее часто упоминаемые виды досуга – это прогулки на природе (14 чел.), посещение спортивных секций и программ (12 чел.), культурных мероприятий (12 чел.). Интернет и игровая активность интересна трем мужчинам из «несовместимых» диад:

90% моего досуга заключается в компьютере, в интернете.

Проводят время с друзьями не чаще одного раза в месяц 20 человек, а 6 – имеют общих друзей и реализуют совместный досуг.

Супруги «совместимой» группы отмечают положительное влияние качества взаимоотношений на социальную активность, гармония в паре стимулирует самореализацию, дает чувство опоры, уверенности, чувство наполненности:

Гармоничные отношения с партнером дают устойчивую позицию в жизни, дают прямое включение во все процессы.

В «несовместимых» союзах более выражена тенденция к сохранению автономии, независимости:

У тебя есть какие-то дела, обязанности, которые ты делаешь несмотря ни на что, нужно, чтоб какие-то точки опоры были.

Немаловажным фактором жизнедеятельности семьи выступает оценка собственной жизни. Все супруги из «совместимых» семей видят свою жизнь наполненной и насыщенной, испытывают глубокое чувство удовлетворенности настоящим:

Она у меня наполненная и насыщенная, потому что я занимаюсь тем, что мне нравится, что я люблю, чем я хотела заниматься. Я счастлива в этой жизни.

Я вообще могу сказать, что я очень счастливый, радостный человек, которому сказочно везет.

Для супругов из «несовместимой» группы характерна оценка жизни как «рутинной», имеют место чувство неудовлетворенности, пессимизм, состояние фрустрации (12 чел.):

Вся жизнь – это рутина.

Мне вообще неинтересна жизнь.

Итак, в ходе исследования, проведенного с помощью глубинного интервью и методики семантического дифференциала, выделены ролевые структуры семьи, оказывающие влияние на социальную активность диады: согласованная (совместимая) и несогласованная (конфликтная, несовместимая) ролевые структуры. Определено, что чем большая согласованность ролей наблюдается в супружеской паре, тем в целом более социально активны супруги. Согласованность ролей в супружеской паре положительно сказывается на следующих видах активности супругов: трудовой, социально-экономической, образовательно-развивающей, общественно-полезной, досуговой. Не выявлена связь согласованности представлений супругов о распределении ролей в семье с их активностью в социально-политической сфере.

Кроме того, ролевая согласованность супружеских взаимоотношений связана со степенью включенности и удовлетворенностью мужа и жены участием в различных видах социальной активности: супруги из «совместимых» пар более удовлетворены участием в различных видах общественной жизни, она у них разнообразнее, и они больше времени ей уделяют («много времени», «очень много времени»).

Супружеская совместимость связана также с самооценкой собственной жизни, удовлетворенностью внесемейной жизнью супругов. Супруги из «совместимых» семей видят свою жизнь наполненной, удовлетворены ею, отмечают положительное влияние качества взаимоотношений на социальную активность. По их мнению, гармония в паре стимулирует самореализацию, дает чувство опоры, уверенности, активность реализуется из чувства наполненности.

Таким образом, анализ результатов эмпирического исследования показал, что ролевая структура семьи и социальная активность мужа и жены связаны: чем большая согласованность ролей наблюдается в супружеской паре, тем более социально активны супруги.

Список литературы

1. Мужчина и женщина: мониторинг. 2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/muzhchina-i-zhenshchina-monitoring> (дата обращения: 20.03.2023).
2. Пакина Т. А., Свадьбина Т. В., Немова О. А., Ретивина В. В. Распределение супружеских ролей в отдельных сферах жизнедеятельности семьи //

- Проблемы современного педагогического образования. 2018. № 58–3. С. 207–210. EDN: YSTYII
3. Уровень занятости и безработицы женщин в возрасте 20–49 лет, имеющих детей // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/stora_ge/mediabank/smd_trud_2021.xlsx (дата обращения: 29.11.2022).
 4. Силласте Г. Г. Социальная субъектность семьи в процессе формирования нового гендерного порядка // Женщина в российском обществе. 2020. № 4. С. 14–26. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2020.4.2>
 5. Гагай В. В., Ефремова А. В. Ролевая структура семьи как фактор удовлетворенности браком // Мир науки. Педагогика и психология. 2019. № 3. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/14PSMN319.pdf> (дата обращения: 25.11.2022).
 6. Парсонс Т. О структуре социального действия / под общ. ред. В. Ф. Чесноковой, С. А. Белановского. М. : Академический Проект, 2002. 880 с.
 7. Бакланова О. Э. Согласованность супружеских ролей как фактор развития продуктивных брачно-семейных отношений : автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2012. 25 с.
 8. Гозман Л. Я. Психология эмоциональных отношений. М. : Изд-во Московского ун-та, 1987. 175 с.
 9. Евграфова Ю. А. Ролевая структура в молодой супружеской паре // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2019. Т. 9, вып. 4. С. 411–423. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2019.407>
 10. Ростовская Т. К., Кучмаева О. В. Трансформация образа желаемой модели семьи у разных поколений: результаты Всероссийского социологического исследования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2020. Т. 20, № 3. С. 527–545. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-3-527-545>
 11. Григорьева М. В. Специфика форм социальной активности личности и групп в зависимости от социально-демографических характеристик и уровня образования // Общество: социология, психология, педагогика. 2020. № 8 (76). С. 48–52. <https://doi.org/10.24158/spp.2020.8.8>, EDN: KUKDOW
 12. Барков С. А., Колодезникова И. В., Мысливец Н. Л., Щербинин С. Н. Экономическая социология и демография // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2022. Т. 28, № 1. С. 164–192.
 13. Петренко В. Ф. Основы психосемантики. 2-е изд., доп. СПб. : Питер, 2005. 480 с.
 14. Антонов А. И. Микросоциология семьи : учебник. 3-е изд., испр. и доп. М. : ИНФРА-М, 2018. 368 с.

Поступила в редакцию 13.09.2023; одобрена после рецензирования 17.09.2023; принята к публикации 29.11.2023
The article was submitted 13.09.2023; approved after reviewing 17.09.2023; accepted for publication 29.11.2023

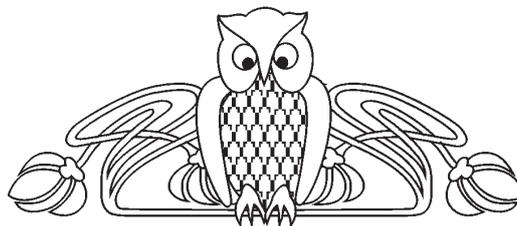

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 13–22
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 13–22
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-1-13-22>, EDN: IWJPCV

Научная статья
УДК 316.022

Этническая идентичность в теории и цифрах: на примере коренных малочисленных северных народов

А. М. Бекарев, Е. Е. Кутявина , Г. С. Пак

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Россия, 603950, г. Нижний Новгород, просп. Гагарина, д. 23

Бекарев Адриан Михайлович, доктор философских наук, профессор кафедры общей социологии и социальной работы, adrian.bekarev@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9766-0798>

Кутявина Елена Евгеньевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры общей социологии и социальной работы, kutyavina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8157-7132>

Пак Галина Станиславовна, доктор философских наук, профессор кафедры философии, galinapak5@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7305-4371>

Аннотация. Актуальное изучение этнической идентичности обусловлено предшествующим социально-политическим контекстом. На Западе внимание к этнической идентичности является маркером постколониальных исследований, в то время как в отечественной литературе – отходом от формирования новой исторической общности «советский народ». Соответственно, различаются и когнитивные цели изучения этнической идентичности – от манипулирования этническими идентичностями, ведущими к расколу ранее единого общества, до выявления факторов, способствующих сохранению культуры этнического меньшинства. Определение содержания этнической идентичности как состоящее из когнитивных, познавательных и поведенческих компонентов дает возможность использования понятий «этническая идентичность» и «этничность» в качестве синонимов. В социологическом исследовании этнической идентичности коренных малых народов использован инструменталистский подход, сочетающий идеи примордалистских и конструктивистских концепций. Выдвинутая гипотеза исследования об угрозе этнической идентичности малых народов со стороны процессов глобализации подтвердилась, но потребовала уточнений. Влияние глобализации на этническую идентичность является опосредованным, буфером между ними выступает доминирующая национальная культура.

Ключевые слова: этническая идентичность, структура этничности, инструментализм, примордализм, конструктивизм, малые народы, большое общество

Для цитирования: Бекарев А. М., Кутявина Е. Е., Пак Г. С. Этническая идентичность в теории и цифрах: на примере коренных малочисленных северных народов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 13–22. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-1-13-22>, EDN: IWJPCV

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Ethnic identity in theory and figures: On the example of the aboriginal minorities of the North

А. М. Bekarev, Е. Е. Kutyavina , G. S. Pak

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, 23 Prospekt Gagarina (Gagarin Avenue), Nizhny Novgorod 603950, Russia

Adrian M. Bekarev, adrian.bekarev@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9766-0798>

Elena E. Kutyavina, kutyavina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8157-7132>

Galina S. Pak, galinapak5@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7305-4371>

Abstract. The actual study of ethnic identity is conditioned by the previous socio-political context. In the West, attention to ethnic identity is a marker of post-colonial studies, while in Russia it is a departure from the formation of a new historical community "Soviet people". Accordingly, the cognitive goals of studying ethnic identity also differ from the manipulation of ethnic identities, leading to the split in a previously unified society, to identifying factors that contribute to the preservation of ethnic minority cultures. Defining the content of ethnic identity as consisting of cognitive and behavioral components makes it possible to use the concepts of "ethnic identity" and "ethnicity" as synonyms. The instrumentalist approach combining the ideas of primordial and constructivist concepts was used in a concrete sociological study of the

ethnic identity of the aboriginal people. The hypothesis put forward by the study about the threat to the ethnic identity of the minorities from the processes of globalization was confirmed, but required clarification. The influence of globalization on ethnic identity is indirect; the dominant national culture acts as a buffer between them.

Keywords: ethnic identity, ethnicity structure, instrumentalism, primordialism, constructivism, small nations, large society

For citation: Bekarev A. M., Kutuyavina E. E., Pak G. S. Ethnic identity in theory and figures: On the example of the aboriginal minorities of the North. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 13–22 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-1-13-22>, EDN: IWJPCV

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

На исследование этнической идентичности заметное влияние оказывает социально-политический контекст. Пристальное внимание к феномену этничности на Западе является маркером постколониальных исследований во второй половине XX в. [1, с. 29]. Если исследование этнической идентичности европейских ученых обусловлено крахом колониализма, то в нашей стране – отходом от формирования новой исторической общности «советский народ». Применение идей западных теоретиков к анализу российской действительности требует особой осторожности.

В третьем тысячелетии актуальность исследования этничности обусловлена усиливающимися процессами глобализации. Глобализация есть конкретно-исторический процесс взаимодействия культур и народов. Ульф Ганнерс выделяет четыре основных сценария будущего культур: «глобальная гомогенизация» как полное доминирование западной культуры; «периферийная коррупция» как упадок и разложение культуры в процессе адаптации; «сатурация» как медленное насыщение культуры образцами центра, когда становление культурной однородности растягивается на несколько поколений; последний сценарий «созревания» как равный диалог и обмен культур, их взаимообогащение в результате взаимодействия [2]. Устойчивость единого обусловлено не однообразием, а различием, только такое единое способно к развитию и имеет будущее. Это положение применимо ко всему живому, в том числе к культуре. Сохранение жизни на Земле возможно лишь в условиях биоразнообразия. Аналогично будущее культуры зависит от бережного отношения ко всем культурам, но прежде всего это относится к культурам малых народов.

Современная реальность утрачивает свои твердые очертания и становится «текучей», «разжиженной», как окрестил ее З. Бауман. В этих условиях становится сложным для отдельного индивида обретение устойчивой идентичности [3, с. 182]. Обращение к этнической идентичности есть адекватный ответ на поиск устойчивого и неизменного в этом нестабиль-

ном мире. Как ориентацию на прошлое в рамках концепта «Я образ» рассматривает этническую идентичность американский антрополог Джордж Де Вос [4]. Этничность есть прошлое каждого из нас. Человек без прошлого либо больной, либо преступник, скрывающий свое неприглядное прошлое. Как писал В. Соловьев, «только путник, взваливший на себя всю тяжесть прошлого, способен идти вперед» [5, с. 619–621].

В этничности заложен огромный потенциал, способный как сплотить, так и разобщить население целых страны. В цветных революциях, получивших сегодня широкое распространение в мире, беззастенчиво используется разрушительный потенциал этничности [6]. Какая тенденция – к интеграции или разобщению – возобладает, зависит от взвешенной социальной политики государства.

Стратегия государственной национальной политики России, утвержденная Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 на период до 2025 г. включает в числе приоритетных направлений следующие: «а) укрепление гражданского единства, гражданского самосознания и сохранение самобытности многонационального народа Российской Федерации (российской нации); б) сохранение этнокультурного и языкового многообразия Российской Федерации; г) гармонизация межнациональных (межэтнических) отношений, профилактика экстремизма и предупреждение конфликтов на национальной и религиозной почве; е) соблюдение прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» [7].

Актуальность изучения этнической идентичности, ее «взрывоопасный характер» требуют особой корректности в исследовании. Трудности возникают уже на пути определения ее дисциплинарного статуса. Ряд исследователей считают, что этническая идентичность является психологической категорией и необходимо разводить понятия этнической идентичности и этничности как социологической категории, определяющей этническую принадлежность по ряду объективных признаков: этнической при-

надлежности родителей, месту рождения, языку, культуре [8, с. 78]. С нашей точки зрения, этническая идентичность как разновидность социальной идентичности представляет собой вариант, характеризующий взаимодействие личности и общества, является предметом исследования социальной философии, социологии, а не только психологии и антропологии, и получила широкое распространение в политических науках, прежде всего на Западе. Тем самым утверждается междисциплинарный статус понятия идентичности, детерминация которой носит объективно-субъективный характер. Поэтому этническая идентичность не сводится исключительно к переживанию своего тождества с одной этнической общностью, отделяющей ее от других [9]. Этническая идентичность является сложным образованием и включает когнитивный аспект как знание и осознание своей тождественности с этнической группой, эмоциональный аспект, представленный разделяемыми этническими чувствами [10].

В исследованиях этнической идентичности дискуссионным является момент о необходимости включения в нее поведенческого механизма. Построение системы отношений и реализация действий в различных ситуациях, возникающих в результате этнокультурной коммуникации, по мнению некоторых исследователей, является значимым элементом идентичности [11]. Другие авторы видят в этом излишнее расширение понятия этнической идентичности [8]. Применительно к теме нашего исследования проблема приобретает вид дилеммы: относить или не относить к этнической идентичности ее объективированные формы, например, в виде ритуалов и обычаев. Э. Дюркгейм, изучавший место и значение ритуальных действий и обычаев в процессе социализации, выделял в качестве их основных функций интегрирующую и воспроизводящую. Интеграция способствует социальной солидарности, которая выступает у него высшей ценностью. Воспроизводящая функция направлена на сохранение традиций, норм и ценностей [12]. Поскольку обычаи и ритуалы способствуют сплочению этнической группы и укреплению ее этнического самосознания, важно включать поведенческие аспекты в структуру этнической идентичности.

Оппозиционалистский подход рассматривает этническую идентичность как феномен, возникающий и проявляющий себя в процессе взаимодействия и способный расти или ослабевать в ответ на внешние условия. Этническая идентичность трактуется как защитный

механизм, который формируется в результате подавления культурных различий [13]. Такого смыслового поля, в котором существует идентичность в зарубежной литературе. Такой подход во многом явился результатом манипулирования этничностями через противопоставление их культуре метрополии. Конкретный социально-политический контекст определяет формы проявления идентичности, но не отменяет общего понимания этничности как феномена интеракции «большого» и «малого» обществ, проявляющегося в установлении границ между «мы» и «они». С. Лурье выявила «двойное дно этничности», а именно различие между этнической культурой для «внешнего» и «внутреннего» пользования. Из этого следует существование двойных этнических границ, определяемых либо изнутри группы, либо внешним наблюдателем. Внешние границы есть результат межэтнического взаимодействия, а внутренние определяются неким культурным кодом, которым обладают только члены группы. Отсюда механизм взаимодействия членов группы может быть абсолютно не понятным для человека, находящегося вне ее [14].

Существуют три основных подхода к пониманию природы этнической идентичности. Примордиалистский подход определяет этничность как неотъемлемое свойство личности, связанное с культурным или биологическим происхождением. П. ван ден Берге рассматривал этнос как расширенную форму родственных отношений. Он считал, что предпочтение собственной этнической группы является биологически обусловленным свойством людей, способствующим выживанию и трансляции своих генов следующему поколению [13]. Есть культурологические разновидности примордиализма, в которых основой идентичности считается не кровное родство, а происхождение, условия ранней социализации, общая история, язык и культура. К отечественным представителям примордиалистского подхода относят Ю. В. Бромлея [15, с. 11], Л. Н. Гумилева. Гумилев утверждал, что люди объединяются по принципу комплиментарности как неосознанной симпатии к одним и антипатии к другим [16, с. 61–62]. Бромлей в качестве характерных признаков этноса выделял общность территории проживания, общее историческое прошлое, не артикулируя внимания на кровное родство, но подчеркивая значимость единства языка, культуры, особенностей психики.

Альтернативой примордиалистскому подходу является конструктивизм, сформировав-

шийся в работах западных исследователей, посвященных трансформации этнической идентичности в постколониальном пространстве. Этническая группа рассматривается в них как социальный конструкт и может представлять сообщество лишь в воображении. В качестве представителей этого подхода обозначим Э. Глазерсфельда [17] и В. А. Тишкова [18].

Инструментализм является третьим подходом, сочетающим элементы и примордиалистского, и конструктивистского подходов. Инструментализм характеризуется функционализмом и утилитаризмом. Он может принимать различные формы в зависимости от социально-культурного и политического контекста. Свою позицию определяем как инструменталистскую, позволяющую учитывать объективные и субъективные основания этнической идентичности. Этническая идентичность является результатом межкультурного взаимодействия и представляет собой единство «первородных», «предписываемых» и создаваемых, конструируемых характеристик. При таком подходе становится возможным употребление понятий «этничность» и «этническая идентичность» как синонимов в ситуациях, не требующих их скурпулезного различия.

Обозначим нашу цель как исследование этнической идентичности и выявление *социальных факторов* ее устойчивости у коренных малых народов Севера, проживающих в Ямало-Ненецком автономном округе.

Гипотеза состоит в предположении, что большую угрозу для сохранения этнической идентичности представляют процессы глобализации, а не влияние со стороны «большого общества» (людей русской национальности).

В нашем исследовании термин «коренные народы» обозначает группу, представляющую собой меньшинство в социальном и культурном плане и отличную от групп, доминирующих в национальной структуре соответствующих стран, которой в той или иной степени присущи особенности [19], отражающиеся в понятиях этничности и этнической идентичности. Феномен этничности имеет объективно-субъективную природу и предполагает выделение объективных и субъективных характеристик. Тождество этничности и этнической идентичности проявляется в наличии у них трех основных блоков: когнитивного, эмоционального и поведенческого.

Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации (далее – малочисленные народы) – народы, проживающие в районах Севера, Сибири и

Дальнего Востока на территориях традиционного расселения своих предков, сохраняющие традиционные образ жизни, хозяйственную деятельность и промыслы, насчитывающие менее 50 тысяч человек и осознающие себя самостоятельными этническими общностями [20].

К перечню видов традиционной хозяйственной деятельности Федеральный закон от 20 июля 2000 г. № 104-ФЗ относит [20]:

- животноводство, в том числе кочевое (оленоводство, коневодство, яководство, овцеводство) и переработку продукции животноводства, включая сбор, заготовку и выделку шкур, шерсти, волоса, окостенелых рогов, копыт, пантов, костей, эндокринных желез, мяса, субпродуктов;

- звероводство (разведение зверей, переработка и реализация продукции звероводства) и собаководство как важный элемент хозяйственной жизни (разведение оленегонных, ездовых и охотничьих собак);

- бортничество, пчеловодство, рыболовство (в том числе морской зверобойный промысел), промысловую охоту, предполагающую переработку и реализацию охотничьей продукции; собирательство, включая заготовку, переработку и реализацию пищевых лесных ресурсов, сбор лекарственных растений;

- заготовку древесины и недревесных лесных ресурсов для собственных нужд;

- земледелие (огородничество), а также разведение и переработку ценных в лекарственном отношении растений, добычу и переработку общераспространенных полезных ископаемых для собственных нужд;

- строительство национальных жилищ и других построек, необходимых для осуществления традиционных видов хозяйственной деятельности;

- художественные промыслы и народные ремесла (кузнечное и железоделательное ремесло, изготовление утвари, инвентаря, лодок, нарт, иных традиционных средств передвижения, музыкальных инструментов, берестяных изделий, чучел промысловых зверей и птиц, сувениров из меха оленей и промысловых зверей и птиц, плетение из трав и иных растений, вязание сетей, резьба по кости, резьба по дереву, пошив национальной одежды и другие виды промыслов и ремесел, связанные с обработкой меха, кожи, кости и других материалов).

Хозяйственная жизнь малых коренных народов находится на стадии присваивающей экономики и является объективным основанием для формирования этнической идентичности.

В теориях этнической идентичности признание языка необходимым ее компонентом является дискуссионным на том основании, что некоторые этнические общности не имеют собственного языка или диалекта и используют в общении язык большинства. Вопрос о включении языка или диалекта в содержание этнической идентичности не может быть решен чисто эмпирическим путем. Если нет своего языка или диалекта у некоторых этносов, это еще не значит, что язык не является важным признаком этнической идентичности. Необходимо выявить причины его отсутствия: либо его не было вообще, либо он был утрачен. Признание экзистенциального измерения языка «язык – дом бытия» [21] и его укорененности в повседневных структурах, в которых языковая и этническая общность зачастую отождествляются, дает основание рассматривать язык как значимый элемент этнической принадлежности.

На значимость, распространенность, функциональную развитость языка влияет не только уровень его структурного развития, но и соответствие особенностей структуры языка особенностям жизни языковой группы. Народы, даже очень малочисленные, сохраняющие в значительной степени традиционные формы существования (уклад семьи, трудовая деятельность, религиозные обряды, тип жилища), имеют больше шансов сохранить свой язык. Длительное проживание на одной и той же территории, в одних и тех же условиях способствует сохранению традиционного жизненного уклада, традиционных занятий. Компактное размещение носителей языка способствует сохранению языка в семейном, бытовом общении, в общественных местах. Исследователи в области лингвоэкологии отмечают компактное расселение языковой группы «в местах исконного проживания» как один из важных факторов vitality языка [22].

Функциональная и структурная развитость языка часто выражается в закреплении за ним особого официального статуса. Язык получает поддержку государства и, соответственно, дополнительные преимущества. С другой стороны, закрепление за языком особого статуса может способствовать его защите и сохранению. Закон «О родных языках коренных малочисленных народов Севера на территории Ямало-Ненецкого автономного округа» [23] определяет родные языки коренных малочисленных народов Севера как неотъемлемую часть бытия, культуры, традиционного образа жизни, они

используются в процессе повседневного общения, в важных для них сферах общественных отношений, признаются местными официальными языками в местах проживания этих народов и функционируют наравне с государственным языком Российской Федерации. Как родные языки коренных малочисленных народов Севера на территории Ямало-Ненецкого автономного округа выделяются ненецкий, хантыйский, селькупский. Эти языки используются в средствах массовой информации в целях их сохранения и развития, развития творчества, традиционной культуры, пропаганды защиты исконной среды обитания, традиционных образа жизни, хозяйствования и промыслов коренных малочисленных народов Севера. На родных языках проводятся передачи на окружном и муниципальном телевидении и радио; в автономном округе выпускаются газеты и журналы, издается научно-публицистическая, художественная и учебная литература.

Основным документом, посвященным правам коренных народов, является Конвенция 169 Международной организации труда [19]. В сентябре 2007 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла Декларацию Организации Объединенных Наций о правах коренных народов [24], тем самым признав их права по широкому кругу вопросов и предоставив универсальную основу для международной общественности и государств.

Перечисленные документы рассматривают культуру, язык, традиционный уклад жизни коренных малых народов как нуждающиеся в защите и сохранении. Под влиянием комплекса социальных факторов эти народы могут утратить культуру, язык, традиции и этническую самобытность, переняв их у этнического большинства.

К этническим маркерам можно отнести такие знаковые средства, которые имеют двойственную природу: являются компонентами данной этнической культуры, т. е. устойчиво воспроизводятся в ней, передаваясь из поколения в поколение и в то же время отличают данный этнос от всех или большинства этносов; осознаются как символ принадлежности к этнической группе (как членами самой группы, так и другими) и достаточно легко и однозначно распознаются в ситуации межэтнического взаимодействия [25, с. 84–85].

Таким образом, этническими маркерами могут выступать: язык, национальные обычаи и традиции, праздники, национальный костюм,

набор имен, религиозные обряды и символы. Очень устойчив такой этнический маркер, как национальная кухня, значимый элемент повседневной культуры.

В Ямало-Ненецком АО, по данным переписи 2010 г., проживают 522 904 чел., большая часть из них – русские (31 2019 чел.), много украинцев (48 985 чел.), татар (28 509 чел.). Население округа является многонациональным. Из числа коренных малых народов Севера в округе живут ненцы (29 772 чел.), селькупы (1988 чел.), ханты (9489 чел.). Среди населения округа есть коми (5141 чел.), которые, строго говоря, не являются малым народом, так как общая их численность в России превышает 200 тыс. чел., однако по образу жизни и многим другим социальным характеристикам они близки к коренным малым народам Севера. Закон «О родных языках коренных малочисленных народов Севера на территории Ямало-Ненецкого автономного округа» особо выделяет ненецкий, хантыйский, селькупский языки; определяет их как неотъемлемую часть бытия, культуры, традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Севера, которые используются в процессе повседневного общения, в важных для них сферах общественных отношений, признаются местными официальными языками в местах проживания этих народов и используются наравне с государственным языком Российской Федерации [23].

Было опрошено 300 человек, в том числе – 98 представителей народа ханты, 185 ненцев, 12 коми, 5 селькупов. Опрос проводился как в местах компактного проживания коренных малых народов, так и в крупных населенных пунктах, где они проживают дисперсно. В местах компактного проживания опрос проводился по квотной выборке (квоты по полу и возрасту), в местах дисперсного проживания – методом «снежного кома».

Опрос проводился по анкете, включающей закрытые и открытые вопросы. Специфика исследуемой проблемы обусловила высокую долю открытых вопросов, что позволяет рассматривать методологию исследования как качественно-количественную. Первые два блока ориентированы на изучение прошлого в культуре.

Первый блок анкеты посвящен праздникам и обычаям коренных малых народов. Выявлялось знание праздников, обычаев, традиций и субъективное отношение к ним (субъективная значимость, восприятие как символа народа).

Второй блок анкеты посвящен исследованию отношения к национальной кухне – наиболее популярные блюда, деление пищи на «повседневную» и «праздничную», связь национальной кухни с различными социальными ситуациями.

Описание настоящей этнической идентичности представлено в третьем, четвертом, шестом и седьмом блоках анкеты, поскольку настоящее родом из прошлого, определяет будущее, связывает их между собой.

Третий блок анкеты нацелен на описание коммуникативных процессов, связанных с этнической культурой и ее проявлением в коллективных действиях (организация праздников, взаимосвязь с соседской и религиозной общиной, с общественными организациями).

Четвертый блок анкеты посвящен исследованию языка как этнического маркера и средства коммуникации. Вопросы касаются сфер функционирования языка (от деловой до повседневной), языковых аспектов внутрисемейного взаимодействия, доступных источников на языке родного народа, отношения к языку.

Шестой блок выявляет социальный контекст использования национального костюма.

Седьмой блок – социально-демографический. По сравнению с традиционной структурой данного блока набор вопросов несколько расширен и включает в себя, помимо вопросов о поле, возрасте, составе семьи, доходе, образовании и роде занятий, вопросы о национальной принадлежности, типе поселения, миграционных установках.

Будущее, которого еще нет, представлено пятым и восьмым блоками. Пятый блок анкеты – ценностный, включает вопросы о ценностном восприятии перспектив сохранения национальной культуры, языка, влияния глобализационных и модернизационных процессов.

Восьмой блок адресован респондентам, имеющим детей, и нацелен на выявление перспектив трансляции элементов национальных культур молодому поколению.

Как показали результаты исследования, среди традиционных национальных праздников коренных малых народов Ямало-Ненецкого автономного округа можно выделить Воронин день, День оленевода, День рыбака, Василий лун, Медвежий праздник, Ильин день – их знают все опрошенные. Особо стоит отметить Воронин день – половина опрошенных не только знают этот праздник, но и регулярно его отмечают, а также считают сим-

волом своего народа. Около трети аналогичным образом обозначают роль Дня оленевода и Медвежьего праздника. Чуть меньше (27%) выделяют День рыбака и Василий лун (можно было выбирать несколько вариантов, поэтому сумма больше 100%). Называли такие праздники, как: Кормление духа хозяина моря, День прилета птиц, Хор он, ат хатл, проводы лебедя, Лун кутап хатл, Таер яля (середина лета), Якты хот, Новый год по Северному календарю, Солнце на хорее, Первей пас и Йи мунан лун (коми-зыряне), Олан хул шитты хатл, Енк нопатты хатл (ханты).

Праздники и традиции коренных малых народов сохраняют связь с традиционными их занятиями (животноводство, охота, рыболовство, кочевой образ жизни) и образом жизни, с природными сезонными циклами. Некоторые прямо называли в качестве «национальных обычаев» охоту, рыболовство, кочевничество, оленеводство. Называемые некоторыми респондентами в качестве национальных традиций и обрядов «традиционные запреты» связаны с образом жизни народа, его моральными принципами и имеют экологическое значение. Особое отношение среди них отмечается к огню, воде, земле: «Ненецкие запреты (“хэвы”) очень строги. Детям и даже собакам нельзя рыть и как-либо повреждать землю, играть с огнем и водой (особенно бить по ней палками). Нарушение строго каралось осуждением сородичей», «Брать на охоте и на рыбалке столько, сколько нужно только для пропитания». Запрет на «повреждение земли» жизненно необходим в условиях вечной мерзлоты и воспринимается коренными малыми народами Севера именно с ценностной, моральной точки зрения. Данный запрет фактически закрывает этим народам путь в наиболее развитую и доходную сферу экономики региона – нефтедобычу. С точки зрения описанных моральных принципов, добыча полезных ископаемых – это не просто деятельность, наносящая урон экологической системе, разрушающая исконные места обитания, но деятельность аморальная.

Многие также называли и описывали обряды, связанные с жизненным циклом человека, – рождение детей, свадьба, похороны, поминальные обряды; обычаи, связанные с универсальными человеческими ценностями, культурными универсалиями, – уважение к старшим, уважение к матери и отцу, уважительные отношения в семье, гостеприимство, дружба, сохранение традиций («В любое время

суток пустить путника в чум и дать согреться чаем», «Передавать традиции и опыт молодому поколению», «Навестать семейное кладбище», «Встретаться с друзьями»). Заметен характерный для традиционного общества акцент на авторитете старшего поколения («Родители и родственники старшего поколения, оставшиеся одни, остаются всегда на попечении сыновей», «Не перебивать, не пререкаться со старшими по возрасту, если даже они не правы»).

Можно отметить синтетический характер культуры коренных малых народов Севера, обусловленный культурными связями с другими народами – с одной стороны, и древними обычаями – с другой. В качестве национальных традиций и обычаев называют православные традиции и праздники (Пасха, Благовещение, Ильин день, Троица, в некоторых случаях получающие специфическую национальную окраску («Подготовка (пост) и встреча Ыджыд лун (Пасхи) с куличом и крашеными яйцами», «Стараюсь в религиозные праздники не делать грязную работу, потому что могу получить замечание от представителей извѣтас»). Называют очень много языческих обычаев – поклонение священному дереву, духам огня, воды, воздуха, жертвоприношения этим духам, очищение огнем, пение шамана, «вертикальная картина мира».

Важной социальной функцией национальных праздников является консолидирующая. Праздник – время общения, объединения, он способствует повышению солидарности не только конкретного этноса, но общества в целом. Консолидирующее значение национальных праздников подтверждается тем, что около четверти опрошенных назвали «национальными праздниками» относительно новые и не имеющие конкретной этнической окраски дни – День коренных малых народов Севера и Этнофорум.

Организуют массовые праздники чаще всего общественные организации (50%), местные органы власти (37%), «сами люди» (33%), религиозные организации (7%). Основные источники информации о праздниках и традициях – семейное и другое повседневное общение «от родителей» – 95%, «от друзей» – 20%, «не помню, всегда знал» – 23%. Как источники информации о национальных традициях упоминают СМИ и интернет (по 20%).

Коренные малые народы Севера сохраняют национальную кухню, воспринимают ее как важную часть своего образа жизни и как

национальную традицию (в числе национальных традиций некоторые отмечали «приготовление национальных блюд», «употребление сырой рыбы и мяса»). Практически все (90%) регулярно едят строганину, блюда из оленины, прочие мясные блюда, уху и другие рыбные блюда, ягоды/ягодные напитки/ягодные варенья, 5% питаются исключительно национальной кухней и еще 5% употребляют блюда национальной кухни часто, сочетая их с другими. Используется много животной пищи – мясо и субпродукты, рыба, рыбий жир. Растительная пища упоминается несколько реже – ягоды, традиционная выпечка (например, пирог с голубикой), мучной суп. Многие национальные блюда упоминаются и как праздничные, и как повседневные – оладьи с кровью, няр нехи, няр хул, ненецкий мучной суп, топленый олениный жир. Как праздничные блюда выделяют малосол, икру, жаркое, морошку с сахаром, выпечку, шумух, холодец, язык. Все опрошенные считают национальную кухню полезной для здоровья.

Языковое поведение и языковая самоидентификация коренных малых народов Севера несколько расходятся. Большинство (87%) назвали язык своего народа родным или вторым родным языком (еще 10%). Они воспринимают язык как родной, потому что это язык их народа (50%), язык отца (40%), матери (36%). Лишь 16% считают, что знают этот язык лучше, чем какой-либо другой, 10% отмечают, что этот язык преимущественно используется в их населенном пункте. Показательны ответы на открытый вопрос: «Почему Вы считаете язык родным?» – «Я считаю, что неплохо говорю на нем», «Хочу, чтобы мой язык жил». Практически во всех сферах общения соседствуют русский и национальный язык, но в разных соотношениях. В семейном общении, особенно при взаимодействии со старшими родственниками, у 53% используются оба языка, при этом у 28% национальный язык преобладает при общении со старшими родственниками, у 18% преобладает во внутрисемейном общении в целом, но таких семей, в которых использовался бы исключительно национальный язык, нет. Заметно чаще используется русский язык во внешних контактах – лишь 19% отметили, что говорят на нем на работе, на учебе – два языка, остальные общаются преимущественно (15%) или исключительно (66%) на русском. Аналогичным образом используются языки в повседневных внешних контактах (общение с соседями, «в

магазине, на улице») – 17% используют два языка, 14% говорят преимущественно по-русски, остальные 69% – только по-русски. Можно говорить о сужении сферы функционирования национального языка при сохраняющемся отношении к нему как к родному, как к символу этноса. Лишь отчасти могут поддержать функционирование языка письменные источники. Почти половина опрошенных (48%) читают СМИ на родном языке, 40% читают интернет-источники, 36% – книги, меньше трети (28%) респондентов ничего не читают.

Довольно устойчив такой элемент национальной культуры, как национальный костюм. Пятая часть участников опроса носят национальный костюм всегда, 50% – в качестве праздничной одежды, еще 18% используют в качестве праздничной одежды отдельные элементы национального костюма, по 6% носят национальный костюм в определенный сезон или на работе.

Этническая культура, традиции, обычаи и ценности воспринимаются коренными малыми народами Севера как нечто значимое, нуждающееся в защите и сохранении. Подавляющее большинство (87%) согласны с утверждением, что «национальные традиции – это важнейший элемент культуры нашего народа», чуть меньше (80%) – что «сохранение национальной культуры – одна из важнейших задач нашего народа», почти все (95%) гордятся своей национальной культурой. Больше половины респондентов согласны с тем, что этническая культура – это способ связи с другими поколениями народа, старшими (68%) и молодыми (53%). Неприятие, несогласие у большинства вызывают суждения: «Национальные традиции – это анахронизм, им место в музее» (83%), «Национальная культура и традиции – это просто экзотика и приманка для туристов» (79%), «Я бы не хотел, чтобы мои дети слишком глубоко проникались национальной культурой» (84%). Обращает на себя внимание то, что выбираются в основном крайние суждения (совершенно согласен и совершенно не согласен), т. е. отношение к национальной культуре осознанное, выраженное. Противоречия вызвали только два суждения – «Глобализация через какое-то время уничтожит национальные культуры, и в этом нет никакой трагедии» (72% выбрали среднюю позицию между согласием и несогласием, так как, видимо, затрудняются с прогнозом ситуации), а также «Лучше потратить время на изучение английского языка, чем нашего

национального». Здесь мнения разделились: 65% выражают ту или иную степень согласия, 20% не согласились ни с одним суждением, остальные затруднились с ответом.

Готовы они и прилагать усилия для сохранения национальной культуры, передачи ее детям. Самый популярный способ приобщения детей к национальной культуре – национальная кухня (79%), на втором месте – родной язык (75% стараются разговаривать с детьми на нем), далее следуют национальные праздники (63%), национальные сказки и национальный костюм (по 59%), национальные песни (51%).

Подводя итоги наших исследований, отметим, что большинство респондентов гордятся своей культурой, которая воспринимается коренными малыми народами Севера как нечто значимое, но в то же время нуждающееся в защите и сохранении, что свидетельствует о разумном отношении к прошлому и отчетливо-му осознанию того, что оно может быть утрачено. Пока угроза исчезновения собственной этнической культуры осознается, есть надежда на ее сохранение.

Сужение сферы функционирования национального языка при сохраняющемся отношении к нему как к родному, как к символу этноса является реальным проявлением существующей угрозы, поскольку функционирование языка характеризует настоящее культуры.

Неопределенность будущего представлена противоречивым отношением к глобализации и возможности замены родного языка английским. Сохранение национальной культуры в будущем считается реальным на уровне структур повседневности. Большинство коренных малых народов готово прилагать усилия для сохранения этнической идентичности на любом уровне.

Выдвинутая гипотеза о наиболее реальных угрозах этнической идентичности со стороны глобализационных процессов подтвердилась, но требует уточнения. Влияние глобализации на этническую идентичность является опосредованным, буфером между ними выступает доминирующая национальная культура.

Список литературы

1. Герандоков М. Х. Этничность и этническая идентичность: теоретический аспект // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2009. № 2 (28). С. 28–35.
2. Hannerz U. Notes on the Global Ecumene // Public Culture. 1989. Vol. 1, iss. 2. P. 66–75. <https://doi.org/10.1215/08992363-1-2-66>
3. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005. 390 с.
4. De Vos G. A. Ethnic pluralism: Conflict and accommodation: The role of ethnicity in social history // Ethnic identity: Creation, conflict, and accommodation / ed. by G. A. De Vos, L. Romanucci-Ross. AltaMira Press, 1995. P. 15–47.
5. Соловьев В. С. Тайна прогресса // Соловьев В. С. Соч. : в 2 т. Т. 2. Чтения о богочеловечестве. Философская публицистика. М.: Правда, 1989. 738 с. (Из истории отечественной философской мысли).
6. Пономарева Е. Г., Рябинин Е. В. «Цветные революции» в контексте стратегии управляемого хаоса // Обозреватель – Observer. 2015. № 12 (311). С. 38–51.
7. О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года : указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 (с изм. и доп.). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
8. Маканова А. Ж. Этническая идентичность как элемент формирования этнического сознания // Современная высшая школа: инновационный аспект. 2011. № 1. С. 78–86.
9. Шпет Г. Г. Введение в этническую психологию. СПб.: Алетейя, 1996. 376 с.
10. Солдатова Г. У. Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998. 389 с.
11. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. М.: Аспект Пресс, 2000. 320 с.
12. Дюркгейм Э., Мосс М. О некоторых первобытных формах классификации. К исследованию коллективных представлений // Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии / пер. с фр. А. Б. Гофмана. М.: Восточная литература, 1996. С. 6–73.
13. Van den Berghe P. L. Race and Ethnicity: A sociobiological perspective // Ethnic and Racial Studies. 1978. Vol. 1. P. 401–411. <https://doi.org/10.1080/01419870.1978>
14. Лурье С. Метаморфозы традиционного сознания. Гл. 2. Двойное дно этничности. СПб.: Тип. им. Котлякова, 1994. 288 с.
15. Бромлей Ю. В. Этносоциальные процессы: теория, история, современность. М.: Наука, 1987. 333 с.
16. Гумилев Л. Н. Конец и вновь начало. М.: Танаис, 1994. 544 с.
17. Глазерсфельд Э. Введение в радикальный конструктивизм // Цоколов С. Дискурс радикального конструктивизма. Традиции скептицизма в современной философии и теории познания. Мюнхен: PHREN, 2000. С. 74–98
18. Тишков В. А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. 544 с.

19. Конвенция о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах. Принята 27 июня 1989 года Генеральной конференцией Международной организации труда на ее семьдесят шестой сессии. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/iol169.shtml (дата обращения. 03.04.2023).
20. Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации : федер. закон от 20.07.2000 № 104-ФЗ (ред. от 20.10.2022). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».
21. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления / сост., пер. с нем. и комм. В. В. Бибихина. М. : Республика, 1993. 447 с.
22. Гюльмагомедов А. Г. Некоторые вопросы теории и практики двуязычия, многоязычия и диглоссии // Наследие как система ценностей: язык, культура, история : материалы междунар. науч. конф. / под ред. Г. Г. Гамзатова. Махачкала : Ин-т языка, литературы и искусства им. Гамзата Цадаасы ДНЦ РАН, 2007. С. 510–527.
23. О родных языках коренных малочисленных народов Севера на территории Ямало-Ненецкого автономного округа : закон Ямало-Ненецкого АО от 05.04.2010 № 48-3АО. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=163009230&backlink=1&nd=163010266&rdk> (дата обращения. 03.04.2023).
24. Декларация Организации Объединенных Наций о правах коренных народов. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtml (дата обращения. 03.04.2023).
25. Кутявина Е. Е. Двуязычие в межэтническом взаимодействии (социологический аспект) : дис. ... канд. социол. наук. Нижний Новгород, 1999. 158 с.

Поступила в редакцию 06.04.2023; одобрена после рецензирования 15.05.2023; принята к публикации 29.11.2023
The article was submitted 06.04.2023; approved after reviewing 15.05.2023; accepted for publication 29.11.2023

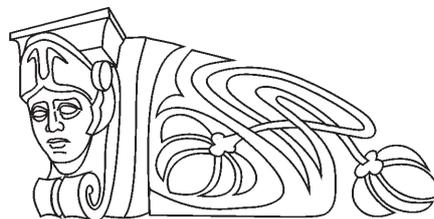

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 23–29
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 23–29
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-1-23-29>, EDN: HYQGNA

Научная статья
УДК 316.2

Социальные взаимодействия в системе высшего образования в условиях информатизации общества

Л. И. Найденова ✉, Е. В. Щанина

Пензенский государственный университет, Россия, 440026, г. Пенза, ул. Красная, д. 40

Найденова Людмила Ивановна, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры «Социология и управление персоналом», linajdenova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7386-3697>

Щанина Екатерина Владимировна, доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой «Социология и управление персоналом», shchanina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6834-1886>

Аннотация. Информатизация различных сторон жизни общества и цифровизация отраслей экономики изменили содержание деятельности многих социальных институтов. Это коснулось проблемы социальных взаимодействий в современном высшем образовании. Практические действия в аспекте цифровизации высшего образования требуют осмысления в социальном аспекте для их эффективного регулирования. Целью статьи является определение факторов, влияющих на выполнение основных институциональных функций высшего образования через социальные взаимодействия преподавателей и учащихся в условиях цифровизации высшего образования (в частности, при переходе на дистанционное обучение). Рассмотрены теоретические подходы к пониманию процессов цифровизации, которые дополняются известными подходами к исследованию сущности социальных взаимодействий. Использованы системный и институциональный подходы. Теоретический анализ особенностей социальных взаимодействий с использованием цифровых технологий дополнен вторичным анализом социологических исследований по проблемам цифровизации системы высшего образования, внедрения цифровых технологий и дистанционного обучения в вузах, результатами социологического опроса студентов Пензенского государственного университета (апрель–май 2020 г.). Описан опыт ведущих вузов по использованию искусственного интеллекта, аналитики больших данных и работы нейросетей в деятельности университета. На основе проведенных исследований и вторичного анализа данных сделан вывод о том, что институциональная функция передачи знаний в системе высшего образования достаточно успешно выполнялась в новых условиях обучения. На возможности социальных взаимодействий и коммуникаций с преподавателями, управленческими структурами вузов влияют технологические, учебно-технологические, организационные, коммуникационные факторы. Под их влиянием будут формироваться профессиональные и общекультурные компетенции выпускников вузов, которые являются предпосылками для получения ими новых социальных статусов после окончания вуза.

Ключевые слова: система высшего образования, социальный институт образования, социальные взаимодействия, информатизация общества, цифровизация образования

Для цитирования: Найденова Л. И., Щанина Е. В. Социальные взаимодействия в системе высшего образования в условиях информатизации общества // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 23–29. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-1-23-29>, EDN: HYQGNA

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Social interactions in the higher education system in the context of informatization of society

L. I. Naydenova ✉, E. V. Shchanina

Penza State University, 40 Krasnaya St., Penza 440026, Russia

Ludmila I. Naydenova, linajdenova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7386-3697>

Ekaterina V. Shchanina, shchanina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6834-1886>

Abstract. Informatization of various aspects of social life and digitalization of economic sectors changed the content of the activities of many social institutions. This touched upon the problem of social interactions in modern higher education. Practical actions in the aspect of digitalization of higher education require social reflection for their effective regulation. The purpose of the article is to determine the factors influencing the implementation of the main institutional functions of higher education through social interactions of teachers and students in the context of digitalization of higher education (in particular, during the transition to distance learning). The article discusses theoretical approaches to understanding digitalization processes, which are complemented by the well-known approaches to studying the essence of social interactions. Systemic and institutional approaches were used. The theoretical analysis of the features of social interactions using digital technologies is sup-

plemented by a secondary analysis of sociological research on the problems of digitalization of the higher education system, the introduction of digital technologies and distance learning at universities, and the results of a sociological survey of the students at Penza State University (April–May 2020). The article describes the experience of leading universities in the use of artificial intelligence, big data analytics and the work of neural networks in university activities. On the basis of the conducted research and secondary data analysis, it was concluded that the institutional function of knowledge transfer in the higher education system was quite successfully performed in the new learning conditions. The possibilities of social interactions and communications with teachers and management structures of universities are influenced by technological, educational, organizational and communication factors. Under their influence, the professional and general cultural competencies of university graduates will be formed, which are prerequisites for them to occupy new social statuses after graduation.

Keywords: higher education system, social institution of education, social interactions, informatization of society, digitalization of education

For citation: Naydenova L. I., Shchanina E. V. Social interactions in the higher education system in the context of informatization of society. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 23–29 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-1-23-29>, EDN: HYQGNA

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Проблемы институциональных изменений в системе высшего образования в условиях информатизации общества не только становятся одним из приоритетных направлений социологии образования, но и определяют актуальные направления развития новой социологической отрасли – цифровой социологии. В ходе цифровизации происходит объединение цифровых и информационно-коммуникационных технологий, и это не только технический процесс. Изменяются социальные взаимодействия индивидов, наполняются новым содержанием известные институциональные функции.

Несмотря на довольно обширный набор практических и исследовательских направлений, надо отметить, что настало время для начала развития еще одного направления, которое со временем может послужить основой для нового направления теоретических концепций и теоретико-методологических разработок. Это – включение социальных взаимодействий в разные сферы жизни общества в условиях активной информатизации современного общества. Более частное или конкретное направление, возможно, приближающееся к «теориям среднего уровня» – промежуточного между теоретическими изысканиями и эмпирическими исследованиями, – мы выделим и обозначим как «Социальные взаимодействия и процессы в условиях информатизации общества и цифровизации деятельности современных социальных институтов». Поэтому целью данной статьи является исследование возможных социальных взаимодействий в системе высшего образования в условиях цифровизации высшего образования и определение институциональных изменений, происшедших при этом и влияющих на выполнение институциональных функций системы высшего образования. Система образования является важнейшим социальным институтом, так как именно сфера образования обеспечивает экономику страны компетентны-

ми, высококвалифицированными, востребованными кадрами.

Важнейшими компонентами системы высшего образования в России являются фундаментальные знания, компетентностный подход, ориентация на практикоориентированное обучение, способность применять знания, создавать и реализовывать проекты. Глобальная цифровизация и распространение информационных технологий – естественный, закономерный и неизбежный процесс, затрагивающий и меняющий все сферы жизни общества, в первую очередь систему высшего образования.

В своих научных трудах В. Н. Минина выделила четыре основных тренда цифровизации высшего образования и исследовала их влияние на соответствующий институт [1, с. 88]. К этим трендам относятся: внедрение цифровых инструментов и технологий в существующие образовательные программы и учебные дисциплины; развитие онлайн-образования; создание виртуальной (цифровой) образовательной среды; изменение подхода к управлению образовательными организациями.

Согласимся с В. Н. Мининой в том, что внедряемые цифровые технологии и инструменты изменяют образовательную ситуацию и роли основных участников образовательного процесса, а также правила взаимодействия между ними, из чего можно заключить, что институт высшего образования трансформируется [1, с. 95]. И для принятия эффективных управленческих решений в связи с цифровизацией в высшем образовании может пригодиться исследование социальных рисков трансформации института высшего образования под воздействием происходящей цифровизации [1, с. 98].

В условиях информатизации понятия социальных взаимодействий и социальных процессов наполняются качественно новым содержанием, поскольку включают обязательный компонент – информацию как контент социаль-

ных коммуникаций, влияющий на социальное поведение участников взаимодействия, на их выбор и реализацию стратегий социального поведения в будущем. Следует подчеркнуть, что теории социальных взаимодействий (Дж. Хоманс [2], П. Блау [3], М. Кафельс [4], П. Бергер, Т. Лукман [5]), которые ранее воспринимались как скорее абстрактные, чем практические, сейчас получают практическое содержание, поскольку выражают сущность информационных и коммуникационных процессов с помощью новых – цифровых – технологий, разработанных и применяемых именно в последние годы. Цифровизация открывает новые возможности для функционирования социального института образования. Можно заметить, что тематика исследований вопросов цифровизации образования в последнее время значительно изменилась. Если в начале XXI в. перспективными направлениями были исследования применения цифровых технологий, то в настоящее время больше изучаются возможности разработки моделей цифрового образования и противоречий цифровизации.

В настоящее время разрабатываются и быстро распространяются теории сетевого взаимодействия, которые продолжают теории социальных взаимодействий уже с учетом включенности информационных систем в эти взаимодействия. Возможно, что сетевое взаимодействие выступает как современная разновидность социальных взаимодействий, так как их основным источником являются взаимоотношения, большей частью происходящие в обществе, т.е. социальные, а носителями и агентами (актерами) выступают индивиды, группы как представители социума.

Рассматривая социологические концепции, служащие теоретическим основанием изучения сетевого взаимодействия в образовании, М. В. Немировский [6] приходит к выводу, что роль сетевого взаимодействия в системе образования становится все более значимой, так как обеспечивает ее развитие благодаря консолидации ресурсов и возможностей различных акторов и структур. Исследователь акцентирует внимание на том, что образовательная система, сформированная еще на этапе индустриального общества и выстроенная на условиях вертикального управления, в современных условиях теряет свою эффективность. Необходимо формировать горизонтальные связи и отношения, которые позволяют выстроить партнерские отношения на долгосрочную перспективу, снизив риски и издержки.

Актуальности сетевого взаимодействия в развитии системы образования посвящены научные труды Г. Е. Зборовского, О. В. Власовой [7], Я. И. Кузьминова, Д. С. Семенова, И. Д. Фрумина [8], М. В. Ромма, Р. А. Заякиной [9], А. С. Сухристиной, Ю. Н. Зиятдиновой, А. М. Кочнева [10].

Информационные потоки, открытость и доступность информационных порталов создают информационное поле повседневной жизни индивида, где интернет превращается из источника получения информации в альтернативную реальность, поле коммуникации и репрезентации, место значительного времяпрепровождения современного человека. Как показывают результаты исследований И. С. Шаповаловой [11], данная реальность, судя по контенту, часто антагонистичная и неуправляемая. Сила виртуальных и безграничных коммуникаций и самопрезентаций создает иллюзии глобального преимущества такой реальности над обычной реальностью и необходимости следовать ее призывам и законам. Формирование такой виртуальной реальности и соответствующее ее восприятие (нахождение в интернет-пространстве без использования его информационной функции, т.е. не развиваясь интеллектуально), по мнению В. И. Чупрова, Ю. А. Зубок, Н. А. Романович, свидетельствует о наступлении рисков (снижение познавательной активности; формирование ощущения реальной угрозы; пропаганда насилия, жестокости, различных социальных отклонений; виртуальный террор; стагнация и регресс человеческого потенциала) [12].

Необходимым условием регулирования процессов цифровизации в образовательном пространстве становится институционализация рисков. Следовательно, необходимо не только официально признать риски органическим компонентом образовательной (цифровой) среды, но и сформировать в соответствии с известными институциональными признаками нормы разных типов (административные, этические, конвенциональные), чтобы определять действия индивидов в ситуациях рисков и сконструировать механизм реализации всех этих норм.

В плане изучения рисков цифровизации вызывает интерес и научная работа Е. В. Воеводиной, которая исследует миссии университетов в аспекте образовательных рисков цифрового неравенства [13]. Цифровой разрыв в контексте российской действительности рассматривается как один из видов образовательного риска. Это влияет на выполнение университетами институциональных функций по развитию личности и общества, особенно в региональном разрезе.

На основе исследований автор делает вывод о том, что университеты могут стать проводниками цифровых трансформаций и основной ориентацией университетов становится развитие доступного онлайн-образования и обучение цифровым профессиям. При этом университеты могут способствовать увеличению групп риска в цифровом обществе, которые формируются из социально уязвимых слоев населения.

Исследованию цифровизации образовательных процессов в региональных вузах с позиции рискологического подхода посвящены научные труды Я. И. Серкиной [14]. Анализируя подходы российских и зарубежных ученых к определению феномена риска в образовательной среде вуза, автор приходит к выводу, что данные риски являются естественными сложноструктурированными элементами процесса функционирования образовательного пространства вуза. Причины возникновения рисков цифровизации высшего образования в региональных вузах кроются, с одной стороны, в специфике эволюции внешней среды, а с другой стороны, в особенностях самоорганизации системы высшего образования, которые имеют как позитивные, так и негативные следствия.

Исследуя рискогенность образования и социокультурный потенциал общества в условиях цифровизации, С. А. Данилов и В. А. Ручин, рассматривают риски как ситуации, инициируемые цифровизацией [15]. Авторы выделяют такие риски, как индивидуализация, рационализация и технологизация образования. Ученые акцентируют внимание на том, что риски несут в себе потенциал как угроз и опасностей, так и перспектив и возможностей. Данный факт объясняет противоречивый характер происходящих в образовании неизбежных изменений, а также то, что современные реалии трансформируют сложившуюся социальную систему и ключевую роль начинает играть институт образования.

Исследованию социальных рисков цифровизации в системе высшего образования также посвящены научные труды М. В. Рыбаковой, Л. П. Зерновой [16], Т. Е. Исаевой, Е. С. Исаевой [17], А. Н. Швецова [18], Е. В. Бродовской [19].

С помощью вторичного анализа изучен опыт ряда ведущих вузов (университетов) РФ, где успешно происходит цифровизация высшего образования на основе реализации соответствующих федеральных проектов. Цель вторичного анализа – определить возможные группы факторов, влияющих на социальные взаимодействия в образовательном процессе (через возможности взаимодействия с преподавателем в измененном формате).

Использованы результаты социологического опроса студентов Пензенского государственного университета (апрель–май 2020 г.). По квотной выборке с помощью анкетного опроса с применением электронной информационно-обучающей системы (ЭИОС) опрошены 5497 студентов, обучающихся по всем направлениям подготовки во всех учебных подразделениях ПГУ. Цель исследования – изучение уровня удовлетворенности качеством дистанционных образовательных услуг, выявление проблем в организации учебного процесса в период самоизоляции.

О развитии процесса цифровизации в системе высшего образования свидетельствует то, что цифровые технологии успешно внедряются и используются не только в учебном процессе, но и в управлении деятельностью вуза, при создании информационных баз, а в ведущих вузах – для разработки и выбора эффективных управленческих решений и контроля различных видов деятельности вуза. И это происходит при централизованном управлении по мере разработки и реализации федеральных программ и проектов.

В рамках реализации федерального проекта «Развитие кадрового потенциала IT-отрасли» в 114 вузах были созданы «цифровые кафедры», на которые зачислены уже более 110 тыс. студентов [20]. Основная идея заключается в том, что студенты могут освоить IT-компетенции параллельно с изучением основной программы. Для этого разработано свыше 500 образовательных программ дополнительной профессиональной переподготовки.

Эксперты в сферах образования, политики, бизнеса приходят к общему мнению о том, что систему высшего образования в России в современных условиях надо создавать с помощью информационных технологий, основанных на искусственном интеллекте, больших данных и работе нейросетей [21]. Одним из примеров социального партнерства для решения проблемы этой подготовки выступает совместное участие Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики и Министерства обороны РФ. Для подготовки специалистов в области анализа цифрового пространства в названном университете студентов будут обучать работе с технологиями искусственного интеллекта, программным обеспечением организаций и с социальными сетями, в том числе с целью разоблачения фейков.

Российские университеты уже приступили к внедрению решений, связанных с искусственным интеллектом и аналитикой больших данных, для построения индивидуальных образовательных траекторий и аналитики. Коллектив

исследователей Московского государственного педагогического университета создал нейросетевые алгоритмы, которые отслеживают вовлеченность учащихся в процесс, позволяя преподавателям оценить вклад каждого студента в командной работе над проектом, а также систему, которая с точностью в 71% прогнозирует успеваемость студента в следующем семестре. Представители Уральского государственного педагогического университета предложили модель прогноза посещаемости студентами занятий, которая строится на использовании данных о темпераменте студента, сферы его интересов, наличия у него работы, базы данных о его оценках [22].

Е. А. Рак еще в 2011 г. исследовала и представила результаты анализа взаимодействия преподавателей и учащихся в процессе дистанционного обучения [23]. Были выявлены проблемы социокультурного характера (трудности адаптации к новым средствам обучения, повышение требований к информационной культуре и такой же компетентности преподавателей и учащихся), организационно-управленческого (не разработаны единая стратегия внедрения ИКТ и регламент взаимодействия преподавателей и учащихся), психолого-педагогического (рост интенсивности учебного процесса и даже попытки фальсифицировать результаты аттестации), технического (отсутствие технических средств для взаимодействия, не защищены персональные данные пользователей и учебные материалы) и экономического характера (отсутствие механизма стимулирования деятельности по разработке и применению электронных образовательных ресурсов) [23, с. 12].

Результаты исследования, проведенного специалистами Национального исследовательского Томского государственного университета в 2021 г., позволяют говорить об изменении социальных взаимодействий по причине не только информатизации образования, но и вынужденного ускоренного перехода к использованию информационных технологий. Например:

– около 70% опрошенных студентов утверждают, что дистанционный режим обучения позволил им продуктивно учиться и взаимодействовать с преподавателями и с другими студентами во время занятий и во внеучебное время. Значительно уменьшилась доля преподавателей, которые отрицательно относятся к дистанционному образованию (37% по сравнению с 47% летом 2020 г.). Но при этом только 7% студентов согласились с тем, что наиболее качественное образование можно получить в полностью дис-

танционном формате. Около 40% назвали предпочтительным (для достижения высокого качества образования) традиционный офлайн-формат, т.е. очную форму обучения, треть студентов-респондентов определили наиболее подходящим смешанный формат. Примерно половина опрошенных студентов указали, что некоторые дисциплины невозможно и нельзя изучать дистанционно. Менее 10% преподавателей-респондентов готовы проводить онлайн большую часть своих занятий без потери качества;

– среди студентов-респондентов наблюдаются значимые различия в доле тех, кто испытывает технические трудности в зависимости от социально-экономического статуса семьи. Значительно чаще такие проблемы возникают у студентов из малообеспеченных семей (более 1/3), чем у студентов из более обеспеченных (менее 1/4 респондентов) [24].

Основными формами взаимодействия участников образовательного процесса в условиях цифровизации системы высшего образования являются тестирование в ЭИОС, обсуждение на форумах ЭИОС мессенджеры, прием заданий через ЭИОС, социальные сети, видеоконференция.

Управление стратегического развития и системы качества Пензенского государственного университета в 2020 г. провело анкетный онлайн-опрос студентов с использованием ЭИОС. Респонденты по-разному оценили качество учебных и методических материалов для дистанционного обучения. Ответы опрошенных о качестве дистанционного обучения распределились следующим образом: высокое качество отметили 24,7% респондентов, достаточное – 60,4%, недостаточное – 12,1%, низкое – 2,8%.

Были отмечены группы факторов, влияющих на качество обучения через возможности взаимодействия с преподавателем:

– технолого-технические (качество связи через Интернет, отсутствие отдельного надежного сайта для коммуникаций преподавателей и студентов, уровень стабильности в работе ЭИОС);

– учебно-технологические (недостаток практических навыков по приобретаемой специальности, которые трудно развить при дистанционном обучении; нехватка практических и наглядных материалов; недостаток времени на выполнение заданий; большой объем заданий);

– коммуникационные (особенности беседы в аудио- либо видеформате, невозможность личного присутствия и недостаток живого общения, дефицит информации);

– организационные (невозможность быстро связаться со всеми преподавателями для уточнения организационных вопросов или дополнительных объяснений, пояснений за полученные оценки).

Интересно сопоставить результаты опроса студентов с результатами опроса преподавателей, чтобы выяснить взгляды и мнения с другой стороны, что позволит создать картину взаимодействия участников образовательного процесса в социологическом аспекте. В марте 2021 г. в Удмуртском государственном университете проводился опрос преподавателей с основной целью – определить уровень и факторы удовлетворенности трудом. По стихийной выборке было опрошено 270 чел., большинство из которых составляли доценты (более половины опрошенных). Преподаватели довольно высоко оценили качество электронной информационно-образовательной среды со средним баллом оценки 3,65, а также высоко оценили доступ в Интернет и программное обеспечение (средняя оценка 3,59). И в то же время ниже оценивается возможность разработки онлайн-курсов, дистанционных ресурсов, работы с цифровыми платформами (средний балл 2,58) [25, с. 6, 18]. Почти треть опрошенных отметили, что для эффективной преподавательской и другой профессиональной деятельности им необходимо приобрести компетенции для разработки онлайн-курсов и работы с цифровыми платформами или же для применения современных информационных технологий в преподавании [25, с. 28].

Приведенные результаты свидетельствуют о том, что институциональная функция передачи знаний в системе высшего образования осталась и достаточно успешно выполнялась в новых, непривычных условиях обучения. Процессы цифровизации затрагивают все сферы жизни общества, оказывают влияние на социальную структуру, социальные процессы и социальные институты, в том числе институт образования. Изменения в системе образования направлены на внедрение и использование информационно-коммуникационных и цифровых технологий, способствующих достижению необходимых, желаемых результатов и индивидуализации образовательного процесса всеми его участниками. Следовательно, цифровизация влияет и на содержание, и на организацию образовательного процесса.

В настоящее время развитие технологических возможностей работы преподавателя в смешанном формате еще не подкрепляется институционализацией нового разделения труда, что в свою очередь актуализировало изменение

содержания социальных ролей преподавателей и студентов. Сейчас они участники не только образовательного процесса, но и социального взаимодействия, которое отличается элементами сетевой структуры. И преподавателям для выполнения своих социальных ролей, а также студентам для реализации возможности получить новый социальный статус при выпуске из вуза нужны новые, информационные компетенции. Эти компетенции пока еще не полностью разработаны, но можно заметить, что они включают не только профессиональное знание работы с компьютером и не только знания и умения работать с цифровыми технологиями. Вероятно, нужны общекультурные компетенции, направленные на формирование мотивации к работе в изменившихся условиях. И возможно, это будет добавочным признаком социального статуса и преподавателей, и выпускников вузов, большая часть обучения которых может пройти в дистанционном формате.

На возможности социальных взаимодействий и коммуникаций с преподавателями, управленческими структурами вузов влияют группы факторов: технолого-технические, учебно-технологические, организационные, коммуникационные. Эти же факторы в дальнейшем будут влиять и на формирование необходимых профессиональных и социальных компетенций выпускников вузов. Данные компетенции являются предпосылками к занятию социального статуса после окончания вуза, поскольку определяют выполнение соответствующих социальных ролей.

Социальные статусы и роли участников образовательного процесса меняются и в обществе, и в самой системе высшего образования. Информационное общество расширяет границы и возможности для самостоятельного профессионального развития, исследовательской и творческой деятельности, увеличивается поток информации в офлайн- и в онлайн-пространстве. В данных условиях роль преподавателя становится все более весомой, поскольку именно преподаватель способен сориентировать в огромном потоке информации. Следует подчеркнуть, что современный преподаватель должен обладать соответствующими профессиональными компетенциями, в том числе и цифровой компетентностью. Все это может далее способствовать и успешной вертикальной мобильности.

Успешное развитие системы высшего образования в условиях всеобщей цифровизации требует организованных регулярных социологических исследований, нацеленных на социальные взаимодействия в системе высшего образования

как важной части всего института образования. В ближайшем будущем, возможно, это войдет в предмет исследований нового развивающегося направления – цифровой социологии.

Список литературы

1. *Минина В. Н.* Цифровизация высшего образования и ее социальные результаты // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2020. Т. 13, вып. 1. С. 84–101. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2020.106>
2. *Хоманс Дж. К.* Социальное поведение: его элементарные формы (главы из книги) / пер. В. Г. Николаева // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11. Социология. 2001. № 2. С. 88–132. EDN: BAZJIB
3. *Blau P.* Exchange and Power in Social Life. New York : Wiley, 1986. 352 p.
4. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ., под науч. ред. О. И. Шкаратана. М. : ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
5. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / пер. с англ. Е. Руткевич. М. : Медиум, 1995. 323 с.
6. *Немировский М. В.* Теоретические подходы к изучению сетевого взаимодействия в образовании // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2019. № 5 (62). С. 191–196. <https://doi.org/10.26105/SSPU.2019.62.5.018>
7. *Зборовский Г. Е., Власова О. В.* Сетевое взаимодействие вузов в Уральском федеральном округе // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2017. Т. 23, № 2 (162). С. 130–140. EDN: YUQSTR
8. *Кузьминов Я. И., Семенов Д. С., Фруммин И. Д.* Структура вузовской сети: от советского к российскому «Мастер-плану» // Вопросы образования. 2013. № 4. С. 8–63.
9. *Ромм М. В., Заякина Р. А.* Сетевые сообщества с участием вуза: сложившиеся практики социального взаимодействия // Высшее образование в России. 2016. № 11. С. 28–37.
10. *Сухристина А. С., Зиятдинова Ю. Н., Кочнев А. М.* Сетевое взаимодействие вузов как форма интернационализации: опыт КНИТУ // Высшее образование в России. 2016. № 11. С. 103–110.
11. *Шаповалова И. С.* Влияние интернет-коммуникаций на поведение и интеллектуальное развитие молодежи // Социологические исследования. 2015. № 4. С. 148–151.
12. *Чупров В. И., Зубок Ю. А., Романович Н. А.* Отношение к социальной реальности в российском обществе: социокультурный механизм формирования и воспроизводства. М. : Норма : ИНФРА-М, 2022. 352 с.
13. *Воеводина Е. В.* Анализ «третьей миссии университетов» в разрезе образовательных рисков цифрового неравенства // Цифровая социология. 2022. Т. 5, № 1. С. 54–63. <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2022-5-1-54-63>
14. *Серкина Я. И.* Рискологическое поле проблемы цифровизации высшего образования в региональных вузах // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 7. С. 29–33. <https://doi.org/10.23672/o4294-7351-9322-y>
15. *Данилов С. А., Ручин В. А.* Рискогенность образования и социокультурный потенциал общества в условиях цифровизации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 10–14. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-1-10-14>
16. *Рыбакова М. В., Зернова Л. П.* Цифра и российское образование: управленческие аспекты // Власть. 2020. Т. 28, № 4. С. 171–178. <https://doi.org/10.31171/vlast.v28i4.7454>
17. *Исаева Т. Е., Исаева Е. С.* Прыжок «азиатских тигров»: роль высшего образования в национальном сознании группы стран Восточной Азии. Ростов н/Д : Ростовский гос. ун-т путей сообщения, 2019. 134 с. EDN: SMGMPL
18. *Швецов А. Н.* Информационное общество: теория и практика становления в мире и в России. М. : Красанд, 2012. 277 с.
19. *Бродовская Е. В.* Цифровые граждане, цифровое общество и цифровая гражданственность // Власть. 2019. Т. 27, № 4. С. 65–69. <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i4.6587>
20. Более 110 тысяч студентов зачислено на «цифровые кафедры» вузов // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2022/09/26/chernyshenko-bolee-110-tys-studentov-zachisleno-na-cifrovye-kafedry-vuzov.html> (дата обращения: 04.10.2023).
21. Обучение в российских вузах построят на искусственном интеллекте, больших данных и нейросетях // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2022/09/12/soobshchenie-nejronov.html> (дата обращения: 04.10.2023).
22. Пять возможностей, которые большие данные открывают высшему образованию // Платформа СКИБОКС. URL: <https://skillbox.ru/media/education/bolshie-dannye-v-vysshem-obrazovanii/> (дата обращения: 04.10.2023).
23. *Рак Е. А.* Особенности социального взаимодействия преподавателя и обучаемого в процессе дистанционного обучения : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Нижний Новгород, 2011. 25 с.
24. Качество образования в российских университетах: что мы поняли в пандемию: Аналитический доклад / науч. ред. Е. А. Суханова, И. Д. Фруммин. Томск : Изд-во Томского гос. ун-та, 2021. 46 с. EDN: VLNAXP
25. Отчет социологического исследования «Оценка удовлетворенности профессорско-преподавательского состава работой в Удмуртском государственном университете». Ижевск : Удмуртский гос. ун-т, 2021. 41 с.

Поступила в редакцию 03.11.2023; одобрена после рецензирования 16.11.2023; принята к публикации 29.11.2023
The article was submitted 03.11.2023; approved after reviewing 16.11.2023; accepted for publication 29.11.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 30–36

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 30–36

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-1-30-36>, EDN: CTNOOT

Научная статья

УДК 316.334.3

Формирование проектного мышления в подготовке специалистов по работе с молодежью: взаимодействие НКО и образовательных институтов

В. А. Шацилло, Л. Н. Негматов ✉

Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Московская, д. 164

Шацилло Виктория Алексеевна, старший преподаватель кафедры социологии и социальной политики, shacillo93@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1285-2193>

Негматов Леонид Наимжонович, доцент кафедры социологии и социальной политики, negmatovln@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7323-5888>

Аннотация. Современные социально-экономические условия обуславливают необходимость активного вовлечения населения, и в первую очередь молодежи, в деятельность институтов гражданского общества, в том числе в работу некоммерческих организаций, способных стать движущей силой интеграции и мобилизации общества. При этом в большинстве отраслей человеческой деятельности в последние годы активно внедряется проектный подход, значительным опытом в реализации которого обладают НКО. Разработка и реализация проекта требуют от специалиста такой нестандартной компетенции, как проектное мышление. Именно этот личностно-профессиональный навык способен помочь молодому человеку в быстрой адаптации к меняющимся условиям и может дать необходимое конкурентное преимущество при трудоустройстве и карьерном продвижении. Специалисты по работе с молодежью способны стать проводниками проектного мышления в молодежную сферу, их деятельность может оказать значительное влияние на распространение проектного подхода среди представителей нового поколения. В ходе социологического исследования было установлено, что НКО являются значимым партнером образовательных организаций в вопросах формирования проектного мышления будущих специалистов по работе с молодежью. Существующие практики взаимодействия вузов и НКО в этих вопросах выступают основой дальнейшего расширения сотрудничества и совершенствования образовательного процесса.

Ключевые слова: проектное мышление, специалист по работе с молодежью, некоммерческие организации, гражданское общество, социальное проектирование

Для цитирования: Шацилло В. А., Негматов Л. Н. Формирование проектного мышления в подготовке специалистов по работе с молодежью: взаимодействие НКО и образовательных институтов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 30–36. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-1-30-36>, EDN: CTNOOT

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The formation of project thinking in training specialists in working with youth: Interaction with NPOs and educational institutions

V. A. Shatsillo, L. N. Negmatov ✉

Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 164 Moskovskaya St., Saratov 410012, Russia

Victoria A. Shatsillo, shacillo93@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1285-2193>

Leonid N. Negmatov, negmatovln@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7323-5888>

Abstract. Modern socio-economic conditions necessitate the active involvement of the population and, first of all, youth in the activities of civil society institutions, including the work of non-profit organizations that can become a driving force for the integration and mobilization of society. At the same time, in most sectors of human activity in recent years, a project approach has been actively introduced, in the implementation of which NPOs have significant experience. The development and implementation of a project requires a specialist possessing to have such a non-standard competence as design thinking. It is this personal and professional skill that can help a young person quickly adapt to changing conditions and can provide the necessary competitive advantage in employment and career advancement. Specialists in working with youth are able to become conductors of project thinking in the youth sphere; their activities can have a significant impact on the dissemination of the project approach among representatives of the new generation. In the course the sociological study, it was found that NPOs are a significant partner of educa-

tional organizations in the formation of project thinking of future specialists in working with youth. The existing practices of interaction between universities and NPOs in these matters serve as the basis for further expansion of cooperation and improvement of the educational process.

Keywords: project thinking, specialists in working with youth, non-profit organizations, civil society, social design

For citation: Shatsillo V. A., Negmatov L. N. The formation of project thinking in training specialists in working with youth: Interaction with NPOs and educational institutions. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 30–36 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-1-30-36>, EDN: CTNOOT

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Потребности современной экономики и социальной сферы в дальнейшем внедрении проектного мышления предъявляют новые требования к подготовке специалистов практически в любой профессиональной сфере. Особую актуальность это приобретает в такой специфической области, как работа с молодежью.

Решение сложных задач, которые ставит перед российским обществом современная геополитическая ситуация, требует более эффективного управления ресурсами. Значительным опытом достижения глобальных целей при ограниченных ресурсных возможностях обладают некоммерческие организации, которые нередко являются местом получения первого профессионального опыта для многих молодых людей. Параллельные процессы формирования проектного мышления в образовательном процессе и немедленного применения их на практике могут обеспечить прорывные темпы развития во многих областях.

Проектное мышление в ряде случаев позволяет достигать куда более значительных результатов, поскольку его методология отличается от традиционного процессного подхода рядом существенных признаков: целевой направленностью деятельности, четкой ограниченностью во времени, обеспеченностью конкретным объемом необходимых ресурсов, согласованностью деятельности членов команды проекта и, что особенно значимо, обязательным проведением оценки результатов реализации проекта.

Повышение роли проектной деятельности и проектного мышления как ее основы требует более тщательного анализа содержания этого понятия. К тому же необходимо подчеркнуть мультидисциплинарный характер этого феномена [1]. Исследователи в сфере экономики и управления предполагают, что проектное мышление должно рассматриваться в рамках психологических и педагогических исследований, в то время как психологи и педагоги, напротив, относят его к сфере изучения менеджмента и иных экономических дисциплин. Феномен проектного мышления рассматривают культурологи, определяющие его как «специфическую форму опережающего отражения действитель-

ности» [2, с. 15]; психологи, утверждающие, что «проектное мышление носит прагматическую ориентацию конструирования будущего, наиболее благоприятного для конкретного индивидуума, причем духовная составляющая в этом процессе обычно отсутствует» [3, с. 72]; экономисты, относящие к особенностям проектного мышления «умение переосмысливать будущее, структурировать и переструктурировать информацию об объекте, его развитии, внешних и внутренних связях и будущем его состоянии» [4, с. 102].

Проектное мышление есть компетенция, позволяющая специалисту системно и эффективно подходить к решению стоящих перед ним задач и достижению необходимых целей. Деятельность профессионала, ставящего во главу угла проектный подход, определяется несколькими ограничениями: временным (ограниченность сроков реализации проекта не позволяет отложить проведение тех или иных мероприятий), ресурсным (необходимость строгого соответствия трат запланированным целевым статьям не дает осваивать бюджет на закупки, не связанные с целью проекта), коммуникативным (команда проекта обычно создается именно под его реализацию, а значит, у руководителя проекта есть риск при затягивании сроков реализации остаться без кадров).

Поскольку проекты чаще всего связаны с достижением уникальных (ранее не осуществлявшихся), инновационных и сложных целей, они требуют куда более тщательного анализа и планирования, более системного подхода к решению поставленных задач. С другой стороны, внедрение новых идей позволяет развиваться членам команды проекта в личностном и профессиональном плане, что благотворно влияет на их конкурентоспособность на рынке труда. Кроме того, проектное мышление обучает специалиста гибкости и способности адаптироваться к новым условиям, что в условиях крайней нестабильности экономики и кратного снижения горизонта планирования становится важным умением.

Нам представляется, что степень влияния проектного подхода на развитие современного

общества столь высока, что процессы, связанные с его утверждением в социальной практике, должны рассматриваться, прежде всего, в поле практической социологии. Однако нами не обнаружено собственно социологической интерпретации такого понятия, как «проектное мышление», в связи с чем предпринята попытка дать определение, основываясь на отдельных междисциплинарных исследованиях [5–7]. Для целей настоящей статьи под проектным мышлением понимается, в первую очередь, социальная характеристика специалистов нового поколения, позволяющая им менять окружающую действительность в соответствии с актуальными потребностями общества, исходя из специфически отобранных ограниченных ресурсов (кадровых, временных, материальных и т.д.).

Рассматривая проектное мышление, следует иметь в виду, что при целенаправленном формировании его как управленческой компетенции повышается вероятность превращения его в один из типов управленческого мышления, а не в дополнительное конкурентное преимущество. В данном случае мы подразумеваем то, что любой управленец ежедневно использует в своей профессиональной деятельности собственные наработки и опыт, полученный ранее при принятии тех или иных управленческих решений.

Следовательно, если специалист постоянно занимается разработкой и реализацией проектов (в том числе социальных), проектное мышление в его работе займет вначале главенствующую, а затем и монопольную роль. В этом смысле рассматриваемый нами тип управленческого мышления абсолютно ничем не отличается от процессного (шаблонного) подхода. А отличием становятся как раз характеристики проекта как способа реализации цели – достижение в ограниченные сроки при ограниченных ресурсах конкретного (часто инновационного) результата.

Как и всякая иная крайность, приоритизация проектных технологий при подготовке специалистов (в особенности управленцев) может привести к утрате значимого пласта процессных компетенций, т. е. к отсутствию у нового поколения менеджеров способности к управлению рутинными задачами, не подразумевающими создания инноваций или решения конкретной проблемы. На наш взгляд, в современном образовательном процессе оптимальным будет являться формирование проектного мышления как ключевой, но не единственной управленческой компетенции, наряду с процессным, комплексным, интеграционным, функциональным и иными подходами.

Рассмотрим необходимость формирования проектного мышления применительно к направлению подготовки «Организация работы с молодежью», а шире – в целом для всех специалистов, работающих в сфере сопровождения молодежных инициатив, организации креативных пространств, внедрения современных диджитал-технологий в сферу работы с молодежью, сотрудников, занимающихся взаимодействием с молодыми людьми различных социальных категорий, в первую очередь в некоммерческих организациях, а также в органах власти, образовательных учреждениях, досуговых организациях и бизнес-структурах.

Внедрение проектных подходов в работу с молодежью полностью соответствует положениям Федерального закона от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» [8], и в частности, его ст. 7, где указаны формы участия молодежи в реализации молодежной политики, в том числе «подготовка и реализация молодежных инициатив». При этом реализация инициатив в стратегических документах федерального уровня и в законодательстве прямо подразумевает использование проектного подхода. Один из частных примеров такой логики – ст. 26.1 «Инициативные проекты» Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [9], введенная в текст Закона в 2020 г.

С точки зрения организации работы с молодежью социальное проектирование можно рассматривать как инструмент подготовки молодежных инициатив к их реализации с максимальной эффективностью по нескольким критериям:

- в плане самореализации инициатора проекта;
- в плане достижения поставленных в рамках проекта целей;
- в плане предельно рационального использования имеющихся (предоставляемых) ресурсов.

При этом, поскольку речь идет о подготовке будущих специалистов и формировании у них целевой компетенции, необходима параллельная работа по ряду направлений: обучению, развитию критического подхода, разработке идей, реализации (попытке реализации) инициатив, а далее – по масштабированию проектов либо тиражированию полученных результатов или технологий. С точки зрения рассматриваемой проблематики результатом является не просто достижение социального эффекта в виде

реализации социальных проектов, улучшения положения той или иной целевой группы, а формирование проектного мышления как ключевой компетенции.

Безусловно, качество и глубина внедрения проектного подхода в молодежной политике в последние пять лет довольно существенно продвинулись вперед, в особенности по следующим направлениям:

– в целом оформлены тематические сферы для разработки проектных инициатив (волонтерство, здравоохранение, социальное обслуживание, социальная поддержка и защита граждан, оказание помощи пострадавшим в результате стихийных бедствий и различных катастроф, конфликтов, беженцам и вынужденным переселенцам, охрана окружающей среды, деятельность в области образования, науки, культуры, профилактики и охраны здоровья граждан, пропаганды здорового образа жизни, физической культуры и спорта и содействие указанной деятельности и т.д.);

– предприняты меры по усилению роли педагогов-практиков в общеобразовательном, среднем и высшем звене, способных использовать проектный подход в образовательном процессе;

– организован цикл постоянных мероприятий от всероссийского до муниципального уровня как для получения поддержки, так и для обмена опытом и демонстрации уже достигнутых результатов;

– в отдельных учебных заведениях внедряются механизмы тьюторства именно в рамках формирования проектного мышления.

При этом все обозначенные направления не учитывают существенную проблему – дефицит кадров, способных, собственно, реализовать проектное мышление, обладающих для этого необходимыми знаниями и пониманием.

Поскольку сегодня социальное проектирование (как и проектирование в принципе) большинством граждан страны освоено на довольно низком уровне, некоммерческий сектор как сфера возникновения социальных инноваций может стать площадкой формирования таких специфических умений, как адекватное целеполагание, ориентация на реальные потребности целевой группы, умение планировать ресурсное обеспечение для достижения конкретной цели, способность различать тактические и стратегические вопросы.

С учетом развития грантовой и форумной работы с молодежью мы можем выделить два позитивных процесса. Во-первых, государство

делает значительные шаги в направлении отказа от командно-административного подхода к взаимодействию с новыми поколениями, рассчитывая на их способность к генерированию новых смыслов, идей и механизмов их воплощения на практике. Во-вторых, применительно к деятельности специалистов по работе с молодежью проектное мышление постепенно становится в некоторой степени базой эффективного осуществления профессиональной деятельности в целом и самореализации в профессии.

Для более полной характеристики процесса формирования проектного мышления у студентов направления подготовки «Организация работы с молодежью», а также их дальнейшего применения в профессиональной деятельности в НКО нами было проведено эмпирическое исследование в формате экспертного интервью (2023 г., N = 20). Респондентами стали выпускники 2019–2023 гг. Поволжского института управления имени П. А. Столыпина – филиала РАНХиГС при Президенте РФ (ПИУ РАНХиГС), Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского (СГУ), Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (УрФУ), Курганского государственного университета (КурГУ), Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова (СВФУ), Калужского государственного университета имени К. Э. Циолковского (КалГУ), Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова (ЯрГУ), Ульяновского государственного университета (УлГУ) и Южного федерального университета (ЮФУ).

Для формирования выборочной совокупности в рамках исследования на первом этапе применялся метод фильтрующего опроса, в рамках которого выявлялись респонденты из числа выпускников направления подготовки «Организация работы с молодежью» вузов России, которые соответствовали заявленным в программе исследования рекрутинговым критериям. Из 150 выпускников, прошедших анкетный опрос на предмет участия в проектной деятельности в студенческие годы, а также опыта работы в некоммерческих организациях, были отобраны 20 подходящих респондентов, которые, помимо профильного образования по указанному направлению, имели опыт работы в некоммерческих структурах на территории региона проживания. Характеризуя вид экспертного интервью, отметим, что он являлся заочным, индивидуальным, структурированным.

Гайд интервью включал в себя два смысловых блока, первый касался оценки механизмов формирования проектного мышления в процессе обучения в вузе, а второй – возможности его применения при построении профессиональной карьеры в профильных учреждениях и некоммерческих организациях.

Первая часть исследования касалась специфики приобретения проектного мышления как одной из необходимых компетенций в процессе обучения по программе бакалавриата по направлению «Организация работы с молодежью» в рамках дисциплин, предусмотренных учебным планом. Большая часть опрошенных отметили, что в рамках образовательной программы направления подготовки лишь незначительная часть дисциплин, на их взгляд, способствовала формированию целевой компетенции. Респондентами было отмечено, что в учебном плане имеется дисциплина, связанная с управлением проектами, но зачастую ее изучение сводится к теоретическим основам создания и реализации социальных проектов.

Отметим, что в настоящее время образовательные программы претерпевают существенные трансформации и формированию проектного мышления в структуре учебных планов бакалавров отводится особое место. Одним из ведущих вузов, готовящих специалистов по работе с молодежью, является УрФУ, где одним из видов будущей профессиональной деятельности выпускников является социально-проектная деятельность, осуществлению которой уделяется значительное внимание в рамках дисциплины «Основы проектной деятельности». В ПИУ РАНХиГС студенты в рамках выпускного курса осваивают дисциплину «Организация проектной и грантовой деятельности молодежи» и на теоретическом уровне, и в плане формирования практических умений при разработке курсового проекта как основы будущей выпускной квалификационной работы.

Качественным дополнением к основной образовательной программе в структуре высшего образования является научная деятельность студентов, которую мы также попросили охарактеризовать наших респондентов с точки зрения возможности получения необходимых знаний и умений в сфере создания и управления проектами. Необходимо отметить, что существенные различия в ответах респондентов были обусловлены региональными особенностями. Так, наиболее позитивную оценку дали выпускники вузов Приволжского и Южного федеральных округов, в то время как пред-

ставители вузов других федеральных округов, особенно Уральского и Дальневосточного, дали преимущественно негативные оценки.

Говоря подробнее о данном направлении деятельности, выпускники вузов упомянули различного рода теоретические и эмпирические исследования, касающиеся проектной деятельности молодежи, а соответственно, и формирования проектного мышления, которые им довелось проводить в студенческие годы. Также чуть менее половины опрошенных значимыми мероприятиями, способствующими формированию проектного мышления, называли мастер-классы и тематические проектные мастерские, где при участии практиков студенты предпринимали попытки разработки проектов и обсуждали перспективы их реализации. Обобщая полученные в интервью ответы, представляется важным уделять внимание формированию проектного мышления не только в рамках дисциплин образовательной программы, но и максимально использовать научные мероприятия как эффективные площадки для презентации и обсуждения проектных идей студенческой молодежи.

Так как основная часть наших респондентов осуществляют свою профессиональную деятельность в структуре некоммерческих организаций, то и выделение такого значимого аспекта, как прохождение практики и стажировки, было закономерно отмечено в качестве одного из значимых механизмов формирования проектного мышления. Более половины участников интервью отметили, что место их нынешнего трудоустройства они впервые посетили в рамках прохождения предусмотренной образовательной программой практики, а осуществляемая в период практики деятельность существенно повлияла на формирование проектного мышления. В настоящее время НКО приобретают еще более существенное значение в качестве площадки для освоения необходимых навыков и получения практического опыта с целью формирования проектного мышления будущих специалистов по работе с молодежью. Это обусловлено тем, что основная деятельность некоммерческих организаций связана с разработкой и реализацией проектов, финансируемых за счет грантов, а участие в их подготовке и осуществлении на практике будущих специалистов по работе с молодежью эффективно закрепляет полученные в рамках учебных курсов теоретические знания.

Завершающим аспектом обсуждения, относившегося к блоку вопросов о механизмах фор-

мирования проектного мышления в рамках обучения в вузе, стала внеучебная деятельность. Участники интервью отметили, что в период их обучения внеучебная деятельность не была ориентирована на проектную деятельность, однако пятеро из двадцати отметили, что имеют опыт подготовки проекта к летней форумной кампании, а двое получали грантовую поддержку для физических лиц и успешно реализовали свои проекты. Подобный опыт стал одним из факторов, предопределивших дальнейшее развитие профессионального пути молодых людей в некоммерческих структурах.

Необходимо отметить, что все опрошенные оказались осведомлены о том, что в настоящее время студенты имеют широкий спектр возможностей для развития проектного мышления в рамках внеучебной деятельности. Так, большая часть вузов имеет в своей структуре специализированное структурное подразделение, ориентированное на популяризацию и развитие проектной деятельности в студенческой среде. К примеру, в ПИУ РАНХиГС подобным подразделением является центр студенческих инициатив и проектов, а одно из наиболее масштабных мероприятий по привлечению студентов к проектной деятельности – молодежный образовательный форум «Кампус будущего».

Второй смысловой блок касался профессиональной деятельности наших респондентов и необходимости навыков проектного мышления при трудоустройстве, а также их применения в рамках осуществления должностных обязанностей. Вначале мы спросили, является ли проектное мышление необходимой компетенцией для специалиста по работе с молодежью в целом. Выпускник УлГУ дал следующий ответ: «Специалист по работе с молодежью, на мой взгляд, должен быть “универсальным солдатом”, так как наша целевая аудитория – это очень разные люди, и предположить заранее, с кем необходимо будет осуществлять взаимодействие, невозможно. Проектное мышление является одной из базовых компетенций в работе с молодежью, так как позволяет четко выбирать цель, структурировать этапы работы, эффективно использовать ресурсы. Молодежь имеет множество перспективных и инновационных идей, которые специалист по работе с молодежью должен помочь грамотно доработать, презентовать и воплотить в жизнь». Резюмируя ответы остальных респондентов, отметим, что в целом проектное мышление в работе с молодежью представляется выпускникам профильного направления подготовки необхо-

димой компетенцией, некоторое различие прослеживалось лишь в приведенных аргументах, обусловленных индивидуальным социальным и профессиональным опытом.

Далее мы задали вопрос: «Считают ли современные работодатели конкурентным преимуществом соискателя сформированность такой профессиональной компетенции, как проектное мышление?». В ответах мнения участников интервью разделились. Ряд опрошенных полагают, что современные работодатели не до конца понимают смысл проектного мышления и проектного подхода в принципе, в связи с чем не обращают особое внимание на упоминание данной профессиональной компетенции в резюме и при проведении собеседования. Однако отметим, что подобные ответы давали выпускники, которые до трудоустройства в некоммерческие организации имели возможность поработать в других учреждениях инфраструктуры молодежной политики. В свою очередь, те, кто значительное время работает в НКО, пояснили, что проектное мышление – одна из ключевых и базовых компетенций при осуществлении деятельности организаций подобного рода и работодатели это учитывают при поиске и подборе будущих сотрудников.

В завершение мы попросили респондентов охарактеризовать, насколько важно проектное мышление при осуществлении профессиональной деятельности в НКО. Ответы и аргументы в пользу того, что проектное мышление для работы в некоммерческом секторе является ключевой компетенцией, оказались вполне ожидаемыми. Выпускник ЮФУ дал следующий ответ: «Моя профессиональная деятельность в некоммерческой организации ежедневно сопровождается работой над проектными инициативами, их разработкой, дальнейшей реализацией и оформлением отчетности. Также в качестве эксперта я часто помогаю студентам своего вуза в разработке проектов для участия в грантовых конкурсах для физических лиц, что позволяет мне постоянно совершенствовать и развивать свои навыки, в том и числе и проектное мышление».

Результаты исследования показали, что большая часть выпускников направления подготовки «Организация работы с молодежью» имеют опыт работы в подобных структурах и считают его полезным для развития себя как личности и профессионала, а также в целом для становления гражданского общества в стране. Таким образом, проектное мышление постепенно становится неотъемлемой составляющей

набора профессиональных компетенций нового поколения выпускников вузов, в том числе по направлению подготовки «Организация работы с молодежью». Однако современное положение дел как в образовательном процессе, так и при осуществлении профессиональной деятельности специалистов по работе с молодежью сводится к узкому пониманию проектной компетентности как умения создавать конкретные проекты, самостоятельно проводить исследования, а также обрабатывать информацию и грамотно использовать ее в проекте [10].

Тем не менее, проектное мышление – project thinking – является характерной чертой современного этапа развития управленческих теории и практики. И некоммерческие организации активно используют его в своей работе. Более того, внедрение проектного подхода является характеристикой процесса профессионализации деятельности третьего сектора. В рамках разработки и реализации проектов для НКО специалисты по работе с молодежью не только овладевают навыками управленческого, финансового, организационного характера, но и нарабатывают так называемые гибкие навыки, например, способность находить баланс между потребностями благополучателей и требованиями доноров (при получении целевого грантового финансирования), между реальной обратной связью от целевой аудитории и ранее установленными ключевыми показателями реализации проекта и т.п.

На наш взгляд, необходимо осуществлять постепенный качественный переход к пониманию и восприятию проектной компетенции в более широком смысле как наличия у будущего специалиста проектного мышления, осознания интегративных связей между дисциплинами, способности с помощью проектной деятельности осуществлять самообразование, профессиональный рост и личностное развитие [11]. Описываемые знания, умения и навыки специалистов по работе с молодежью существенно повысят эффективность деятельности как НКО, так и учреждений по работе с молодежью. Исходя из изложенного, можно сделать вывод о том, что практическая проектная деятельность студентов направления подготовки «Организация работы с молодежью», результатом которой является постепенное формирование проектного мышления, может выступать эффективным образовательным механизмом в вопросах ста-

новления специалиста, его дальнейшей конкурентоспособности на рынке труда, успешного трудоустройства и карьерного продвижения.

Список литературы

1. *Anokhina E. N., Pavlova T. S.* The use of critical thinking technology and project technology in the formation of speaking and writing skills in the RFL // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Педагогика. 2022. № 2. Р. 25–35. <https://doi.org/10.18384/2310-7219-2022-2-25-35>, EDN: FTICLR
2. *Калинина Г. Н., Рыбалкина П. В.* Проектное мышление и «человек проектирующий» (философско-культурологическая экспликация) // Человек и культура. 2018. № 5. С. 13–20. <https://doi.org/10.25136/2409-8744.2018.5.27073>, EDN: VLBVLA
3. *Соловьева А. Ю., Мазуркевич А. В.* Специфика проектного мышления руководителей при разных уровнях толерантности к неопределенности // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2018. № 2 (32). С. 71–76.
4. *Безруких Ю. А., Аминова В. П., Рубинская А. В., Безруких А. Д.* Проектное мышление как элемент осознанного управления // Глобальный научный потенциал. 2019. № 8 (101). С. 102–105. EDN: XJTRIA
5. *Неусыпова Е. А.* Методические подходы к развитию проектного мышления будущих деятелей социально-культурной сферы в вузах культуры и искусства // Научное мнение. 2020. № 6. С. 119–125. <https://doi.org/10.25807/PBH.22224378.2020.6.119.125>, EDN: AZKPHJ
6. *Рыбалкина П. В.* Проектное мышление как новый инструмент социокультурного проектирования // Социально-гуманитарные знания. 2016. № 8. С. 216–221. EDN: XAEIOF
7. *Сосновская К. В.* Особенности современного проектного мышления // В мире научных открытий. 2010. № 3 (9), ч. 2. С. 17–21. EDN: MVOMAP
8. О молодежной политике в Российской Федерации : федер. закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : федер. закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. *Ваганова О. И., Ермакова О. Е.* Оценка образовательных результатов бакалавров профессионального обучения // Вестник Мининского университета. 2015. № 3 (11). С. 14. EDN: UCKVER
11. *Варковецкая Г. Н., Кривоногова А. С., Цыплакова С. А.* Инновационные технологии в подготовке бакалавров профессионального обучения // Вестник Мининского университета. 2015. № 4 (12). С. 12. EDN: VHIZPX

Поступила в редакцию 01.11.2023; одобрена после рецензирования 16.11.2023; принята к публикации 29.11.2023
The article was submitted 01.11.2023; approved after reviewing 16.11.2023; accepted for publication 29.11.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 37–46
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 37–46
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-1-37-46>, EDN: EOCWOY

Научная статья
УДК 316.422

Представления жителей о городской среде и запросы на ее изменение в регионах ресурсного типа (на примере г. Кемерово)

Я. А. Брандт , Е. А. Кранзеева

Кемеровский государственный университет, Россия, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, д. 6

Брандт Яна Александровна, аспирант кафедры социологических наук, yan.brand@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0194-9683>

Кранзеева Елена Анатольевна, доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой социологических наук, elkranzeeva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2577-9017>

Аннотация. В статье рассмотрены представления жителей о городской среде в регионе ресурсного типа. Выявлены особенности представлений, а также проанализированы ключевые запросы на изменение городской среды. Цель статьи – выявление особенностей представлений о городской среде и анализ ключевых запросов жителей на ее изменение. В зависимости от опыта взаимодействия с городской средой формируются общие и персонализированные запросы. Представлено исследование, включающее анкетный опрос и фокус-групповое интервью с жителями г. Кемерово. В фокус-групповом интервью принимали участие такие группы горожан, как «Школьники», «Старожилы города», группа представителей культурно-образовательной сферы города, «Городские активисты». В результате выделены представления об истории города, проблемах территории, уникальности города и о будущем города. Представления о городе формируются под влиянием различных факторов, таких как возраст, род занятий, уровень образования и др. «Школьники» воспринимают город как место рождения и учебы; «Старожилы» – через призму своего опыта, в том числе профессионального; «Историки, культурологи» видят в городе отражение истории, а «Городские активисты» – пространство для изменений и реализации своих проектов. В представлении кемеровчан промышленность является важной частью города, с другой стороны, для жителей важен переход к новым отраслям развития. Выявлено, что жители, даже артикулируя запрос на изменение городской среды, предпочитают выполнять пассивные роли в процессе решения городских проблем. Кемеровчане осознают проблемы городской среды, но не готовы к конкретным действиям по их решению.

Ключевые слова: городская среда, изменение городской среды, социальные представления, идентичность, запросы на изменения городской среды, регионы ресурсного типа

Для цитирования: Брандт Я. А., Кранзеева Е. А. Представления жителей о городской среде и запросы на ее изменения в регионах ресурсного типа (на примере г. Кемерово) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 37–46. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-1-37-46>, EDN: EOCWOY

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Residents' perceptions of the urban environment and requests for its changes in resource-type regions (the example of Kemerovo)

Ya. A. Brandt , E. A. Kranzeeva

Kemerovo State University, 6 Krasnaya St., Kemerovo 650000, Russia

Yana A. Brandt, yan.brand@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0194-9683>

Elena A. Kranzeeva, elkranzeeva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2577-9017>

Abstract. The article examines residents' perceptions of the urban environment in a resource-type region. The ideas are identified, and key requests for changing the urban environment are analyzed. The purpose of the article is to identify the ideas of the urban environment and analyze the key requests of residents to change it. Depending on the experience of interaction with the urban environment, general and personalized requests are formed. The presented study, includes a questionnaire survey and the focus group interview with the residents of Kemerovo. The focus group interview was attended by such groups of citizens as "Schoolchildren", "Old-timers of the city", a group of representatives of the cultural and educational sphere of the city, "City activists". As a result, ideas about the history of the city, the problems of the territory, the uniqueness of the city and the future of the city are highlighted. The ideas about the city are formed under the influence of various factors, such as an age, an occupation, a level of education, etc. "Schoolchildren" perceive the city as a place of birth and study; "Old-timers" do it through the prism of their experience, including professional; "Historians, cultural experts" see the city as a reflection of history, and "Urban activists" see a space for the changes and the implementation of their projects. In the minds of Kemerovo residents, industry is an important part of the city; on

the other hand, the transition to new sectors of development is important for residents. It was revealed that residents, even when articulating a request to change the urban environment, prefer to play passive roles in the process of solving urban problems. Kemerovo residents are aware of the problems of the urban environment, but are not ready for concrete actions to solve them.

Keywords: urban environment, changes in the urban environment, social representations, identity, requests for changes in the urban environment, resource-type regions

For citation: Brandt Ya. A., Kranzeeva E. A. Residents' perceptions of the urban environment and requests for its changes in resource-type regions (the example of Kemerovo). *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 37–46 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-1-37-46>, EDN: EOCWOY

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

При постоянном взаимодействии жителей с городской средой у них формируются представления о ней, выражающиеся в деятельности, отношении к отдельным явлениям, интерпретации событий и т. п. Представления жителей о городской среде – это образ объектов, форма субъективного отражения объективного мира. В их основе лежит предшествующий опыт взаимодействия с городом. Взаимодействуя с городской средой, человек выстраивает особую систему коммуникаций с ней, определяемую его установками и эмоциональным отношением. При этом на одних чертах и свойствах городской среды жители могут сосредотачиваться, а на другие не обращать внимания. Сложившиеся устойчивые представления могут сформировать характер установок относительно социальной активности горожан.

Цель статьи – выявить особенности представлений о городской среде и проанализировать ключевые запросы жителей на ее изменение.

Социальное представление – это взгляд на городскую среду, ее восприятие жителями, которое трансформируется в поведенческие установки по отношению к ней. Понятие и теоретические основы социальных представлений в 1960-х гг. были предложены и разработаны С. Московичи. Его подход акцентировал внимание на том, как люди думают и создают свою разделяемую реальность, а также на содержательном аспекте их мышления [1].

В рамках структурного подхода Ж.-К. Абрик выделяет ядро социальных представлений, которое обеспечивает генеративную функцию – именно через него другие элементы репрезентативного поля приобретают смысл; организационную функцию – определяет характер отношений, которые эти элементы поддерживают друг с другом, таким образом, ядро выступает объединяющим и стабилизирующим элементом социальных представлений [2, р. 43].

Когда городская среда неоднородна и противоречива, затрудняется восприятие города, представления носят неоднозначный характер. Идентификация индивида с объектом зависит от четкости представлений о нем.

Р. Ю. Вербицкий в структуре социальных представлений выделяет следующие компоненты: информация, установка, поле представления. Информация – общий объем знаний об объекте представления. Установка – эмоциональное отношение к объекту представления, а также способность индивида выражать мнение. Поле представления – иерархия элементов представления, включающая центральное ядро и периферическую часть [3, с. 313]. Социальные представления о городской среде присущи жителям, а не отдельному человеку, т. е. они рассматривают окружающую действительность через групповые смыслы.

К. Линч был одним из первых, кто в своих работах говорил о возможности возникновения совокупности образов, выработанных горожанами. Также он исследовал восприятие жителями города с помощью картографирования. В результате ученый пришел к выводу, что различные городские сообщества имеют различные представления о городской среде [4, с. 170–230].

Представления о городской среде рассматриваются авторами как компоненты образа города. С. В. Мельникова и О. С. Поршнева рассматривают образ города, как синтез представлений (эмоциональных и рациональных) о нем, которые формируются у жителей в процессе взаимодействия с городской средой [5, с. 168]. Образ города формируется всей совокупностью представлений о нем [6, с.18]. А. Н. и Т. А. Соловьевы, определяя образ города, выделяют в его структуре представления о городской среде, которые обусловлены групповыми и индивидуальными особенностями горожан [7, с. 114].

Вопрос зависимости представлений о городской среде от активности самих жителей был рассмотрен в работе Е. Н. Заборовой и А. Ф. Исламовой [8, с. 99–100]. Авторы приходят к мнению, что от активности самих жителей и социальной позиции, которую они занимают, зависит степень удовлетворенности городской средой.

И. А. Тарасов рассматривает городскую среду как гетерогенный, множественный объект, в связи с чем у жителей складываются разные

представления о сценариях взаимодействия с объектами городской среды и, соответственно, разные запросы на ее изменение [9, с. 15–20]. О. Запорожец, Я. Багина для анализа запросов жителей на то, какой должна быть городская среда и ее инфраструктура, используют концепт «инфраструктурные надежды», через который авторы показывают практики отставания горожанами своего видения будущего города [10, с. 280–284].

Многие отечественные авторы в качестве ключевого запроса горожан выделяют запрос на качественную городскую среду. Однако представления о комфортной городской среде могут различаться у разных субъектов. Так, Д. О. Дунаева указывает на необходимость формирования общих смыслов, диалога между представителями власти и горожанами для согласования представлений и запросов жителей на развитие города [11, с. 143–146].

Социальные инициативы как возможность влияния на развитие городов и регионов в целом рассматривают Е. А. Кранзеева с соавт. [12, с. 150–156]. Е. В. Головацкий и Н. В. Нятина в своей работе показывают зависимость ресурсных возможностей территорий от наполненности инициативами городского пространства [13, с. 304]. Решение городских проблем во многом будет зависеть от усилий, прилагаемых местными жителями. Осознание горожанами общности проблем вовсе не означает их готовности к сплочению с другими для их решения. К. А. Антипов выделяет декларативную, потенциальную и реальную готовность к совместным действиям для решения проблем города [14, с. 55–58].

С. Н. Левин и Е. А. Кранзеева, описывая социально-политическое взаимодействие в регионах ресурсного типа, подчеркивают тесную связь между ресурсной и отраслевой структурой экономики, а также политико-экономическим устройством. Публичное взаимодействие в идеале предполагает совместную разработку целей развития территории, в том числе и городской среды, представителями власти, бизнеса и населения. Однако на практике представители власти и бизнеса не воспринимают население как равноправного партнера, что приводит к тому, что население становится объектом, на который направлены интересы субъектов. В данной ситуации не учитываются реальные потребности населения и потребности развития региона. При этом авторы подчеркивают, что для жителей актуален запрос на справедливость, но при этом они не позиционируют себя

как активных граждан. В такой ситуации, по мнению авторов, складывается квазипубличное взаимодействие, которое характерно как для Кузбасса, так и для регионов ресурсного типа в целом [15, с. 115–125].

Изменения городской среды в регионах ресурсного типа требуют и изменения подхода к использованию территорий, ранее занимаемых промышленными объектами. Для того чтобы сделать городскую среду промышленных городов более разнообразной и привлекательной, необходима джентрификация – процесс преобразования промышленных зон в жилые и бизнес-территории. Для этого можно проводить реконструкцию зданий, создавать новые рабочие места, инфраструктуру и привлекать инвестиции в развитие территории. Необходимо переосмыслить функциональное и планировочное значения промышленных территорий в структуре города или агломерации. Это может способствовать притоку инвестиций и экономическому росту.

При изменении городской среды в городе с индустриальным прошлым необходимо также учитывать трансформацию как самих запросов жителей, так и функций городской среды. В советскую эпоху в основе понимания городской среды лежало отчуждение человека, которое создавало духовную дистанцию между человеком и городской средой. Центральным зонам отводился большой идеологический вес, остальные зоны городской среды были иерархически упорядочены, что способствовало эстетическому созерцанию среды. В настоящее время на первый план выходят личные интересы, развивается концепция комфортной городской среды, удовлетворяющей запросы различных групп населения, учитывающей опыт взаимодействия жителей с этой средой.

С целью выявления ключевых представлений о городской среде г. Кемерово было проведено четыре фокус-группы и анкетный опрос (N = 665 чел., выборка репрезентативная, квотированная по полу и возрасту). Полевой этап исследования длился в течение мая–июня 2021 г.

В исследовании принимали участие представители следующих групп горожан:

- 1) «Школьники» – обучающиеся общеобразовательных учреждений с 9-го по 11-й класс. Для них характерен общий целевой интерес, связанный с определением маршрута собственного развития;
- 2) «Старожилы» города, играющие важную роль в восприятии города, имеющие связь с городским сообществом на основе длительности

проживания. Все приглашенные участники дискуссии являлись членами Совета ветеранов угольной промышленности г. Кемерово;

3) «Историки, культурологи» – представители культурно-образовательной сферы города (работники музеев, театров, центров творчества), а также ученые-историки, которые занимаются изучением г. Кемерово;

4) «Городские активисты» – жители города Кемерово, реализующие проекты и инициативы по его развитию в разных направлениях.

На основе проведенного исследования были выделены представления об истории города и его уникальности, проблемах территории, о будущем города и запросов на его изменения.

Представления об истории города

Для развития территорий важно, чтобы жители чувствовали связь со своим прошлым, настоящим и будущим (принадлежность, включенность). При разработке концепции дальнейшего развития города необходимо обеспечивать соответствие градостроительных и иных социально-планировочных решений сложившимся традициям жизни локальных социальных обществ.

История г. Кемерово начинается с 1918 г., когда был основан г. Щегловск. В 1920–1930-х гг. Щегловск мало походил на город, недалеко уйдя от своего сельского прошлого. В 1932 г. Щегловск переименован в город Кемерово. Кемерово становится олицетворением всего нового, передового, социалистического. Происходит расширение городской черты, численность городского населения возрастает, начинается процесс районирования территории г. Кемерово. В этот период закладывается промышленный фундамент города.

В 1930–1940-е гг. происходит техническая модернизация г. Кемерово. В этот период улица – это техническая коммуникация, отрезок пути, она больше не является сложной и многофункциональной пешеходной средой, как это было раньше. В годы войны происходит рост административно-политического значения г. Кемерово. В январе 1943 г. город становится областным центром. В военное время главным в городе является оборонная промышленность. В 1950–1960-е гг. здесь происходит массовое жилищное строительство, создаются новые предприятия, прежде всего химической промышленности и машиностроения. В 1970–1980-е гг. Кемерово продолжал расширять застройку. В 1995 г. был принят Устав города Кемерово.

В 1996 г. рабочие поселки Боровой, Кедровка, Пионер, Промышленновский и Ягуновский вошли в состав городской черты г. Кемерово в качестве административно-территориальных единиц.

Жизнь жителей г. Кемерово с момента его возникновения была сконцентрирована вокруг градообразующих предприятий, связанных с добычей угля. В годы войны город был крупной точкой производства техники и взрывчатых веществ, после развивался как центр химической промышленности.

Для группы «Школьники» история города во многом остается «белым пятном». Им было трудно назвать какие-либо исторические события, конкретных деятелей, которых бы они идентифицировали для себя как значимых и достойных внимания.

Вроде как... То ли была какая-то гора, которая называлась Кемир, то ли это было какое-то полезное ископаемое, я не помню. Я слышала эту историю несколько лет назад, ну и она как-то подстерлась из памяти, что, вроде как, что-то нашли. Оно, по-моему... по-моему, нашли какой-то камушек, он загорелся. Он назывался Кемир. И вот на этом гор... на этом месте грубо говоря, вот, построили город Кемерово. Вроде как.

Группа «Историки, культурологи» демонстрирует положительное восприятие города. Для них свойственно соединение личных чувств к городу и профессиональной деятельности, связанной с историческим наследием Кемерово. Это не доминирующее чувство, возникшее в результате процесса групповой профессиональной поляризации, как в случае с группой «Старожилы», а следствие включенности в жизнь города через профессиональную компетенцию.

Я думаю, о древней истории города Кемерово знают далеко немногие и даже не догадываются, что территория города Кемерово ... уже давно обжита человеком и здесь человек начал селиться в эпоху камня. ... история заселения в частности территории нашего города очень интересна.

Для участников группы «Городские активисты» Кемерово предстает как независимый и самостоятельный город. Респонденты хорошо знают историю города и свободно оперируют фактами и событиями.

Жизнь жителей г. Кемерово с момента его возникновения была сконцентрирована вокруг градообразующих предприятий, связанных с добычей угля. Участники в процессе обсуждения подчеркивают, что сейчас городу необхо-

димо переосмыслить промышленное прошлое, по-новому освоить индустриальные зоны.

А новый постсоветский кемеровчанин – это такой сервильный человек, это человек, который еще чувствует себя совком. От совка кемеровчане не избавились.

Представления о проблемах территории

«Школьники» не рассматривают город как место продолжения учебы. «Точек притяжения» или «якорей» (кроме ближнего круга), способных удержать подрастающее поколение, в ходе групповой дискуссии не было выявлено.

Кемерово в первую очередь у меня ассоциируется с домом, это семья, друзья... И это единственное что как бы держит, ну будет держать меня здесь. Потому что... Мне кажется, что через несколько лет, если не будет продолжаться... идти точнее развитие, то тут действительно, абсолютно нечем заняться... любому поколению, человеку любого возраста.

Вступительная речь каждого из представителей группы «Старожилов» (и далее по ходу обсуждения) затрагивала проблемные стороны города: дороги, больницы, школы, экология, общественный порядок, отсутствие инфраструктуры, отток молодежи.

Все болезни этого города, они очень серьезно отражаются на мне, потому что я настоящий как бы, как говорится, абориген и житель этого города и мне все бросается в глаза.

В качестве основных проблем «Историки, культурологи» выделили отсутствие интересных мест, достопримечательностей в отдаленных от центра районах, плохую инфраструктуру, отток молодежи и отсутствие у нее интереса к изучению собственной истории:

Чтобы в какой бы район не приехал – везде было бы что посмотреть, куда пойти, где развиваться детям. Чтобы не вывозить их там в центр. Чтобы было все возле дома, было чем заниматься. Вот это бы очень хотелось.

...хотела видеть развитие города именно как студенческого города, чтобы было еще больше молодежи, чем в других городах в нашем бермудском треугольнике: Новосибирск, Томск, Красноярск.

Особенно волнует в этом плане молодежь, которая практически мало что знает вообще, мы то хоть что-то еще там.

Однако в целом Кемерово воспринимается группой как стабильный, процветающий, обладающий сильным потенциалом как для привлечения туристов, развития угольной про-

мышленности, так и для создания комфортной внутренней среды и условий для привлечения молодежи в город.

Представления об уникальности города

Тема уникальности Кемерово поднималась в каждой группе. Центр города с его архитектурным стилем, некоторые улицы единогласно отмечались как достояние городской среды. Уникальность для респондентов состоит в исторической значимости некоторых зданий, угольного наследия, особых архитектурных форм (памятники, скульптуры). Сосновый бор стал доминантой, которую каждая группа упоминала в ходе дискуссии и призывала сохранять.

Уникальность города рассматривается «Школьниками» с точки зрения промышленной сферы деятельности Кемерово. «Городские активисты» выделяли следующие символы города: КемГУ, центр города, серый цвет, трубы ГРЭС, два моста, красные трамваи, чемпионат по хоккею с мячом, ул. Весенняя:

Кузбасс ассоциируется только с разрезами, с шахтами, с шахтерами, с этими огромными машинами, которые работают на... разрезах. И поэтому я думаю, что для многих именно ну не знаю промышленность, именно уголь является ассоциаций;

Вот этот серый цвет – цвет города Кемерово;

Это одна труба пять красных полосочек, другая четыре. Это какие-то маяки. Трубы – они как сигаретки с дымом, они вот наше газозаводность;

Сложно найти такие города в мире, когда просто два огромных моста стоят рядом, ну один неработающий, но тем не менее. Ну, мне кажется, это прям наше. Бессмысленно и беспощадно.

Символический центр города для горожан в целом совпадает с реальным. Ассоциации с городом и значимые места для жителей тоже связаны с центром города, как некой «визиткой города». Советский проспект, Весенняя улица, Красноармейская, фонтан рядом с театром Драмы становятся в их сознании точками притяжения и отражают культурное и архитектурное достоинство города. Не обошли стороной жители и исторические места: музейный комплекс «Красная Горка», скульптура Эрнста Неизвестного «Память шахтерам Кузбасса». Однако стоит отметить, что для представителей молодого поколения местами для гордости в городе являются новые городские пространства.

По итогам анализа вопроса анкеты о словах-образах, с которым ассоциируется город, нами были выделены несколько наиболее популярных категорий таких образов (табл. 1). Выяснилось, что у респондентов город ассоциируется с промышленной мощью, угольной и химической специализацией. Чуть менее

популярной, но значимой, является актуализация экологических проблем в ассоциациях с городом. Тем не менее город гражданами воспринимается как довольно комфортный для проживания. Многие респонденты воспринимают г. Кемерово как родной, свой, любимый.

Таблица 1

Ассоциации с г. Кемерово (анкетный опрос)

Категория	Количество ответов	Смысловые единицы
Промышленность	323	АЗОТ, уголь, химия, промышленный, индустриальный, заводы, шахты, шахтерский
Экология	256	Воздух, газ, грязь, грязный, грязный воздух, дым, загазованный, загрязненный, плохая экология, смог
Комфорт городской среды	186	Удобный, комфортный, спокойный, развивающийся, чистый, уютный, компактный
Патриотизм	139	Родной, родина, дом, домашний, семья, семейный
Значимые объекты	138	Красная Горка, набережная, р. Томь
Положительная характеристика	122	Зелень/зеленый, красивый, любимый, молодежный, молодой
Негативная характеристика	89	Маленький, провинция, скучный, серость, серый

Жители практически не выделяют неформальные точки притяжения в городе, а также все значимые места сосредоточены в Центральном районе. Рецензенты из группы «Школьники» в качестве неформальных достопримечательностей в городе называли обычные объекты городской среды в Кировском районе, такие как набережная.

Вместе с тем город рассматривается как сообщество, в котором люди знают друг друга. Кемерово для них является точкой притяжения, к которому они испытывают теплые чувства:

Хотелось в какой-то момент сбежать, хотелось, но любовь к городу – она победила и в результате я до сих пор здесь и детей всех оставила здесь, чтобы тоже трудились на благо родного города.

Представления о будущем города и запросы на изменения

«Школьники» в качестве направлений развития выделили туризм как точки притяжения, развитие образовательной и транспортной сферы, спортивной отрасли. Участникам в силу возраста и небольшого социального опыта было тяжело назвать конкретные проекты, которые бы могли оказать влияние на развитие города. Город будущего участники хотели бы видеть «развивающимся», «экологичным го-

родом», «городом образовательных возможностей», «культурно развитым», «культурной столицей Сибири».

«Старожилы» воспринимают Кемерово как углепромышленный гигант. Прошлое и настоящее города они связывают с угольной добычей. Возможное будущее они также видят в связке «Кемерово – Кузбасс – уголь». Размытие границ между кемеровчанином и кузбассовцем обуславливает слияние городов области в единое пространство. Также город будущего у участников ассоциируется с концепцией города-сада, которая была популярна в начале XX в.:

...город Сад, лучший город за Уралом. Так всегда было и так должно быть и меня коллеги поддержат во всем.

Участники из группы «Историки, культурологи» видят важным направлением развития города сохранение его промышленной истории. При этом подчеркивается необходимость перехода от промышленного города к культурному:

Вот она промышленность, казалось бы. Интересно специалистам, но нет где я просто посмотрела у них есть хроника, с самыми простыми саначками шахтеров, включая до современных комбайнов. И ты понимаешь сколько прошло, как жизнь изменилась;

Сохраняя историческую часть, но в то же время показывать, что он превращается в куль-

турный. То есть он был индустриальный, теперь превращается в культурный;

...будет этот культурный кластер и это большая, красивая набережная и мне хотелось бы, чтобы Кемерово стал точкой притяжения именно культуры.

Участники во время группового обсуждения не раз обращались к развитию событийного туризма, который бы смог дать городу толчок для развития притягательности и уникальности:

Вот и почему нам бы в Кемерово не раскрутить наш родной День Шахтера?! Поэтому для меня – нужно развивать событийный туризм;

Это центр индустриального туризма Сибири, поскольку нигде аналогичного нет;

«Городские активисты» продвигают собственные проекты, стремятся принести таким образом пользу для города:

Люблю свой город и занимаюсь, по мере возможности, некоторыми проектами, которые как, на мой взгляд, способствует формированию движухе здесь. Потому что, на мой взгляд, движухи этой самой здесь маловато.

Несмотря на это, их усилий недостаточно для того, чтобы создать устойчивый интерес и вовлекать других кемеровчан в подобные проекты. Кемеровчане не верят в саму возможность самостоятельно внести какие-либо изменения в городскую среду, либо достичь успеха. Молодежь также не видит потенциала в городе и стремится покинуть Кемерово:

Но будущего тоже немногие видят здесь, поэтому многие люди уезжают из Кемерово, просто, не знаю, моих только знакомых, какое-то нереальное просто количество и вот с тем тоже думаю надо что-то делать и думать только об этом.

Группа демонстрирует общую обеспокоенность тем, что молодые люди уезжают из Кемерово искать возможности для самореализации. Они верят, что здесь есть все условия для того, чтобы развивать городскую среду, привлекать жителей к общественным проектам, молодежь и взрослое население города не заинтересованы в таком участии:

Среди тех людей, с которыми я общаюсь, ну или точнее общался, наверное, нежели там ранее, есть такое сформированное понимание, что если ты что-то хочешь в Кемерово сделать необычное, нестандартное, то у тебя все равно ничего не получится, потому что тебе не дадут возможность и вообще это никому не надо. Я достаточно много разных проектов в городе с абсолютно разными вещами реализо-

вывал и всегда на старте были подобные комментарии. Хотя, ну, по личному опыту показывает, что в целом можно все сделать. Возможно, это не так легко, как в другом городе.

«Школьники», оценивая, какой вклад они могут внести в решение проблем города, заявляли о том, что они мало на что могут повлиять:

То есть это люди, во-первых. То есть я могу, предположим, сортировать мусор, аа... не мусорить... Но из-за заводов, на которые я никак не могу оказать свое влияние, мне кажется я не могу сильно так повлиять;

А как можно поучаствовать в решении. А смысл в этом участии? От нас это особо сильно не зависит, это же зависит все.

Таким образом, выделяя определенный комплекс проблем, учащиеся не хотят брать на себя инициативу в их решении, хотя при этом высоко оценивают потенциальные возможности объединения жителей.

«Городские активисты» ключевым побудительным мотивом к созданию сообществ назвали наличие острых социальных проблем, для решения которых люди способны объединиться:

Людей нас может объединить и заставить что-то делать только какая-то общая проблема или беда;

Вот культурные проекты и общие проблемы – это то, что стянет в одну кучку.

По результатам анкетного опроса, жители выделяют проблемные зоны в городе, решение которых позволит городской среде стать более комфортной. На рис. 1. представлены Топ 7 запросов кемеровчан на изменение городской среды. На основе проведенного исследования нами были выделены ключевые запросы горожан.

Рис. 1. Что необходимо изменить в городе? (анкетный опрос, допускалось несколько вариантов ответа)

На рис. 2 представлены ключевые запросы горожан в зависимости от выделенных нами групп. В общие запросы входят потребности на безопасность, обеспокоенность экологическими проблемами, инфраструктурой города и

пр. Персональные запросы связаны с личностными потребностями горожан – на углубленную многоуровневую трансформацию города, описание стратегии, идеального сценария городского развития.

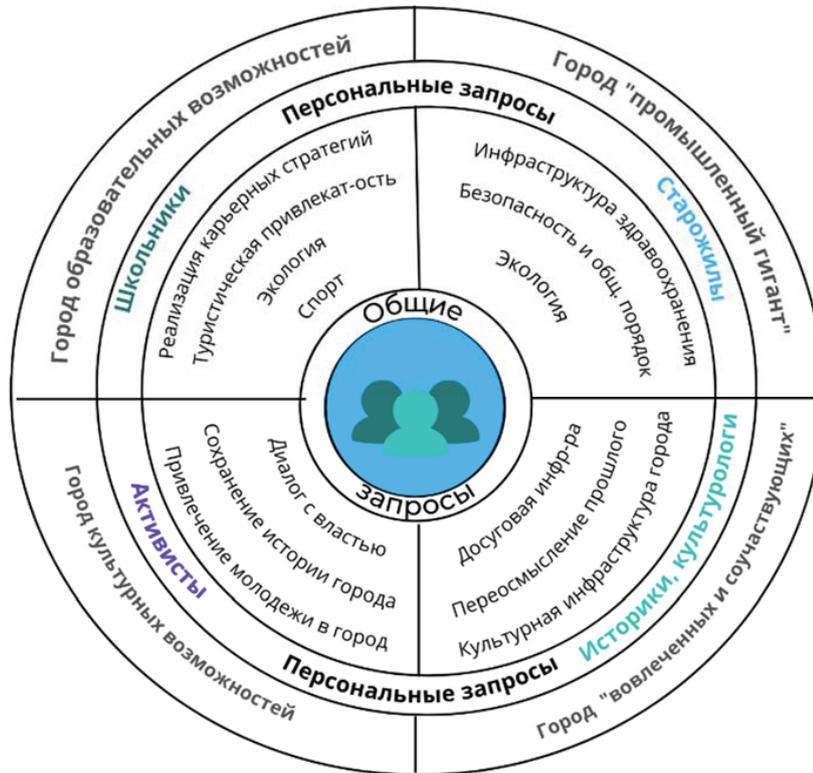

Рис. 2. Ключевые запросы горожан на изменения городской среды (сост. по материалам фокус-групп)

«Школьники» рассматривают городскую среду с точки зрения образовательных и карьерных возможностей. У данной группы существует запрос на разнообразную городскую среду, которая в свою очередь оказывает влияние на их желание продолжать учебу или карьеру в родном городе.

У «Старожилов», помимо традиционных запросов, касающихся инфраструктуры города, которые чаще всего ложатся в основу различных рейтингов и индексов качества городской среды, проявляется запрос на возрождение «промышленного величия» города. Это тесно связано с историческим прошлым региона и города, а также со сферой, в которой трудились информанты.

Запрос на диалог актуален для «Городских активистов», которые в силу своих интересов имеют дело с реализацией городских проектов, в том числе и инициативных. Для данной груп-

пы важен диалог не только с представителями власти, но и с горожанами, а также вовлечение жителей в проекты изменения городской среды.

Представители культурно-образовательной сферы города в силу своей профессиональной деятельности ожидают от городской среды трансформации культурной инфраструктуры. Для них важно сохранение исторического прошлого города вместе с его переосмыслением (запрос на событийный туризм).

При этом, отвечая на вопрос, в качестве кого они могли бы участвовать в изменении городской среды в процессе решения проблем города, жители выбирали пассивные роли. Чаще всего горожане видят себя в роли участников и волонтеров, причем показатели выбора данных вариантов выше в полярных возрастных группах: 18–29 лет и старше 55 лет. Данная тенденция прослеживается и в остальных вариантах, где наибольшее количество

выборов показывают представители молодежи и старшей возрастной группы. Это может быть связано с большими амбициями молодых горожан и наличием свободного времени и желания поделиться своим опытом у представителей старшего поколения. Тем не менее высок процент не готовых принимать личное участие в каких-либо проектах (10,5%). Дополнительной иллюстрацией могут послужить примеры ответов из варианта «другое», где часто упоминаются такие роли, как «наблюдатель», «зритель». Это также подчеркивает пассивность участия многих жителей в проектах развития города (табл. 2).

Таблица 2

Роли, которые респонденты готовы выполнять в проектах развития города (анкетный опрос, допускалось несколько вариантов ответа)

Роль	Количество ответов	%
Организатор	59	6,8
Партнер	41	4,7
Профессионал	71	8,1
Участник	200	22,9
Волонтер	131	15
Коммуникатор	41	4,7
Не готов принимать личное участие	92	10,5
Запустить свой проект	40	4,6
Другое	198	22,7
Итого	873	100,0

Как показало проведенное исследование, представления о городе могут различаться у разных групп людей в зависимости от возраста, рода занятия, уровня образования и др. «Школьники» понимают город как место рождения, «Старожилы» – в силу своего богатого жизненного и профессионального трудового опыта, «Историки, культурологи» погружены в историю города вследствие своей профессиональной деятельности и общения в узкоспециализированных, тематических кругах, а «Городские активисты» – в рамках продвижения собственных проектов.

В сознании горожан преобладает связка город – промышленность, причем она носит противоречивый характер: с одной стороны, ожидание возврата былого производственного величия («стать первыми за Уралом»), с другой – переход от индустриальности в другую область считается населением эффективной стратегией развития города.

Кемеровчане видят необходимость изменения городской среды, им присуще желание взглянуть на город с новой стороны, не только как на «промышленный центр». При этом для жителей г. Кемерово в большей степени характерна декларативная готовность, т. е. они осознают проблемы городской среды, соотносят себя с ними, но при этом не готовы к конкретным действиям. Стремление к изменению городской среды отстает от готовности принимать на себя ответственность и совершать реальные действия.

Данное исследование позволяет взглянуть на проблемы промышленных регионов, переживающих свою трансформацию с точки зрения создания новых экономических отраслей развития, «точек притяжения», привлекательности для проживания.

Список литературы

1. *Moscovici S.* On Social Representations // *Social Cognition: Perspectives on everyday understanding* / ed. by J. Forgas. URL: https://www.researchgate.net/publication/335241052_On_Social_Representations (дата обращения: 20.01.2023).
2. *Abric J.-C.* A structural approach to social representations // *Representations of the social: Bridging theoretical traditions* / ed. by K. Deaux, G. Philogène. Oxford: Blackwell Publishers, 2001. P. 42–47.
3. *Вербицкий Р. Ю.* Социальные представления как предмет социальной психологии // *Вестник университета*. 2015. № 11. С. 311–315.
4. *Линч К.* Образ города / пер. с англ. В. Л. Глазычева. М.: Стройиздат, 1982. 328 с.
5. *Мельникова С. В., Поршнева О. С.* Образ города и его функционирование в культурно-историческом контексте: к постановке проблемы (на примере Екатеринбурга) // *Известия Уральского федерального университета*. Серия 3: Общественные науки. 2016. Т. 11, № 4 (158). С. 166–172.
6. *Горелова Ю. Р.* Образ города в восприятии горожан. М.: Институт Наследия, 2019. 154 с.
7. *Соловьева А. Н., Соловьева Т. А.* Образ города в структуре социальных представлений о Севере (на примере Архангельска) // *Вестник Северного (Арктического) федерального университета*. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2019. № 6. С. 112–120. <https://doi.org/10.17238/issn2227-6564.2019.6.112>
8. *Заборова Е. Н., Исламова, А. Ф.* Город как социальное пространство // *Социологические исследования*. 2013. № 2. С. 97–101.
9. *Тарасов И. А.* Создание городской среды: разногласия в множественном объекте // *Городские исследования и практики*. 2020. Т. 5, № 2. С. 7–23. <https://doi.org/10.17323/usp5220207-23>

10. Запорожец О., Багина Я. Власть надежд: отстаивание инфраструктуры в новых городских районах // Журнал исследований социальной политики. 2021. Т. 19, № 2. С. 269–284. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-2-269-284>
11. Дунаева Д. О. Дискурсивные практики горожан как коммуникативный механизм формирования образа комфортного города (опыт полевого исследования) // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 60. С. 137–150. <https://doi.org/10.17223/1998863X/60/13>
12. Кранзеева Е. А., Головацкий Е. В., Орлова А. В., Нятина Н. В., Бурмакина А. Л. Влияние социальных инициатив населения на инновационное развитие регионов // Научный результат. Социология и управление. 2021. Т. 7, № 4. С. 140–156. <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2021-7-4-0-9>
13. Головацкий Е. В., Нятина Н. В. Ресурсы гражданских инициатив в городах Кузбасса // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2019. Т. 4, № 3. С. 300–309. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2019-4-3-300-309>
14. Антипов К. А. Модели взаимодействия муниципальной власти и местного сообщества // Социум и власть. 2012. № 6 (38). С. 55–58. EDN: PUAINT
15. Левин С. Н., Кранзеева Е. А., Саблин К. С. Субъекты квазипубличного взаимодействия в регионе ресурсного типа: взгляд изнутри // Мир России. Социология. Этнология. 2021. Т. 30, № 4. С. 106–127. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2021-30-4-106-127>

Поступила в редакцию 30.08.2023; одобрена после рецензирования 10.09.2023; принята к публикации 29.11.2023
The article was submitted 30.08.2023; approved after reviewing 10.09.2023; accepted for publication 29.11.2023

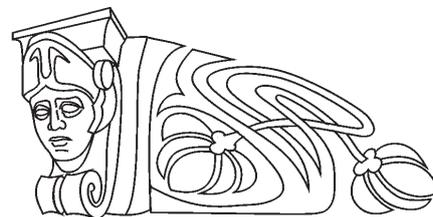

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 47–56
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 47–56
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-1-47-56>, EDN: XCSPSQ

Научная статья
УДК 316.44:314.7

Образ «чужого» в инфраструктуре российского города (на примере Челябинской области)

Е. И. Салганова

Южно-Уральский государственный университет (НИУ), Россия, 454080, г. Челябинск, проспект Ленина, д. 76

Салганова Елена Ивановна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Института медиа и социально-гуманитарных наук, salganovaei@susu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1549-8425>

Аннотация. Цель работы – выявление критериев «образа» мигранта и «мигрантской» инфраструктуры, описание проблем межнациональных отношений, интеграции мигрантов из стран Средней Азии в российском городе (на примере городов Челябинской области). На основе 540 интервью с местным населением шести городов области (Челябинск, Копейск, Магнитогорск, Миасс, Златоуст, Троицк), а также результатов наблюдений, контент-анализа СМИ и интернет-ресурсов в ходе исследования изучены количественные и качественные характеристики, позволившие охарактеризовать образ «чужого», структуру городского пространства в дихотомии «свой – чужой», выявить проблемы межнациональных отношений, описать, какие объекты наделяются статусом «мигрантские» и посредством каких маркеров это происходит. Особое внимание уделено образу «чужого» в СМИ и различных интернет-ресурсах, которые во многом формируют общественное отношение к мигрантам и где последние чаще всего наделяются негативными характеристиками (заселяются большими семьями и тем самым «захватывают» целые районы города, занимают нелегально рабочие места и даже сферы региональной экономики). Делается вывод о том, что образ «чужого» и «мигрантской» инфраструктуры в СМИ формируется под влиянием национальной, этнической и классовой стереотипизации, ограниченного набора жизненных контекстов, обезличенности и пассивности мигрантов. Выявлено, что существенная часть негативных установок местного населения относительно мигрантов проецируется на вполне конкретные объекты городской инфраструктуры (рынки, образовательные и медицинские учреждения, «опасные» районы и др.) и сферы деятельности (маршрутное такси, торговля, строительство и т.д.).

Ключевые слова: интернет-ресурсы, инфраструктура города, маркеры, межнациональные отношения, мигрантские объекты, мигрантские сферы деятельности, мигранты стран Средней Азии, образ «чужого», общественное мнение, средства массовой информации

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 23-28-10211).

Для цитирования: Салганова Е. И. Образ «чужого» в инфраструктуре российского города (на примере Челябинской области) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 47–56. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-1-47-56>, EDN: XCSPSQ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The image of the "alien" in the infrastructure of the Russian city (the example of Chelyabinsk region)

E. I. Salganova

South Ural State University (National Research University), 76 Lenin prospekt, Chelyabinsk 454080, Russia

Elena I. Salganova, salganovaei@susu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1549-8425>

Abstract. The article aims to identify the criteria of the "image" of a migrant and "migrant" infrastructure, to describe the problems of interethnic relations, integration of migrants from Central Asia in a Russian city (using the examples of cities in Chelyabinsk region). The author relies on 540 interviews with the local population of six cities of the region (Chelyabinsk, Kopeysk, Magnitogorsk, Miass, Zlatoust, Troitsk), as well as the results of observations, content analysis of mass media and Internet resources. The quantitative and qualitative characteristics revealed in the course of the research allowed us to characterise the image of the "alien", the structure of urban space in the dichotomy "native"- "alien", to identify the problems of interethnic relations, to describe which objects are given the status of "migrant" and through what markers this happens. Particular attention is paid to the image of the "alien" in the media and various Internet resources, which largely shape public attitudes towards migrants and where the latter are most often endowed with negative characteristics (settling by large families and thus "taking over" entire city districts, illegally occupying jobs and entire spheres of the regional economy). It is concluded that the image of the "alien" and "migrant" infrastructure in the media is formed under the influence of national, ethnic and class stereotyping, a limited set

of life contexts, impersonality and passivity of migrants. It was revealed that a significant part of negative attitudes of the local population towards migrants is projected onto quite specific objects of urban infrastructure (markets, educational and medical institutions, "dangerous" neighbourhoods, etc.) and the spheres of activity (shuttle buses, trade, construction, etc.).

Keywords: Internet resources, city infrastructure, markers, interethnic relations, migrant sites, migrant spheres of activity, Central Asian migrants, image of the "alien", public opinion, mass media

Acknowledgements: This work was supported by the Russian Science Foundation (project No. 23-28-10211).

For citation: Salganova E. I. The image of the "alien" in the infrastructure of the Russian city (the example of Chelyabinsk region). *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 47–56 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-1-47-56>, EDN: XCSPSQ

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Гармонизация межнациональных отношений и укрепление толерантности сегодня являются одними из важнейших проблем в социальной повестке Российского государства. Изучение межнациональных отношений требует постоянного мониторинга, поскольку их дестабилизация представляет собой серьезный вызов устойчивому развитию российского общества в будущем. Адекватный ответ кроется в поиске конкретных позитивных решений, основанных на комплексном изучении межнациональных отношений, мигрантских и этнических локаций, инфраструктуры, сфер деятельности, которые относятся к «мигрантским» или «этническим», выявляя тем самым социокультурные проблемы, причины и факторы интеграции мигрантов в различные сферы жизни принимающего сообщества конкретного региона.

В зарубежной литературе исследования в области миграционных процессов сосредоточены на изучении культурных установок, их изменений в процессе адаптации мигрантов к новой среде, особенностях аккультурации различных групп мигрантов, их интеграции в структуры принимающих обществ. Результатом таких процессов является либо утрата мигрантами своей этнической принадлежности, либо в той или иной степени «приспособление» к нормам и ценностям большинства (Е. Ли [1], Р. Альба [2], В. Ни [3], Е. Моравска [4], А. Портес [5], Р. Румбо [6], М. Чжоу [7] и др.). Особое внимание зарубежными учеными уделялось теориям ассимиляции (Р. Альба, В. Ни, Е. Моравска) и сегментной ассимиляции (А. Портес, Р. Румбо, М. Чжоу). Опыт европейской социологии заложил основы теоретических парадигм миграции на основе мультикультурализма и транснационализма (Н. Глик Шиллер [8], Н. Фонер [9, 10], С. Вертовец [11]). Отличие американского и европейского подходов к изучению проблем миграции заключается в определении влияния религиозности на успешность интеграции мигрантов (Н. Фонер, Р. Альба, Ф. Ван Туберген). Делались попытки объединения всех концеп-

ций миграции в одну теорию – так называемую синтетическую теорию международной миграции, где миграция представляет собой последствие широких процессов интеграции в политической, экономической и общественной жизни вследствие экономического роста [12].

В отечественной социологии изучению аспектов межнациональных отношений и отдельных аспектов интеграции мигрантов, в том числе из стран Азии, посвящены труды Ж. А. Зайончковской [13], Т. И. Заславской [14], Л. Л. Рыбаковского [15], А. Г. Вишневого [16], В. И. Мукомеля [17] и др. В настоящее время в социологии большое внимание уделяется совершенствованию миграционной политики России и обогащению методологического арсенала исследователей (Д. Дахинден [18], С. В. Рязанцев [19]). Сложился большой пласт региональных исследований на стыке социологии и антропологии. Ученые отмечают, что основными источниками рабочей силы, стабильного притока постоянных и образовательных мигрантов на территорию РФ в последние два десятилетия становятся страны Центральной и Юго-Восточной Азии (В. В. Воронов, А. В. Дмитриев [20], А. В. Топилин [21]). Значительное внимание уделяется различным аспектам взаимоотношений принимающего общества с мигрантами, поиску оптимальных механизмов адаптации и интеграции выходцев из стран Азии в российское общество [22]. Предпринимаются попытки составления социальных профилей той или иной среднеазиатской диаспоры [23, 24].

Учеными активно исследуются объекты мигрантской активности, особенности этнических анклавов. С одной стороны, в ряде научных исследований уже достоверно было показано, что такие локации в российских городах не возникают [25]. С другой стороны, отмечается, что в отдельных частях крупных российских городов возникают небольшие локации, где мигрантов в среднем чуть больше, чем в других частях того или иного мегаполиса. Например, в Челябинске, по мнению группы исследовате-

лей миграции и этничности РАНХиГС, к таким потенциальным местам концентрации может относиться район Челябинского металлургического завода [26]. Кроме того, исследователями установлено, что мигрантские локации воспринимаются как маргинальные территории, утратившие свои бывшие функции. Например, жилые кварталы вблизи промзон, которые ввиду их непрестижности покидает коренное население, интенсивно заселяются приезжими, в том числе иноэтничными мигрантами [26, с. 242]. В результате местные жители начинают беспокоиться за свою личную безопасность, опасаясь роста преступности. Наличие обозначенных проблем свидетельствует о дисбалансе и дисгармонии в организации пространства города, что негативно влияет на социальную среду и может сопровождаться социальной разбалансированностью и конфликтами. Данные обстоятельства ориентируют исследователей на выявление более широкого спектра проблем, связанных с формированием разветвленной «мигрантской» инфраструктуры в российских агломерациях, изучение реакций принимающей стороны на ее появление. Таким образом, обзор зарубежных и отечественных работ свидетельствует об актуальности изучения мигрантской инфраструктуры и ее восприятия принимающей стороной, определению ключевых маркеров образа мигранта, мигрантских локальностей и сфер деятельности.

В целях изучения проблем межкультурного взаимодействия местного населения и мигрантов из стран Средней Азии (казахи, киргизы, узбеки, таджики, туркмены и китайцы) в условиях российского города (на примере Челябинской области) в мае–сентябре 2023 г. проведено 540 интервью с местным населением шести городов области: Челябинска, Копейска, Магнитогорска, Миасса, Златоуста, Троицка. Ставились задачи по определению критериев маркировки горожанами образа мигранта, элементов городской инфраструктуры как мигрантских и этнических; уточнению структуры городского пространства исходя из дихотомии «свой – чужие» путем сопоставления принимающей стороной реальных и воображаемых мигрантских объектов; описанию и классификации созданной мигрантами инфраструктуры на основе функционала, который она играет в жизни городских сообществ; выявлению роли мигрантской инфраструктуры в интеграции мигрантов в принимающее общество; систематизации проблем межкультурного взаимодействия принимающей стороны и мигрантов в условиях

городов Челябинской области. Кроме того, применялся метод наблюдения для определения мигрантских локаций, степени интеграции мигрантов, плотности и специфики контактов; оценки реальных масштабов мигрантских кластеров и понимания в действительности, что в них происходит.

Проведен контент-анализ СМИ и ведущих новостных и информационных порталов в сети Интернет (газеты «Челябинский рабочий», «Вечерний Челябинск», ведущие электронные медиа: «Chelyabinsk.ru», «Mediazavod.ru», «URA.RU», «Lenta.ru», «Sova-center.ru», «Dostup1.ru», газета «Аргументы и факты. Челябинск», газета «Вечерний Челябинск», газета «Южноуральская панорама», «Российская газета», Российский новостной агрегатор «news.rambler.ru», Информационный портал новостей Челябинской области «74.ru», Новостной портал г. Челябинска и Челябинской области «www.1obl.ru», Информационный портал г. Челябинска и Челябинской области «kursdela.biz» и др.) за период с 1991 по 2023 г. (N = 600). Ключевым критерием отбора СМИ, в том числе интернет-СМИ, стал критерий частоты цитируемости публикуемых материалов. Содержательная часть статей в СМИ была интерпретирована системой индикаторов, позволяющих отследить закономерности, а также выявить наиболее актуальные и часто встречающиеся проблемы, поднимаемые авторами публикаций, понять, на чем именно делался акцент, проследить, как менялась тематика статей, как позиционировался образ мигранта, а также места концентрации мигрантов, сферы экономики в инфраструктуре Челябинской области.

Концептуально анализ проблемы необходимо начать с результатов контент-анализа СМИ и информационных интернет-источников, поскольку именно они относятся к числу ведущих факторов, влияющих на формирование общественного мнения, в том числе в части межнациональных отношений. Проведенный в 2023 г. контент-анализ СМИ, показал, что российские и региональные СМИ транслируют преимущественно негативные образы миграции и мигрантов (46,0%). Темы нетерпимости, такие как ксенофобия, иммигрантская фобия и этноцентризм, все чаще изучаются и поднимаются региональными средствами массовой информации в Интернете.

Одним из критериев контент-анализа было упоминание национальности в СМИ. В 20,8% интернет-изданиях чаще упоминаются мигранты из так называемого ближнего зарубежья.

Далее по частоте упоминаний идут мигранты из Таджикистана (19,25%), Казахстана (11,67%), Узбекистана (9,58%), Китая и Кыргызстана (по 2,28%). Примечательно, что наиболее часто в сравнении с другими интернет-изданиями проблемы мигрантов из Узбекистана и Таджикистана освещаются в федеральной газете «Аргументы и Факты», Chelyabinsk.ru, URA.RU, газете «Южноуральская панорама». Реже всего в СМИ упоминаются мигранты из Туркменистана (только 1,14%). В то же время довольно много публикаций (33,0%), в которых национальность мигрантов не указывается.

Мигранты из Таджикистана и Узбекистана наиболее часто фигурируют в статьях в контексте конфликтов, криминальных ситуаций и правонарушений. Граждане из Казахстана в местных СМИ, напротив, наделяются позитивными чертами, участвуют в культурной жизни региона, посещают и организуют традиционные этнические праздники, проводимые при поддержке местной власти и различных межнациональных организаций, фондов, клубов. Среди тем, которые поднимаются при освещении миграционной тематики СМИ в регионе: проблемы с регистрацией; проблемы с трудоустройством; нарушение федерального или регионального законодательства; разногласия на религиозной почве, изнасилования, кражи, продажа и распространение наркотиков. Для региона является значимой проблема контроля над мигрантами, ограничение их нелегального въезда на территорию региона, дактилоскопия и жесткий регистрационный учет. Значительное число статей посвящено аферам с жильем (16,3% от общего числа), инициаторами которых выступали как сами мигранты, так и местные жители. Большое внимание этой проблеме уделено в газете «Аргументы и Факты» Челябинской области, Chelyabinsk.ru, URA.RU, газете «Южноуральская панорама». Жертвами чаще оказываются мигранты, которые пытаются любым способом получить прописку или вид на жительство. Речь в публикациях СМИ, как правило, идет о так называемых резиновых квартирах, которые появляются в результате фиктивной регистрации мигрантов по адресам, по которым они не проживают. Были описаны случаи регистрации 126 мигрантов в одном доме [27].

Нарушению мигрантами из стран Азии трудового законодательства РФ, незаконному найму иностранных граждан в качестве водителей маршрутных такси, в сферах строительства, торговли посвящено более четверти публикаций. Нарушения регистрации и контроль над

пребыванием нелегальных мигрантов на территории страны, региона освещаются в 17,6% интернет-изданий СМИ. В статьях описывается, что мигранты, в основном из стран Азии, далеко не всегда имеют при себе документы, а также прописку. Согласно публикациям на эти темы, большинство нелегалов выявляются в ходе специализированных рейдов, проводимых сотрудниками ГУ МВД по Челябинской области при силовой поддержке ОМОН Управления Росгвардии. Мигранты проверяются по информационно-справочным учетам на причастность к совершению преступлений, дактилоскопируются, ставятся на фотоучет, к нарушителям применяются санкции вплоть до выдворения из страны, а также назначаются штрафы. В ходе рейдов выявляются не только мигранты, нарушающие режим пребывания в стране или осуществляющие незаконную трудовую деятельность, но также и иностранцы, задействованные в преступных группировках, занимающиеся криминальной деятельностью. Безусловно, необходимость проведения подобных рейдов, а также пресечения нарушений, выявляемых в их результате, оправданна, но в то же время подобная информация может выступать негативным фактором в формировании социального портрета мигранта, особенно с учетом того, что в СМИ (в том числе и сетевых) акцент делается только на криминальной повестке, а это дает почву для укрепления ряда отрицательных стереотипов в отношении мигрантов, в том числе этнических мигрантов. Кроме того, в статьях описаны случаи, когда местные жители получали тюремные сроки за фиктивную постановку на учет иностранных граждан. Зачастую эти нарушения выявляются в ходе все тех же рейдов. Мигранты к тому же представлены как правонарушители, с которыми вынуждены бороться региональные власти. Такой социальный портрет представляется резко отрицательным, он наделен негативными маркерами и тем самым вызывает предвзятое отношение к мигрантам.

На совещании по вопросам миграции в конце 2022 г. главой СКР Александром Бастрыкиным обозначен рост правонарушений в 2022 г. на территории РФ до 10% (в 2021 г. данный показатель составлял 6%). Челябинская область оказалась в числе регионов, где самые высокие показатели преступности среди мигрантов. К числу проблемных регионов были отнесены также Москва, Санкт-Петербург, Курганская, Калужская и Ленинградская области. Как заявил А. Бастрыкин, на данных территориях «на треть выросло число тяжких и особо

тяжких преступлений, совершенных мигрантами» [28]. Тем самым «преступность» можно рассматривать как один маркер образа мигрантов.

Мы согласны с мнением ряда исследователей, которые, проведя анализ СМИ, пришли к выводу, что общим для всех этих образов являются гендерная, возрастная, этническая и классовая стереотипизация, ограниченный набор жизненных контекстов, обезличенность и пассивность мигрантов [29,30]. Отсюда складываются неверные представления о значимости миграции для российского общества, формируются отрицательные представления о влиянии миграции на криминогенную ситуацию, происходит этническое десантирование в обществе. Очевидно, что пандемия COVID-19 значительно усугубила эту ситуацию. В ряде исследований показывалась трансформация образа трудовых мигрантов в связи с пандемией COVID-19. Стигматизация мигрантов, являющихся ранее стереотипизированной группой, в электронных СМИ усиливается, поскольку происходит перенос опасностей, исходящих от ситуации, на менее понятный чужеродный объект, потенциально опасный в силу этой чужеродности [31, 32].

В аспекте сфер деятельности в СМИ прослеживается четкая картина быта и занятости граждан из стран Средней Азии, проживающих на территории области. Так, мигранты из Китая в челябинских СМИ чаще описываются в привязке к «китайским теплицам» и «китайскому бизнесу». Причем уже давно сами китайцы, как отмечается в новостных лентах (еще в 2015 г. отменили квоты на иностранцев), не занимаются выращиванием овощей на территории Челябинской области, однако само название «китайские теплицы», как и «китайские рынки», по-прежнему присутствует в повестке СМИ региона, что, безусловно, накладывает негативный отпечаток на образ мигрантов из КНР, их причастность к происходящему и в текущее время. В новостях 2021 г. отмечалось, что китайцы, давно покинувшие земли Челябинской области, оставили за собой гектары «испорченной земли», «бесхозные китайские теплицы», «скелеты» парников и следы химикатов», а им на смену пришли таджики и узбеки, которые «оккупировали всё» и выращивают «химические овощи» для всех рынков и базаров Челябинска. Однако из заголовка новости и основной части сюжета складывается впечатление, что речь идет исключительно о негативной деятельности мигрантов из КНР.

Такой маркер мигрантов из КНР, как «китайский бизнес», из сводок региональных СМИ уже связан не со сферой торговли вещами и выращиванием сельхозкультур, а с незаконным ввозом мигрантов из КНР на территорию РФ для нелегального трудоустройства в различные сферы услуг, среди которых чаще всего отмечается сфера общественного питания [33].

Выходцы из Таджикистана и Узбекистана в СМИ ассоциируются с водителями маршруток и строителями. Как водители общественного транспорта в СМИ они характеризуются всегда с негативной стороны – «работают нелегально», «не владеют русским языком», «не уважают местную культуру», «не знают и нарушают правила дорожного движения», «часто нарушают скоростной режим», «постоянно отвлекаются, разговаривая по телефону во время движения» и т.д. Новостная повестка чаще всего связана с возбуждением административных и уголовных дел, штрафами и «выдворением» мигрантов на родину в связи с нарушением ПДД [34, 35].

Сфера строительства в дихотомии «свои» – «чужие» в СМИ маркируется с различных ракурсов: как сфера деятельности и место концентрации, в том числе места проживания мигрантов из стран Средней Азии. В средствах массовой информации объекты строительства, коттеджные поселки и дачные товарищества нередко подвергаются проверкам со стороны сотрудников управления по вопросам миграции ГУ МВД России по Челябинской области во взаимодействии с региональными управлениями ФНС России при силовой поддержке ОМОН Управления Росгвардии области, так как именно там мигранты работают и нередко нелегально проживают [36, 37]. Кроме того, в сюжетах по тематике «мигранты в сфере строительства» описываются различные ситуации, большая часть из которых связана с рейдами полицейских Челябинска по выявлению работодателей, привлекающих на свои строительные объекты иностранных граждан без оформления разрешения на работу и без временной регистрации. Большая часть подобных сюжетов выходила в 2019–2020 гг., в период пандемии COVID-19.

Сфера торговли – рынки, базары, торговые павильоны, продуктовые магазины («Пятерочка», «Магнит», закулочные с азиатской национальной кухней и т.д.) – также можно отнести к числу мигрантских, поскольку именно там в большинстве своем трудятся мигранты из стран Средней Азии. В СМИ сфера торговли

описывается чаще всего без привязки к какой-либо конкретной национальности, используются обезличенные выражения «мигранты стран ближнего зарубежья». Сюжеты данной тематики в основном представлены в форме отчетной сводки управления по вопросам миграции ГУ МВД России по Челябинской области во взаимодействии с региональными управлениями ФНС России и Роспотребнадзором при силовой поддержке ОМОН Управления Росгвардии области, где приводятся данные проверок мест торговли, наличие лицензий у мигрантов на торговлю, а также причастности мигрантов к ранее совершенным административным правонарушениям и преступлениям, подводятся итоги рейдов и вынесенные санкции в отношении мигрантов по тем или иным нарушениям. Практически ежегодно в СМИ освещаются ситуации, когда мигранты из так называемых стран ближнего зарубежья задерживались и наказывались за незаконную продажу елок. Встречались сюжеты, посвященные привлечению мигрантов к нелегальной работе в цехах по производству продуктов питания (в Советском районе г. Челябинска) [38].

Что касается условий проживания мигрантов из стран Средней Азии, то в СМИ представлены сюжеты, в которых описываются все те же сводки правоохранительных органов, которые готовят пресс-службы правоохранительных структур по итогам проверок в общежитиях, хостелах, гостиницах и квартирах, которые сдаются посуточно, где зафиксировано большое количество иностранных граждан по соблюдению ими режима пребывания и законности нахождения на территории Российской Федерации [39–41]. Причем в СМИ подобная информация в заголовках подается как «облавы на мигрантов», что, безусловно, настораживает читателей статей и заранее настраивает их на негатив. Тем самым у местного жителя складывается представление, что мигранты, проживающие на территории региона, – это всегда «граждане-нелегалы», которые захватывают целые дома и кварталы, заселяются там «толпами» и большими семьями. Так, в июле 2022 г. на URA.RU появилась новость о продаже целого «доходного дома» в центре города Челябинска на 96 «коек» (спальных мест), который полностью был заселен гражданами из Узбекистана и Таджикистана, исходя из названия статьи, дом продавался вместе с жильцами-мигрантами [42]. По факту речь шла о продаже гостиницы (или, как нередко в настоящее время называют,

хостела), где на момент репортажа были сданы комнаты гражданам-мигрантам для временного в них проживания.

Таким образом, полученные данные в ходе контент-анализа СМИ и интернет-СМИ на основе количественных и качественных методик позволили комплексно охарактеризовать специфику взаимодействия мигрантов с урбанизированным пространством и сообществами городов, связанных с формированием территориально распределенных мигрантских кластеров, а не этнически однородных анклавов. Мигранты из стран Средней Азии средствами массовой информации чаще всего наделяются негативными характеристиками, основанными на принципах национальной, этнической и классовой стереотипизации, ограниченного набора жизненных контекстов, обезличенности и пассивности мигрантов. Делая акцент чаще всего на криминальных сводках, СМИ формируют в общественном сознании образ «чужого», который не желает принимать национальные и культурные нормы, ценности местного населения, занимает трудовые места, монополизировать отдельные сферы региональной экономики, «захватывает» целые дома и кварталы городов, создавая этнические анклавы. Тем самым аспекты социальной интеграции мигрантов позиционируются в региональных СМИ проблемными, не нацеленными на принципы интеграционной политики региона.

По нашему мнению, в целях гармонизации межнациональных отношений и укрепления толерантности требуется реализация комплекса мер по формированию повестки средств массовой информации, в том числе интернет-ресурсов, направленной на освещение в целом интеграционной политики региона, включающей меры и практики культурной, структурной, социальной и идентификационной интеграции на локальном и местном уровнях. Подобная информация будет отображать конкретные практики по установлению связей разного характера между мигрантским и местным населением. Предполагается, что создание взвешенной и консистентной интеграционной политики мигрантов в России и отдельных регионах позитивно скажется на межнациональных отношениях, основанных на создании, переформатировании и поддержании единого информационного поля, в которое включались бы как мигранты, так и немигранты.

Далее исследуем степень восприятия мигрантов местным населением, характеристики,

какими они их наделяют, определение элементов городской инфраструктуры как «мигрантских» или «этнических» для уточнения структуры городского пространства, исходя из дихотомии «свои» – «чужие» в условиях городов Челябинской области. Следует отметить, что исследование, проведенное в мае–сентябре 2023 г. в шести городах Челябинской области, подтвердило актуальность данной проблематики в связи с тем, что вопросы миграционной и национальной политики крайне остро стоят на повестке дня и волнуют местное население.

Глубинное интервью показало, что городское население области, прежде всего, беспокоят проблемы, связанные с ростом притока мигрантов в регион. Об этом свидетельствуют следующие высказывания местного населения: «мигрантов не просто много – их очень много стало»; «полно в городе»; «страшно во двор зайти, везде люди не славянской внешности, в платках и своей национальной одежде»; «какую маршрутку не возьми, там везде водители таджики и узбеки»; «наши уезжают или на СВО, взамен таджики приезжают»; «живут в каждом доме, полно их»; «много, на каждом шагу нерусские, по внешности и говору»; «в каждом районе города они есть» и т.д. Примечательно, что большая часть местного населения городов области практически одинаково характеризует образ «чужого» – это люди, которые отличаются по неславянскому типу лица, одежде, цвету кожи и волос, «разрезу глаз», «громкой речи», «исламской одежде», «у мужчин это характерный тип лица», «бородатые они все», а у женщин – «тоже лицо + закрытая одежда и волосы прикрыты платком» и т.д.

Кроме того, еще одним критерием образа «чужого» является «многочисленность»: «Скоро в городе вообще местных не останется... С каждым годом этих [мигрантов] всё больше и больше»; «Да весь город ими кишмя-кишит»; «Вообще повсюду, куда не пойдёшь, не поедёшь»; «непросто много, а немеренно» и т.д. В связи с этим показательно высказывание Веры из Троицка (45 лет, служащий), которая в ходе интервью отметила: «Проблема в том, что таких граждан из стран Азии становится больше в нашем городе. У них многодетные семьи, русское население уменьшается, что же останется после нас лет через 30–50?» В ходе исследования нами было отмечено, что характеристики «многочисленности» мигрантов во многом зависят от размера населенного пункта

по площади, географического расположения и количества населения, проживающего в нем.

Немаловажными факторами являются развитие в населенных пунктах социальной и экономической сфер, промышленности, уровень и качество жизни населения, т.е. «привлекательность» города для мигрантов, наличие возможностей для их трудоустройства и условий для жизни. В ходе исследования выявлено, что чем больше город с развитой инфраструктурой, промышленностью и экономикой, тем более напряженные межнациональные отношения между местным населением и мигрантами. Представители местного населения крупных городов (Челябинск, Магнитогорск) заметно чаще в ходе интервью высказывали негативные эмоции в отношении мигрантов, чем это делали информанты из средних и малых городов (Миасс, Копейск, Троицк, Златоуст) (1126 упоминаний против 443). В ходе исследования выявлено, что наиболее «спокойные» межнациональные отношения сложились в Копейске и Троицке. В данных городах восприятие местным населением «чужих» наиболее часто характеризовалось как нейтральное или положительное. Так, Светлана из Троицка (45 лет, рабочий) отметила: «По соседству живут узбеки, очень добродушные, вежливые люди. Многим бы русским поучиться бы у них, конфликтов не было никогда». В Копейске нередко информанты положительно отзывались о соседстве с гражданами из стран Средней Азии. Так, одна из пенсионерок считает, что среди местных и мигрантов нормальные «соседские» отношения, «редко шумят, только из-за шума могли быть вздоры. Но все друг друга понимают».

Проведенный анализ количественных и качественных данных позволил сгруппировать и выделить наиболее часто упоминаемые характеристики, которые указывали информанты в ходе интервью в отношении мигрантов из стран Средней Азии (таблица).

По мнению городских жителей области, состояние межнациональных отношений характеризуется в целом снижением доходов населения и ростом социальной напряженности в обществе, в том числе и в отношениях между людьми различных национальностей. Как показали результаты интервью, ключевыми причинами напряженности, по мнению населения, являются: «падение доходов местного населения», «низкий уровень жизни» и др. Граждане отмечали, что существенной преградой в сфере

Нарратив жителей Челябинской области о мигрантах из стран Средней Азии в городском пространстве, ед. упоминаний

Характеристики мигрантов	Количество упоминаний					
	Челябинск	Магнитогорск	Троицк	Златоуст	Миасс	Копейск
«Не знают русского языка»	100	100	68	68	58	48
«Не желают соблюдать традиции, уважать местную культуру»	100	100	68	68	58	48
«Беспорядки в городе»	98	86	12	11	6	6
«Занимают рабочие места»	98	93	54	38	12	12
«Имеют поддержку со стороны государства в отличие от местных»	68	72	6	5	5	5
«Занимают места в садиках, школах, вузах»	72	72	5	5	4	4
«Снижение дохода местного населения»	65	58	0	0	0	0
«Социальная напряженность»	58	48	23	12	12	12
«Коррупция»	23	18	0	0	0	0

межэтнических отношений выступает языковой барьер, отличия культурных норм и ценностей мигрантов. Информанты считают, что приезжие мигранты «не желают изучать русский язык и особенности местной культуры», «проблема в том, что они нужны для работы, а русского языка не знают», «на улице стало много женщин в палатках. Это их религия, традиции. Мы не против, но пугает» и др. Информанты убеждены, что нахождение мигрантов на территории региона сопряжено с принудительным навязыванием мигрантами своей культуры.

Таким образом, полученные качественные и количественные данные позволяют дать общее представление о ключевых маркерах образа «чужого», восприятию мигранта в сознании общественности, о характеристиках распределения мигрантских локаций в городах Челябинской области. Очевидна определенная градация по этническому профилю, функционалу, степени конфликтности этих объектов, закрытости или открытости для внешнего наблюдателя, криминогенности и законности социальных практик. В то же время выявлены маркеры – проблемы, дополняющие данный образ и характеризующие особенности межнациональных отношений в регионе. Следует отметить, что процесс интеграции мигрантов из стран Средней Азии затруднен в большей мере в связи с экономическими, социальными и культурными аспектами. По мнению местного населения, миграционная обстановка в области в целом определяется проблемами низкого уров-

ня социально-экономического положения населения, формированием поселений (кварталов), состоящих из мигрантов, резко отличающихся по языку и культуре. В восприятии южноуральцев преобладают негативные стереотипы, которые во многом сформированы Интернетом и СМИ. На следующих этапах исследования планируется более детально рассмотреть разницу в восприятии самих мигрантов инфраструктуры города и сравнить с той картиной, которая была получена в ходе полевых исследований среди местного населения и контент-анализа СМИ.

Список литературы

1. Lee E. A Theory of migration // *Demography*. 1966. Vol. 3, iss. 1. P. 47–57. <https://doi.org/10.2307/2060063>
2. Alba R., Nee V. Rethinking assimilation theory for a new era of immigration // *International Migration Review*. 1997. Vol. 31, iss. 4. P. 826–874. <https://doi.org/10.1177/019791839703100403>
3. Alba R., Nee V. *Remaking the American Mainstream: Assimilation and Contemporary Immigration*. Harvard : Harvard University Press, 2003. 384 p. <https://doi.org/10.4159/9780674020115>
4. Moravska E. In defense of the assimilation model // *Journal of American Ethnic History*. 1994. Vol. 13. P. 76–87.
5. Portes A. Immigration theory for a new century: Some problems and opportunities // *International Migration Review*. 1997. Vol. 31, iss. 4. P. 799–825. <https://doi.org/10.1177/019791839703100402>
6. Rumbaut R. G. Assimilation and Its Discontents: Ironies and Paradoxes // *The Handbook of International Migration*

- tion: The American Experience / ed. by C. Hirschman, P. Kasinitz, J. De Wind. New York : Russell Sage, 1999. P. 172–195.
7. *Portes A., Zhou M.* The New Second Generation: Segmented Assimilation and its Variants // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 1993. Vol. 530, iss. 1. P. 74–96. <https://doi.org/10.1177/0002716293530001006>
 8. *Schiller N. C., Basch L., Szanton B. C.* From Immigrant to Transmigrant: Theorizing Transnational Migration // *Anthropological Quarterly*. 1995. Vol. 68, № 1. P. 48–63. <https://doi.org/10.2307/3317464>
 9. *Foner N.* Beyond the Melting Pot Three Decades Later: Recent Immigrants and New York's New Ethnic Mixture // *International Migration Review*. 2000. Vol. 34, iss. 1. P. 255–262. <https://doi.org/10.2307/2676022>
 10. *Foner N., Alba R.* Immigrant Religion in the US and Western Europe: Bridge or Barrier to Inclusion? // *International Migration Review*. 2008. Vol. 42, iss. 2. P. 360–392. <https://doi.org/10.1111/j.1747-7379.2008.00128.x>
 11. *Vertovec S., Wessendorf S.* Introduction: Assessing the backlash against multiculturalism in Europe // *The Multiculturalism Backlash: European Discourses, Policies and Practices* / ed. by S. Vertovec, S. Wessendorf. London : Routledge, 2010. P. 1–32.
 12. *Massey D. S.* Social structure, household strategies, and the cumulative causation of migration // *Popul Index*. 1990 Spring. Vol. 56, iss. 1. P. 3–26.
 13. *Зайончковская Ж. А., Переведенцев В. И.* Современная миграция населения Красноярского края. Новосибирск : [б.и.], 1964. 105 с.
 14. *Заславская, Т. И., Рыбаковский Л. Л.* Процессы миграции и их регулирование в социалистическом обществе // *Социологические исследования*. 1978. № 1. С. 56–65. EDN: VYRWBN
 15. *Рыбаковский Л. Л.* Исследования миграции населения в России. М. : ИСПИ РАН, 2000. 39 с.
 16. *Вишневецкий А. Г.* Мифология и жизнь. Миграция в России: ее восприятие и социально-политические последствия // *Россия в глобальной политике*. 2013. № 3.1. Спецвыпуск. С. 199–208. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/mifologiya-i-zhizn/> (дата обращения: 28.09.2023).
 17. *Мукомель В. И.* Политика интеграции. М. : МАКС Пресс, 2011. 37 с.
 18. *Dahinden J.* A plea for the “de-migrantization” of research on migration and integration // *Ethnic and Racial Studies*. 2016. Vol. 39, iss. 13. P. 2207–2225. <https://doi.org/10.1080/01419870.2015.1124129>
 19. *Рязанцев С. В.* Современная миграционная политика России: проблемы и подходы к совершенствованию // *Социологические исследования*. 2019. № 9. С. 117–126. <https://doi.org/10.31857/S013216250006666-5>
 20. *Дмитриев А. В., Воронов В. В.* Адаптация и интеграция полиэтнического пространства регионов России: проблемы, рекомендации. Изд. 2-е, испр. и доп. М. : Новый хронограф, 2018. 331 с.
 21. *Топилин А. В.* Миграция населения и формирование трудовых ресурсов в СССР и на постсоветском пространстве: тенденции и регулирование. М. : Экон-Информ, 2020. 479 с.
 22. *Варшавер Е. А., Рочева А. Л.* Интеграция мигрантов: что это и какую роль в ее осуществлении может играть государство // *Журнал исследований социальной политики*. 2016. Т. 14, № 3. С. 315–330.
 23. *Мукомель В. И.* Диаспора – партнер по развитию Таджикистана. Международная организация по миграции. Душанбе, 2014. 147 с. // Институт социологии ФНИСЦ РАН : [сайт]. URL: <https://www.isras.ru/publ.html?id=3684&type=publ&ysclid=ln34jaco4f768009065> (дата обращения: 28.09.2023).
 24. *Нуралиев Н. Н.* Проблемы адаптации таджиков в России // *Мониторинг общественного мнения*. 2006. № 3 (79). С. 108–116. EDN: PCQFIN
 25. *Demintseva E. B.* Labour migrants in post-Soviet Moscow: Patterns of settlement // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2017. Vol. 43, iss. 15. P. 2556–2572. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2017.1294053>
 26. *Варшавер Е. А., Рочева А. Л., Иванова Н. С., Ермакова М. А.* Места резидентной концентрации мигрантов в российских городах: есть ли паттерн? // *Социологическое обозрение*. 2020. Т. 19, № 2. С. 225–253. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2020-2-225-253>
 27. *Челябинец прописал в своей квартире 126 мигрантов* // *Аргументы и Факты Челябинск* : [сайт]. URL: https://chel.aif.ru/society/chelyabinec_propisal_v_svoey_kvartire_126_migrantov (дата обращения: 28.09.2023).
 28. В Челябинской области зафиксирована высокая преступность среди мигрантов // *Информационное агентство URA.RU* : [сайт]. URL: <https://ura.news/news/1052612304> (дата обращения: 28.09.2023).
 29. *Нам И. В., Карагеоргий Е. М., Ермолова А. И., Никитина Е. В.* Конструирование образа трудого мигранта в региональных СМИ (на примере Томска) // *Сибирские исторические исследования*. 2017. № 1. С. 166–192. <https://doi.org/10.17223/2312461X/15/11>
 30. *Ивлева И. В., Тавровский А. В.* Образы трудовых мигрантов в российских массмедиа // *Этнографическое обозрение*. 2019. № 1. С. 149–165. <https://doi.org/10.31857/S086954150004186-4>
 31. *Васильев В. Е., Власова К. В.* Образ мигрантов в российских интернет-СМИ в период пандемии COVID-19 // *Вестник общественных и гуманитарных наук*. 2020. Т. 1, № 3. С. 44–51.
 32. *Леденёва В. Ю., Беззвербная Н. А.* Формирование образа мигранта в СМИ и социальных сетях на фоне эпидемии COVID-19 (по результатам контент-анализа Интернет-изданий) // *Научное обозрение. Серия 1. Экономика и право*. 2020. № 3. С. 95–105. <https://doi.org/10.26653/2076-4650-2020-3-08>, EDN: DPTPAV

33. В Челябинске задержали китайского бизнесмена, незаконно завозившего соотечественников в РФ // Информационное агентство URA.RU : [сайт]. URL: <https://ura.news/news/1052628456> (дата обращения: 28.09.2023).
34. Пятерых мигрантов выдворяют из Челябинской области после проверок маршруток // Аргументы и Факты Челябинск : [сайт]. URL: https://chel.aif.ru/society/pyateryh_migrantov_vydvoryat_iz_chelyabinskoj_oblasti_posle_proverok_marshrutok (дата обращения: 28.09.2023).
35. Бастрыкин потребовал возбудить ещё одно уголовное дело после гибели челябинки под колёсами маршрутки // Информационное агентство 74.ru : [сайт]. URL: <https://74.ru/text/criminal/2023/01/23/71996873/> (дата обращения: 28.09.2023). <https://doi.org/10.37544/1436-5103-2023-09-28>
36. Сотрудники управления по вопросам миграции провели проверки соблюдения миграционного законодательства работниками строительного объекта в Калининском районе г. Челябинска // Главное управление МВД России по Челябинской области : [сайт]. URL: <https://74.мвд.рф/news/item/22809118/> (дата обращения: 28.09.2023).
37. Нелегальных мигрантов задержали на стройплощадке новой школы в Челябинске // Аргументы и Факты Челябинск : [сайт]. URL: https://chel.aif.ru/society/nelegalnyh_migrantov_zaderzhali_na_stroyploshchadke_novoy_shkoly_v_chelyabinske (дата обращения: 28.09.2023).
38. Сотрудниками управления по вопросам миграции проведена проверка соблюдения миграционного законодательства работниками цеха по производству продуктов питания // Главное управление МВД России по Челябинской области : [сайт]. URL: <https://74.мвд.рф/news/item/23316105/> (дата обращения: 28.09.2023).
39. В Челябинске мигрантов оштрафовали на 16 тысяч рублей // Аргументы и Факты Челябинск : [сайт]. URL: https://chel.aif.ru/society/v_chelyabinske_oblasti_migrantov_oshtrafovali_na_16_tysyach_rublej (дата обращения: 28.09.2023).
40. Челябинская полиция устроила облаву на мигрантов // Информационное агентство URA.RU : [сайт]. URL: <https://ura.news/news/1052531810> (дата обращения: 28.09.2023).
41. Силовики провели облавы в челябинских хостелах // Информационное агентство URA.RU : [сайт]. URL: <https://ura.news/news/1052503049> (дата обращения: 28.09.2023).
42. В центре Челябинска продаётся дом с мигрантами // Информационное агентство URA.RU : [сайт]. URL: <https://ura.news/news/1052571996> (дата обращения: 28.09.2023).

Поступила в редакцию 07.11.2023; одобрена после рецензирования 24.11.2023; принята к публикации 29.11.2023

The article was submitted 07.11.2023; approved after reviewing 24.11.2023; accepted for publication 29.11.2023

Научная статья

УДК 316.4

Роль спорта в системе социализации и здоровьесберегающего поведения молодежи: региональный аспект

Г. Ф. Черкасов, Р. Р. Хизбуллина ✉

Казанский государственный энергетический университет, Россия, 420066, г. Казань, ул. Красносельская, д. 51

Черкасов Григорий Фредович, аспирант кафедры социологии, политологии и права, flamingheart@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-9519-7281>

Хизбуллина Радмила Радиковна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, политологии и права, mine_post@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0026-217X>

Аннотация. В статье актуализируется необходимость исследования роли и значения спорта в системе социализации и здоровьесберегающего поведения молодежи региона (на примере Республики Татарстан). Актуализируется понимание системы социализации через призму совокупности многообразия детерминационных механизмов и условий, которыми могут выступать в том числе условия формирования ценностных установок на здоровый образ жизни и занятие спортом, что и сформулировало исследовательскую задачу, представленную в данной статье. Приведены результаты авторского социологического исследования, полученные методом анкетирования, в Республике Татарстан в 2023 г. (N = 820 человек в возрасте от 18 до 35 лет, выборка целевая; критерии отбора – пол, возраст, регион проживания). В ходе анализа данных опроса сформулировано предположение, что на региональном уровне роль спорта и спортивной инфраструктуры в системе социализации молодежи и реализации здоровьесберегающего поведения может быть оценена посредством эмпирических показателей – внутренних и внешних детерминант. Определено, что молодежь сегодня в целом высоко оценивает роль спорта и здорового образа жизни, а также ориентацию инфраструктуры своего региона на спорт как приоритетный вид досуга и отдыха среди молодежи, обозначая спортивную инфраструктуру как одно из значимых условий в формировании ценностных установок на здоровьесберегающее поведение и мотиватор к занятию спортом, развитию спортивного движения среди молодого поколения. Анализ полученных данных и вычленение роли спорта как одного из детерминационных императивов в системе социализации молодежи объективизирует его роль в фокус необходимости понимания непосредственного влияния внутренних установок на занятие спортом и факторов внешней среды, таких как спортивная инфраструктура, условия, механизмы, направления и программы поддержки спорта среди молодежи региона в современных условиях.

Ключевые слова: спорт, социализация, молодежь, здоровьесберегающее поведение, спортивная инфраструктура, здоровый образ жизни

Для цитирования: Черкасов Г. Ф., Хизбуллина Р. Р. Роль спорта в системе социализации и здоровьесберегающего поведения молодежи: региональный аспект // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 57–61. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-1-57-61>, EDN: WIECJR

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The role of sports in the system of socialization and healthy behavior of young people: Regional aspect

G. F. Cherkasov, R. R. Khizbullina ✉

Kazan State Energy University, 51 Krasnoselskaya St., Kazan 420066, Russia

Grigory F. Cherkasov, flamingheart@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-9519-7281>

Radmila R. Khizbullina, mine_post@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0026-217X>

Abstract. The article updates the need to study the role and importance of sports in the system of socialization and health-saving behavior of youth in the region (using the example of the Republic of Tatarstan). The understanding of the socialization system is being updated through the prism of the totality of the diversity of determination mechanisms and conditions that can act, including the conditions for the formation of value systems for a healthy lifestyle and playing sports, which formulated the research problem presented in this article. The results of the author's sociological research obtained by the questionnaire in the Republic of Tatarstan in 2023 are presented (N = 820 people aged 18 to 35 years, a target sample; the selection criteria – a gender, an age, a region of residence). During the analysis of the survey data, the assumption was formulated that at the regional level, the role of sports and sports infrastructure in the system of socialization of youth and

the implementation of health-saving behavior can be assessed through empirical indicators – internal and external determinants. Today it that young people in general highly appreciate the role of sports and the prestige of a healthy lifestyle, as well as the orientation of the infrastructure of their region towards sports as a priority form of leisure and recreation among young people, designating sports infrastructure as one of the significant conditions in the formation of value systems for health-saving behavior and motivator for playing sports and developing the sports movement among the younger generation. The analysis of the data obtained and identification of the role of sports as one of the determinative imperatives in the system of socialization of youth objectifies its role in the focus of the need to understand the direct influence of internal attitudes on playing sports and environmental factors, such as sports infrastructure, conditions, mechanisms, directions and programs for supporting sports among youth of the region in modern conditions.

Keywords: sport, socialization, youth, healthy behavior, sports infrastructure, healthy lifestyle

For citation: Cherkasov G. F., Khizbullina R. R. The role of sports in the system of socialization and healthy behavior of young people: Regional aspect. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 57–61 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-1-57-61>, EDN: WIECJR

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Сегодня проблема социализации молодежи остается дискуссионным полем как для исследователей-социологов, так и для специалистов смежных наук. Внимание современных исследователей в области социализации молодежи сосредоточено на изучении различных структурных элементов, факторов, условий, оказывающих влияние на данную систему.

Известно, что социализация как система в различных научных источниках рассматривается через призму совокупности многообразия детерминационных механизмов и факторов, в числе которых могут быть также условия формирования ценностных установок на здоровый образ жизни и занятие спортом, что представляет определенный исследовательский интерес. В. Е. Пулов отмечает, что спорт является значимым условием и компонентой в системе социализации личности, поскольку приобщение к спорту морально и этически развивает человека, приобщает его к гуманистическим ценностям, всесторонне развивает личность [1].

Согласно критериям эффективности государственного управления отраслью физической культуры и спорта, выделенным в работе Г. А. Андросовой и Е. Я. Михайловой, система социализации, формируемая посредством физической культуры и спорта, является метасистемой, которая объединяет в себе социальные функции здоровьесберегающего и самосохранительного поведения, а также опосредуется влиянием спортивной инфраструктуры и наличием профессиональных кадров [2]. В продолжение дискуссии о роли спорта в формировании системы социализации и поведения молодежи и студентов здоровьесберегающее поведение, по мнению Х. В. Должиковой, во многом зависит от ценностных и личностно-значимых ориентиров, которые вырабатываются в процессе накопления личностью социального опыта и являются следствием воздействия множества

факторов [3, с. 125–128.]. Данный тезис укрепляет понимание необходимости современных исследований роли спорта в системе социализации и здоровьесберегающего поведения молодежи, которая с социологических позиций рассматривается не только как социальная группа и потенциал общества, но и как репродуктивный капитал, предусматривающий потребность в развитии физического и ментального здоровья [4].

Основываясь на классификации самосохранительного поведения, предложенной в работах отечественных исследователей В. Я. Шклярюка, Ю. И. Васекина и М. М. Девяткова, можно произвести попытку экстраполировать знания о влиянии спорта на социализацию как метасистему, базирующуюся на двух основных уровнях: 1) мезосоциальном, в рамках которого формируются процессы здоровьесберегающего и самосохранительного поведения, в последующем осуществляемые через реализацию потребностей молодежи как социальной группы, и 2) макросоциальном, представленном совокупностью организационных процессов формирования здоровьесберегающего и самосохранительного поведения молодежи и реализации условий для занятия спортом как приоритетного вида досуга и отдыха [5]. Также в современной научной литературе производится анализ и дается оценка особенностей потребительских стратегий молодого поколения, их ориентации на потребление услуг, в том числе предлагаемых в рамках инфраструктуры в территориальных агломерациях, а также изучается доминирующий среди других возможных выборов, осуществляемый с целью минимизации издержек и максимизации выгоды в соответствии с преследуемыми интересами и/или ценностями молодежи как социальной группы [6, 7].

Степень развитости социальной инфраструктуры, в том числе и спортивной, может являться показателем уровня и качества жиз-

ни населения страны, так как оптимизирует деятельность человека во всех сферах общественной жизни [8]. На региональном уровне роль спорта и спортивной инфраструктуры в системе социализации молодежи и реализации здоровьесберегающего поведения может быть проанализирована посредством оценок эмпирических показателей внутренних и внешних детерминант, на выявление которых был направлен проведенный авторский социологический опрос среди молодежи Республики Татарстан (N = 820 человек, выборка целевая – молодежь 18–35 лет). В результате исследования произведена попытка оценки:

1) влияния спорта на формирование установок здоровьесберегающего поведения молодежи;

2) престижа для молодежи здорового образа жизни, физкультуры и спорта как одной из социализационных детерминант в современных условиях;

3) ориентации инфраструктуры региона на спорт как приоритетный вид молодежного досуга и отдыха;

4) влияния реализуемых спортивными объектами программ и мероприятий, направленных на мотивацию к занятиям спортом среди молодежи в регионе.

Далее представлены некоторые результаты опроса: большинство (77%) респондентов из числа опрошенной молодежи оценивают роль спорта в формировании ценностных установок здоровьесберегающего поведения молодежи как значимую (рис. 1).

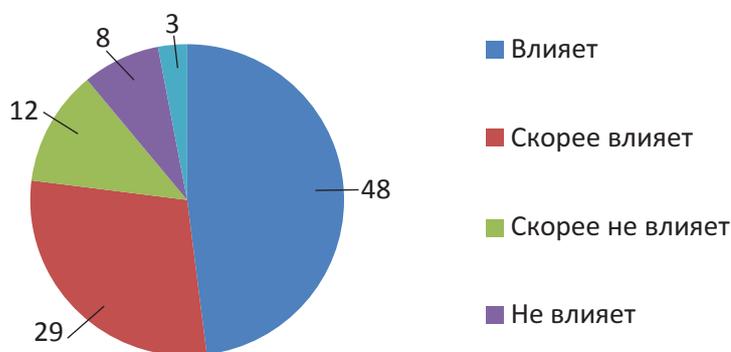

Рис. 1. Оценка влияния спорта на формирование установки здоровьесберегающего поведения молодежи, % к опрошенным (цвет онлайн)

Также опрошенные высоко (79%) оценили престиж следования здоровому образу жизни, занятий физкультурой и спортом. Не считают следование здоровому образу жизни, занятия физкультурой и спортом в современных условиях престижным 18% респон-

дентов в возрасте 28–33 лет с сопровождаемым в ответах комментарием о необходимости считать первоочередными другие ценности: финансовую независимость – 49%, карьерный статус – 47%, наличие семьи/детей – 39% (рис. 2).

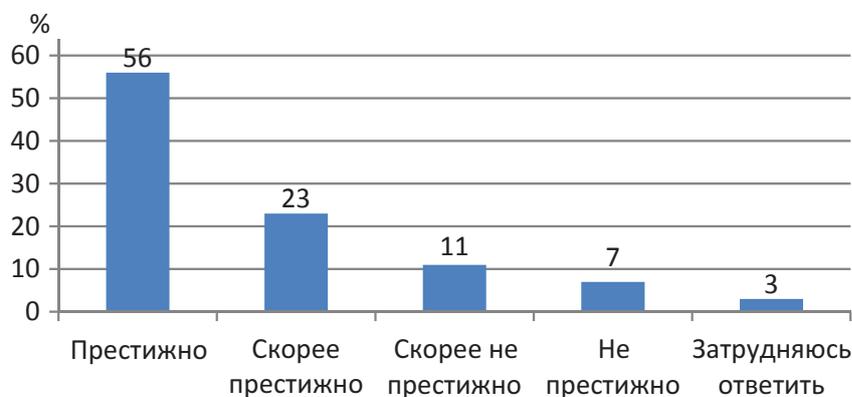

Рис. 2. Оценка престижа здорового образа жизни, физкультуры и спорта, % к опрошенным

В целом, по шкале от 1 до 5 баллов (где 1 балл – очень плохо, 5 баллов – отлично) молодежь положительно оценивает ориентацию инфраструктуры своего региона на спорт как приоритетный вид досуга и отдыха – 57% оценили наличие и состояние спортивных объек-

тов как хорошее (4 балла), 21% – как отличное (5 баллов); 18% опрошенных оценили приоритет ориентации спортивной инфраструктуры своего населенного пункта/города на молодежный досуг и отдых как удовлетворительный (3 балла) (рис. 3).

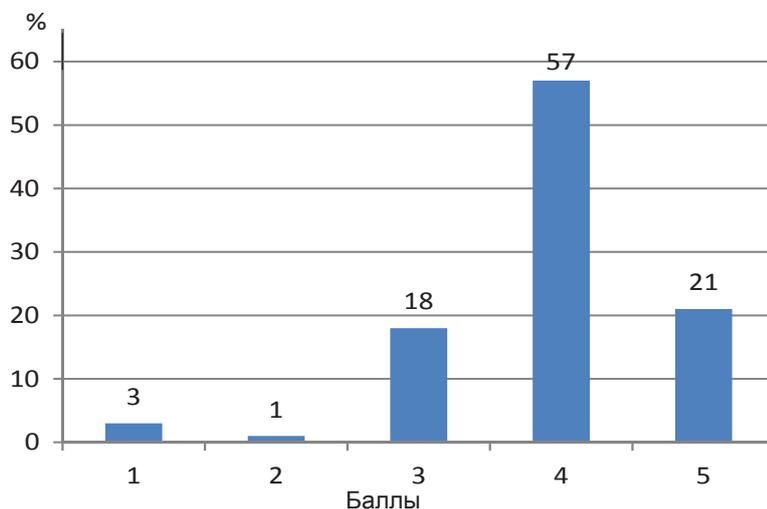

Рис. 3. Оценка респондентами ориентации инфраструктуры региона на спорт как приоритетный вид досуга и отдыха среди молодежи, % к опрошенным

На рис. 4 показаны оценки респондентов влияния спортивной инфраструктуры на за-

нятие спортом в разрезе места проживания, географической локации опроса.

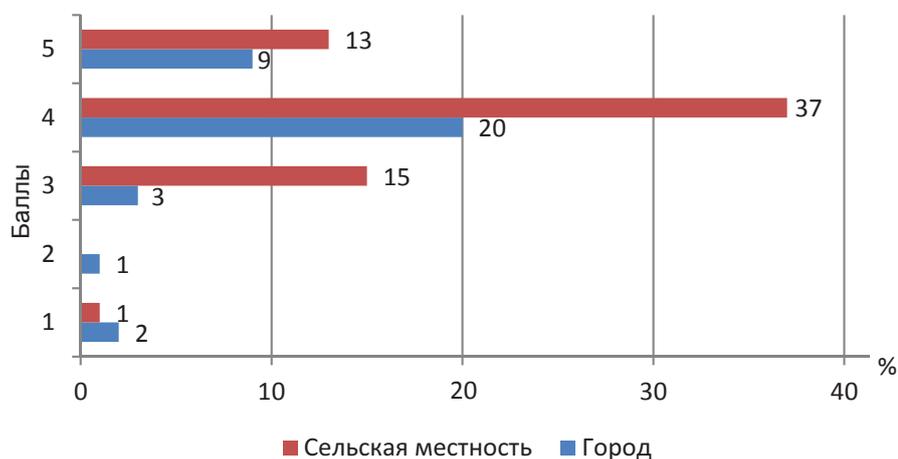

Рис. 4. Оценка влияния спортивной инфраструктуры на занятие спортом в разрезе места проживания, % к опрошенным (цвет онлайн)

Молодежь отмечает, что в целом наличие в доступной близости от места проживания, работы или учебы спортивных объектов оказывает влияние на их мотивацию к занятию спортом (87%), и наличие разнообразных программ и спортивных мероприятий, реа-

лизуемых на спортивных объектах, является значимым условием и мотиватором к занятию спортом и развитию спортивного движения среди молодежи (да – 69%, скорее да, чем нет – 18%, скорее нет, чем да – 8%, нет – 5%) (рис. 5).

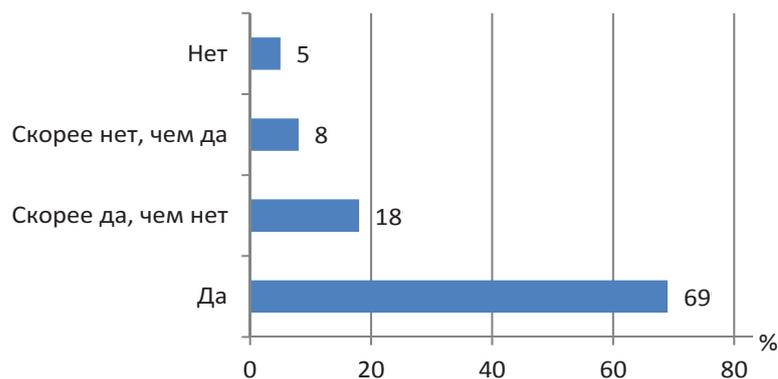

Рис. 5. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Считаете ли вы, что реализуемые спортивными объектами программы и мероприятия оказывают влияние на мотивацию к занятию спортом среди молодежи в вашем городе/населенном пункте?»

В результате опроса определено, что понимание роли спорта в структуре социализации как системы и здоровьесберегающего поведения молодежи на региональном уровне является результирующей эмпирических оценок совокупности внутренних установок (влияние спорта на формирование ценности здоровьесберегающего поведения; престиж здорового образа жизни, физкультуры и спорта как одной из социализационных детерминант для молодежи в современных условиях) и компонентов внешней среды (инфраструктура региона и ее ориентация на спорт как приоритетный вид досуга и отдыха среди молодежи; реализуемые спортивными объектами программы и мероприятия).

Полученные данные объективизируют роль спорта и здоровьесберегающего поведения в фокус необходимости понимания зависимости социализации молодежи от непосредственного влияния внутренних установок на занятие спортом и факторов внешней среды: спортивной инфраструктуры, условий и механизмов, направлений и программ поддержки спорта среди молодежи.

С практической точки зрения реализация таких условий, как модернизация спортивных объектов, расширение спортивной инфраструктуры в регионе, программно-целевое обеспечение спортивных движений, масштабирование и трансляция знания о практических программах здоровьесберегающего поведения, реализуемых на спортивных объектах, могут быть полезны для социальных процессов обеспечения и регулирования механизмов поддержки спорта и здоровьесберегающего поведения среди молодежи в регионах.

Список литературы

1. Пулов В. Е. Роль физической культуры в социализации личности // Регионология (Regionology). 2014. № 4 (89). С. 196–204.
2. Андросова Г. А., Михайлова Е. Я. Критерии эффективности государственного управления отраслью физической культуры и спорта // Физическая культура. Спорт. Туризм. Двигательная рекреация. 2019. Т. 4, № 2. С. 128–133.
3. Должикова Х. В. Здоровьесберегающее поведение молодежи и студентов: сущность понятия и принципы формирования // Образование и наука без границ: фундаментальные и прикладные исследования. 2019. № 9. С. 125–128. EDN: TFOLLP
4. Ибрагимова А. А. Влияние здоровьесберегающих практик населения на репродуктивный капитал // Вестник экономики, права и социологии. 2023. № 1. С. 127–129.
5. Шклярчук В. Я., Васекин Ю. И., Девятков М. М. Сохранение здоровья личности в условиях современного социума // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2019. № 2 (76). С. 174–178. EDN: PLIRMZ
6. Хизбуллина Р. Р., Нуруллина Э. Р. Аксиологические аспекты экономического поведения и ценностных ориентаций групп стейкхолдеров проекта // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2020. № 3 (44). С. 50–54. <https://doi.org/10.24153/2079-5912-2020-11-3-50-54>, EDN: XKWPBI
7. Теоретические и прикладные аспекты исследования жизнедеятельности поколений / под ред. С. Г. Ивченкова. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 2021. 192 с. EDN: XGBWCA
8. Бегинина И. А., Ивченков С. Г., Шахматова Н. В. Социальная инфраструктура города через призму общественного мнения саратовской молодежи // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2015. Т. 15, вып. 4. С. 5–10. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2015-15-4-5-10>

Поступила в редакцию 04.11.2023; одобрена после рецензирования 26.11.2023; принята к публикации 29.11.2023
The article was submitted 04.11.2023; approved after reviewing 26.11.2023; accepted for publication 29.11.2023

ПОЛИТОЛОГИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 62–68

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 62–68

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-1-62-68>

EDN: WZBURE

Научная статья

УДК 323.2

Специфика политологической интерпретации политических идентичностей молодежи

Н. И. Шестов , А. А. Вилков, А. А. Казаков

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Шестов Николай Игоревич, доктор политических наук, профессор кафедры политических наук, nikshestov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2220-7582>

Вилков Александр Алексеевич, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политических наук, vil57@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4277-0372>

Казаков Александр Александрович, доктор политических наук, доцент, профессор кафедры политических наук, aldr.kazakov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3140-0977>

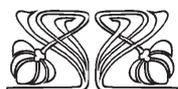
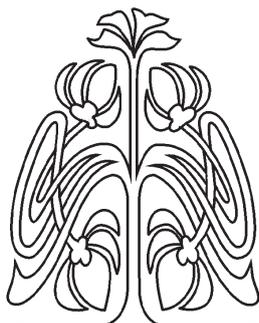
Аннотация. В статье обоснована разница между политологическим и социологическим подходами к анализу политических идентичностей молодежи. Авторы приходят к выводу о том, что социологический подход в большинстве случаев предполагает, что политические идентичности граждан анализируются и интерпретируются исследователем как актуальные на момент проведения социологического исследования в качестве ресурса и инструмента политического самовоспроизводства социальной системы. Политологический же подход подразумевает, что политические идентичности изучаются в ракурсе вероятных и необходимых изменений в их содержании, а также тех политических рисков, которые могут возникнуть по следам таких изменений. В целях повышения точности прогнозирования дальнейшего политического участия молодых граждан политологу важно выявить, каким молодой человек видит свой личный вклад в осуществление изменений идентичности либо в противодействие таковым, какими смысложизненными ориентирами он готов поступиться ради участия в политике, а какими – нет.

Ключевые слова: политическая идентичность, молодежь, политологический подход, социологический подход, Россия

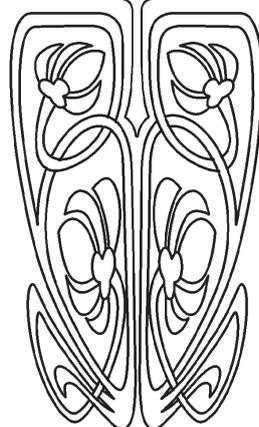
Благодарности. Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта «Особенности политической идентичности провинциальной российской молодежи», поддержанного Экспертным институтом социальных исследований (ЭИСИ) совместно с Министерством науки и высшего образования РФ и Российской академией наук.

Для цитирования: Шестов Н. И., Вилков А. А., Казаков А. А. Специфика политологической интерпретации политических идентичностей молодежи // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 62–68. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-1-62-68>, EDN: WZBURE

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Article

Specifics of political science interpretation of political identities of young people

N. I. Shestov , A. A. Vilkov, A. A. Kazakov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Nikolay I. Shestov, nikshestov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2220-7582>

Alexander A. Vilkov, vil57@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4277-0372>

Alexander A. Kazakov, aldr.kazakov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3140-0977>

Abstract. The article substantiates the difference between political science and sociological approaches to the analysis of political identities of young people. The authors come to the conclusion that the sociological approach in most cases assumes that political identities of citizens are analyzed and interpreted by the researcher as relevant at the time of conducting sociological research as a resource and tool for political self-reproduction of the social system. The political science approach implies that political identities are studied from the perspective of probable and necessary changes in their content, as well as the political risks that may arise in the wake of such changes. In order to increase the accuracy of predicting further political participation of young citizens, it is important for a political scientist to identify how a young person sees his or her personal contribution to the implementation of identity changes, or to counteract them, which life-meaning guidelines (s)he is willing to sacrifice for the sake of participation in politics, and which ones (s)he is not.

Keywords: political identity, youth, political science approach, sociological approach, Russia

Acknowledgments: The article was prepared as part of the research project “Features of the political identity of provincial Russian youth”, supported by the Expert Institute for Social Research (EISR) together with the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Russian Academy of Sciences.

For citation: Shestov N. I., Vilkov A. A., Kazakov A. A. Specifics of political science interpretation of political identities of young people. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 62–68 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-1-62-68>, EDN: WZBURE

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Проблематика политических идентичностей молодежи была одной из самых актуальных в отечественном научном дискурсе в последние десятилетия. В современных условиях ее значение еще более возросло в связи с появлением новых факторов актуализации. Среди различных аспектов данной тематики в последние годы наибольшее внимание исследователей привлекает динамика различных структурных элементов политической идентичности и их мотивационной функциональности в качестве факторов участия представителей молодежи в различных сферах общественно-политической жизни страны [1–11]. Более того, центральное место в официально внедряемой в последнее время триаде «духовно-нравственные ценности» – «общероссийская гражданская идентичность» – «гражданское единство» некоторые ученые отводят именно общероссийской гражданской идентичности [12, с. 8]. Не случайно в этой связи, что большинство исследователей данной проблематики акцент делают на прикладных ее аспектах.

Вместе с этим сохраняют свою актуальность и многие теоретические вопросы, связанные с концептуализацией понятия политической идентичности ее структуры, соотношением с другими социальными идентичностями и т.д. [13–16].

На наш взгляд, особое значение имеет вопрос о том, чем изучение политических идентичностей молодых граждан нашей страны политологами может и должно отличаться от решения той же научной задачи представителями других наук, и прежде всего социологами. С формальной точки зрения для социологов социальные идентичности являются предметом исследования гораздо более естественным, чем для политологов. Это находит отражение в отечественном научном дискурсе, в котором доминируют именно социологические исследования особенностей социально-политической идентичности различных групп российского населения, в том числе молодежи [17].

В то же время многие представители других наук акцент делают на том, что проблематика социально-политической идентичности требует интегративного подхода с «позиций трансдисциплинарности» [18, с. 148]. Ю. Г. Волков и В. И. Курбатов для обозначения сложности понятия идентичности и необходимости междисциплинарности ее изучения предлагают использовать термин «гибридность». По их мнению, «гибридная идентичность есть смешение традиций, верований, культурных обычаев, языков, социальных практик в механизмах идентификации. Она основывается на социальной гибридации в виде гибридного социаль-

ного пространства, выраженного в смешении территориально-географических локаций, политических, экономических, социокультурных, поколенческих и этнических границ и субкультур как факторов формирования гибридной идентичности» [19, с. 17–18].

Междисциплинарный подход характерен и для зарубежных исследований, в которых продолжаются дискуссии по различным аспектам процесса идентификации различных социальных групп. На основе анализа широкого массива западноевропейских работ, посвященных анализу школьного и вузовского образования в качестве институтов воспроизводства политической элиты в различных странах, В. А. Гурторов, например, приходит к выводу, что «линейный процесс передачи социального статуса от поколения к поколению, подразумеваемый теорией социального воспроизводства, не может объяснить опыт студентов, которые не происходят из высшего сословия, но, тем не менее, достигают элитного статуса» [20, с. 202]. По его мнению, «анализ процессов эволюции образовательных стратегий, их адаптации к изменениям в социальной структуре, политике и новой институциональной среде, а также изучение влияния этих стратегий на системы образования на национальном и глобальном уровнях по-прежнему остаются одной из главных задач социальных наук, решение которых возможно только на междисциплинарном уровне» [20, с. 202–203]. Соответственно, на междисциплинарном уровне они должны быть исследованы и в качестве факторов политической идентификации учащейся молодежи в рамках карьерного роста и процесса прохождения различных социальных лифтов.

Междисциплинарный подход для политологов обусловлен тем, что у них нет собственного инструментария выявления структурных характеристик социально-политических идентичностей и их особенностей. Все, чем они пользуются для выполнения такой работы, заимствуется из инструментария социологов.

В такой ситуации актуальным, на наш взгляд, является обсуждение проблемы специфики политологических и социологических теоретических подходов к изучению молодежных политических идентичностей, особенно подходов к их интерпретации – иными словами, к наделению их смыслом социологического либо политологического предмета исследования. Потому что, если специфики в подходах нет, то получается, что политологи просто вторгаются в сферу компетенции другой науки. А

если специфика есть, то акцент на ней в политологическом исследовании, посвященном молодежным политическим идентичностям, представляется уместным и даже необходимым.

Необходимость внимания к упомянутой специфике обусловлена состоянием текущих исследовательских практик (в том числе на основе личного опыта авторов в качестве экспертов, оппонентов, рецензентов, членов диссоветов и редакционных коллегий). В минувшие годы для отечественных политологических трудов по проблематике участия граждан в политике нормой стало использование данных массовых социологических опросов и экспертных интервью [21]. Часто политологи сами разрабатывают анкеты и прочий социологический инструментарий под свои специфические научные задачи [1]. При этом они столь же часто просто копируют социологические исследовательские теоретические подходы и парадигмы. Более того, они и полученные результаты нередко интерпретируют точно так же, как это свойственно социологам.

С одной стороны, нет проблемы в том, что исследователь расширяет свой научный инструментарий. Ведь он делает это не просто так, а ради повышения качества результата своих творческих усилий, ради того, чтобы созданная им картина политических процессов и явлений была максимально полной и достоверной, чтобы авторские оценки и прогнозы опирались на как можно больший массив исходных данных.

С другой стороны (особенно если политологический текст насыщен социологическими материалами), возникает проблема научной идентификации уже самого этого текста: он является текстом политологическим или социологическим? Если политолог подготовил научную статью либо монографию, то снять остроту этой проблемы ему достаточно легко. Он может декларировать междисциплинарную направленность и соответствующий характер задач и методов своего исследования, и мало кто из коллег его за это осудит. Иначе дело обстоит с научно-квалификационными и грантовыми исследованиями.

Для первых междисциплинарность на практике всегда была не самой подходящей характеристикой. Например, диссовет в своем заключении по защите должен использовать критерии соответствия кандидатской диссертации вполне конкретной научной специальности. Несмотря на наличие формальных возможностей междисциплинарности, и диссоветы, и Экспертный совет ВАК ориентировались,

прежде всего, на соответствие действующим паспортам номенклатуры научных специальностей. Симптоматично, что в минувшие три десятилетия уточнение номенклатуры научных специальностей, по которым осуществляется подготовка квалификационных работ, в России стало почти перманентным процессом.

Для грантовых исследований междисциплинарность допустима с определенными оговорками, связанными с соответствующим уровнем профессионализма и научного задела участников научного проекта по заявленным специальностям. Но в решении о поддержке заявки многое зависит от отношения к этому моменту конкретного эксперта, оценивающего предполагаемый научный и практический результат реализации коллективом междисциплинарного гранта.

Тем не менее, в том и другом случае политологу необходимо как-то донести до сознания рецензентов и экспертов, что хотя он и использует методики современной социологии для получения нужной ему фактической информации и подкрепления ею своих выводов, но дальше интерпретирует и обобщает эти первичные данные уже как политолог. Эта проблема чаще всего решается использованием политологами от одной научной работы к другой стандартного порядка презентации своей методологии. Начинается все обычно с перечисления автором через запятую использованных им якобы «чисто политологических» и «основных» научных методов (системный, структурно-функциональный, институциональный и т.д.). А заканчивается все упоминанием о применении некоего «социологического метода». Однако какого-то самостоятельного «социологического метода» в реальности не существует. Используются разнообразные социологические методики сбора информации и методы ее интерпретации. Таким некорректным упоминанием «социологического метода» и якобы его использованием политолог фактически просто намекает потенциальным экспертам и критикам на то, что материалы чужих и своих соцопросов он в работе использовал, но не так, как положено было бы их использовать социологу в социологическом исследовании, и потому вероятные претензии к нему, что его тексты являются текстами социологическими, а не политологическими, совершенно беспочвенны.

Такая манипуляция с порядком презентации авторской методологии часто убеждает доброжелательных оппонентов и экспертов. Они соглашаются признать исследование со-

ответствующим какой-либо политологической специальности, даже если оно практически целиком основано на использовании результатов репрезентативных или экспертных опросов. Эксперты-политологи в этом случае больше ориентируются на политологичность формулировок цели и научных задач квалификационной работы, а также содержания выводов по ней. Но принципиально проблему разграничения между компетенциями политолога и социолога в изучении политических идентичностей молодежи это не решает. Недоброжелательного критика подобная манипуляция при подготовке квалификационной работы или написании отчета по гранту вряд ли убедит.

Убедить может специфический политологический подход к формулированию вопросов, адресованных респондентам, а также к наделению ответов на них определенным смыслом. Подход, отталкивающийся от обычной для современной политологии мотивации ее интереса ко всему, что происходит в самой политике, а также за ее пределами, в формально неполитических социальных практиках (религиозных, семейных, правовых и т.д.). Мотивация эта, так исторически сложилось, несколько иная, нежели у социологии.

Путем систематического осуществления «срезов» базовых социальных практик и накопления данных по таким «срезам» социология поддерживает общество и управляющую государством элиту в состоянии относительно полной информированности о наличии у них разнообразных материальных и духовных ресурсов для устойчивого существования и развития. Решение проблемы дальнейшего применения выявленного социологами (либо самими политологами на основе социологического инструментария) ресурса берут на себя уже политологи. Они используют эти данные для прогнозирования и проектирования будущих состояний жизни общества и властной элиты, а также сопряженных с такими состояниями выгод и рисков. Основательными политологические прогнозы и проекты являются как раз в меру того, насколько они учитывают упомянутые данные. В этом естественная зависимость результативности работы политолога от масштабов и качества работы социолога. Но этим в то же время определяется и различие компетенций двух наук в изучении социально-политических идентичностей.

Это разделение компетенций двух наук можно использовать для дифференцированного подхода к формулированию вопросов, с

которыми социологи и политологи идут к респондентам. Данное различие также является существенным для политологической интерпретации социологических данных. Социолог оценивает готовность респондента ответить на вопрос, кто в окружающем его социальном пространстве «свой», а кто «чужой», какие идеи и ценности «мои», а какие – «их». Ему важно выяснить масштаб распространения и меру устойчивости таких представлений. **Социологический подход подразумевает, что политические идентичности граждан анализируются и интерпретируются исследователем как актуальные на момент проведения социологического исследования в качестве ресурса и инструмента политического самовоспроизводства социальной системы.**

Политологу, вероятно, в развитие исследовательской программы коллег-социологов уместно будет задать своему потенциальному респонденту некоторые дополнительные вопросы. О том, например, какими он видит перспективы своей идентичности? О том, иначе говоря, желательна ли и возможна ли для него определенная перегруппировка в отношении «свой/чужой»? При каких изменениях в социальной значимости тех или иных ценностей и практик такая перегруппировка может состояться? А также выяснить (что важно для точности прогнозирования дальнейшего политического участия молодых граждан), каким молодой человек видит свой личный вклад в осуществление упомянутых изменений либо в противодействие таковым, какими смысло-жизненными ориентирами он готов поступиться ради участия в политике, а какими – нет.

Это те вопросы, ответы на которые способны дать политологу исходный материал для оценки готовности молодых граждан, а также общества в целом двигать политический процесс вперед, для определения вероятного направления такого движения и выявления сопряженных с ним политических рисков. Текущее состояние политических идентичностей молодых людей не может не интересовать политолога. Оно его естественным образом заботит и как гражданина, и как прогнозиста, которому нужны для его работы исходные данные, взятые не «с потолка». Но нужно ему это знание о текущем состоянии молодежных идентичностей для нахождения ответа на главный вопрос, а именно чем это состояние идентичностей может обернуться для российской политики и что можно и нужно сделать обществу и государству для того, чтобы негативные моменты

этой идентичности влияли бы на будущее страны меньше, а позитивные моменты – больше? **Политологический подход подразумевает, что политические идентичности изучаются исследователем в ракурсе вероятных и необходимых изменений в их содержании, а также тех политических рисков, которые могут возникнуть по следам таких изменений.**

Польза от такой спецификации теоретических подходов будет не только для политической науки. Польза будет и для политической практики. В советское время, например, политические идентичности молодого поколения «строителей коммунизма» тоже активно изучались отечественными специалистами. На тему успехов и недостатков в коммунистическом воспитании советской молодежи были написаны сотни статей и монографий, защищено множество диссертаций. Историками всесторонне и детально был обобщен и проанализирован опыт руководства КПСС соответствующей воспитательной работой органов государственного управления, ВЛКСМ и профсоюзов, иных общественных организаций. Идентичности изучались преимущественно по официальным справкам и отчетам официальных структур (ВЛКСМ, ДОСААФ и т.д.), занимавшихся организацией воспитательной работы с молодежью. Однако доказательная база таких публикаций и диссертаций включала в себя и материалы социологических исследований, осуществленных их авторами в полном соответствии с требованиями, предъявляемыми в то время к социологической теории и практике. Эти исследования, при всей их естественной для того времени идеологической детерминированности, создавали в целом довольно оптимистичную картину политической культуры советской молодежи.

Однако на практике оказалось, что достаточно нескольких неудач во внутренней и внешней государственной политике «перестройки» во второй половине 1980-х гг., чтобы в ценностных основаниях этой культуры произошла инверсия, которая стала для советской науки и политической практики большой неожиданностью. Пришедшее в политику повзрослевшее поколение молодых «строителей коммунизма» поддержало в значительной своей части радикальные либеральные политические и экономические реформы. Вчерашние комсомольцы в одночасье стали идентифицировать себя не с коммунистическим проектом, не с опытом предыдущих поколений советских граждан, превративших СССР в великую державу, и даже не со своей собственной страной. Более важным

стимулом и ориентиром для них в деле формирования политической идентичности оказались «западные» либеральные ценности и успехи функционирования так называемых «обществ потребления».

Иначе говоря, картина политических коммунистических идентичностей в оценках советских специалистов выглядела вполне себе благобно. Но весь колоссальный объем накопленных гуманитарными науками фактических данных, характеризующих успех дела коммунистического воспитания молодежи, не позволил не только спрогнозировать упомянутую инверсию молодежных политических идентичностей, но и даже просто предугадать вероятность ее осуществления.

Как представляется, причина заключалась вовсе не в идеологической «зашоренности» советских аналитиков и их нежелании видеть очевидные вещи. Проблема была в самом теоретическом подходе к изучению политических идентичностей советской молодежи. Это был подход именно социологический. Такой, который предполагал, что коммунистическая политическая идентичность является для роста политического сознания молодого поколения советских граждан неким естественным, обусловленным законами истории и политики пределом. Коммунистическая идентичность есть тот идеал, достичь которого надо стремиться и отдельно человеку, и обществу в целом. Задача науки – установить пути приближения и меру продвижения советского общества и его молодых членов к этому идеалу, а не строить предположения относительно риска, что кто-то в этом идеале разочаруется.

В то же время, по логике такого подхода, и самому молодому советскому гражданину, и ученому, исследующему уровень «коммунистичности» мировоззрения молодого поколения, надо было понимать, что дальше этого идеала меняться и двигаться политическим идентичностям уже не нужно. Потому что меняться и двигаться им просто некуда далее той точки, которую символически маркировал в пространстве массовых социальных и социально-властных коммуникаций «Моральный кодекс строителя коммунизма» [22]. От науки требовалось изучать политические идентичности молодежи такими, каковы они есть, а не такими, какими они могут стать в случае изменения вектора политического процесса и ожиданий молодых людей относительно своего будущего в качестве членов другого социума и граждан другого государства. Вопреки этим установкам научно-

исследовательской работы и воспитательных практик, политические идентичности молодых людей на закате советской эпохи стали другими, пошли развиваться дальше пределов, установленных для них советскими идеологами.

Сегодня политическое воспитание молодых граждан России является одной из приоритетных задач государства. К решению этой задачи привлекается и отечественная наука. Для проведения научного мониторинга и анализа состояний молодежной политической культуры общество и государство привлекают большие силы и средства в ожидании практической отдачи. Суть ее видится в обосновании ответа на ключевые вопросы: что дальше может случиться с сегодняшними политическими идентичностями российской молодежи? Какими могут быть вероятные изменения и чем они могут обернуться для будущего нашей страны? Представляется, что работа политологов над совершенствованием своего инструментария в деле изучения молодежных политических идентичностей вполне могла бы содействовать рациональному использованию упомянутых сил и средств.

Список литературы

1. *Болотина И. И.* Состояние государственно-гражданской идентичности в среде студенческой молодежи РФ: теоретический и прикладной аспекты // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2021. № 1. С. 92–105.
2. *Ильинова Н. А., Киреева И. В., Кукува Е. С., Шадже А. Ю.* Региональная политика идентичности: оценки и переосмысление в условиях новой реальности // Социально-гуманитарные знания. 2022. № 6. С. 173–176. <https://doi.org/10.34823/SGZ.2022.6.51949>, EDN: SBPSGG
3. *Капицын В. М.* Стигматизация как угроза национальной идентичности (уроки прошлого для настоящего) // Вестник Института социологии. 2023. Т. 14, № 1. С. 45–66. <https://doi.org/10.19181/vis.2023.14.1.3>, EDN: PQWMDDB
4. *Пономарева В. А., Байракова И. В.* Политическая самоидентификация молодежи // Интернаука. 2023. № 2–2 (272). С. 40–42. EDN: QONVLK
5. *Рассторгуев С. В.* Современные исследования политической идентичности российской молодежи // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2022. Т. 12, № 4. С. 89–96. <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2022-12-4-89-96>
6. *Самаркина И. В., Башмаков И. С.* Локальная идентичность: механизмы конвертации в конструктивные социально-политические практики молодежи // Полис. Политические исследования. 2021. № 2. С. 99–112. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.02.07>

7. Снегур М. Р., Войник А. А. Формирование перформативной национальной идентичности молодых россиян в политических практиках // *Society and Security Insights*. 2022. Т. 5, № 4. С. 137–154. [https://doi.org/10.14258/SSI\(2022\)4-08](https://doi.org/10.14258/SSI(2022)4-08)
8. Топчиев М. С. Региональная коллективная идентичность: категориальный и структурный анализ // Капский регион: политика, экономика, культура. 2022. № 3 (72). С. 135–139. https://doi.org/10.54398/1818510X_2022_3_135
9. Фарахутдинов Ш. Ф., Ключева В. П. Групповая идентичность населения Западно-Сибирского региона России: этнокультурный и региональный аспекты // *Siberian Socium*. 2022. Т. 6, № 3 (21). С. 92–106. <https://doi.org/10.21684/2587-8484-2022-6-3-92-106>, EDN: WZGUWG
10. Чухин С. Г., Чухина Е. В. Сущность, структура и критерии сформированности гражданской идентичности // *Вестник Оренбургского государственного университета*. 2022. № 1 (233). С. 39–44. <https://doi.org/10.25198/1814-6457-233-39>, EDN: RORQHA
11. Шамионов Р. М. Роль гражданской идентичности, религиозности, пола и образования в приверженности молодежи к различным формам социальной активности // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Психология и педагогика. 2023. Т. 20, № 1. С. 7–23. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2023-20-1-7-23>, EDN: DGMKWG
12. Горлова И. И., Зорин А. Л. Формирование и укрепление общероссийской идентичности и гражданского единства как приоритетные направления современной государственной политики Российской Федерации // *Социально-гуманитарные знания*. 2023. № 2. С. 5–9.
13. Ерохин В. С. Философско-политический анализ понятия политической идентичности личности // *Общество: философия, история, культура*. 2022. № 2 (94). С. 31–35. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.2.4>
14. Осинина Д. Д. Базовая социальная онтология и ценностные ориентации современной российской молодежи: проблема политической самоидентификации // *Гуманитарные науки*. Вестник Финансового университета. 2022. Т. 12, № 4. С. 97–103. <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2022-12-4-97-103>
15. Ребров А. И. Теоретические подходы к формированию локальной политической идентичности в среде молодежи // *Youth World Politic*. 2023. № 1. С. 3–11.
16. Тищенко Р. В. Теоретико-методологические аспекты формирования гражданской идентичности подростков // *Society and Security Insights*. 2023. Т. 6, № 2. С. 199–210. [https://doi.org/10.14258/SSI\(2023\)2-13](https://doi.org/10.14258/SSI(2023)2-13)
17. Воробьева И. Н. Территориальная идентичность населения: методика эмпирического измерения // *Siberian Socium*. 2023. Т. 7, № 1 (23). С. 29–44. <https://doi.org/10.21684/2587-8484-2022-7-1-29-44>
18. Бугайчук Т. В. Становление гражданской идентичности российской молодежи как политический феномен // *Локус: люди, общество, культура, смыслы*. 2021. Т. 12, № 4. С. 144–154. <https://doi.org/10.31862/2500-2988-2021-12-4-144-154>, EDN: CEOXUK
19. Волков Ю. Г., Курбатов В. И. Гибридная идентичность: факторы формирования и формы проявления // *Гуманитарий Юга России*. 2022. Т. 11, № 2. С. 15–23. <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2022.2.1>, EDN: HVDEAS
20. Гуторов В. А. К вопросу об элитарных аспектах образовательной политики // *Власть и элиты*. 2022. Т. 9, № 2. С. 185–206. <https://doi.org/10.31119/pe.2022.9.2.8>
21. Антонова Е. В. Политические ценности, ориентации и идеалы современной молодежи и их отражение в виртуальном пространстве // *Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования*. 2023. Т. 23, № 3. С. 336–348. <https://doi.org/10.15507/2078-9823.063.023.202303.336-348>
22. Моральный кодекс строителя коммунизма. URL: <http://pedagogic.ru/pedenc/item/f00/s01/e0001529/index.shtml> (дата обращения: 02.11.2023).

Поступила в редакцию 10.11.2023; одобрена после рецензирования 15.11.2023; принята к публикации 25.11.2023
The article was submitted 10.11.2023; approved after reviewing 15.11.2023; accepted for publication 25.11.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 69–73

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 69–73

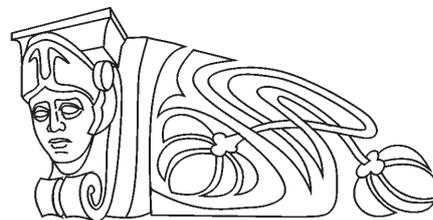
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-1-69-73>, EDN: ZYPZGV

Научная статья

УДК 32.019.51

Политика в отношении рождаемости и здорового образа жизни в России: особенности стимулирования граждан

В. В. Суворов

Национальный медицинский исследовательский центр терапии и профилактической медицины, Россия, 101990, г. Москва, Петроверигский пер., д. 10, стр. 3

Суворов Валерий Владимирович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра координации фундаментальной научной деятельности, valeriy_s@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4181-9034>

Аннотация. Социальные и демографические проблемы, связанные с увеличением рождаемости и количества граждан, ведущих здоровый образ жизни, имеют немало точек пересечения как в сфере здоровья, так и в сфере социально-экономических отношений. Проекты по улучшению показателей по рождаемости и по здоровому образу жизни, представленные в стратегических документах и соответствующей политике, отражают разное отношение власти к стимулированию граждан. В отличие от рождения детей, ведение гражданами здорового образа жизни не предусматривает материального или нематериального поощрения со стороны государства. Вместе с этим существующее в настоящее время материальное стимулирование рождаемости показывает свою недостаточность, что ставит вопрос о дополнительных или альтернативных способах мотивирования граждан. Решение данного подхода предполагает комплексный подход. С одной стороны, использование информационного ресурса, доступного через систему образования и медиапространство, открывает перед властью возможность оказывать влияние на отношение граждан к вопросам рождаемости, ценностям и статуса семьи, и здоровья. В данном контексте изменилось бы и отношение граждан к пропаганде здорового образа жизни как одному из условий укрепления семьи и сохранения репродуктивного здоровья. С другой стороны, средствами СМИ надо популяризовать мысль, что индивидуальное неограниченное потребление тоже имеет предел в виде здоровья и продолжительности жизни. Расширить потребление можно за счет семей, если государство будет стимулировать именно семейное потребление, а не только раздавать разовые денежные поощрения.

Ключевые слова: социальная политика, рождаемость, здоровый образ жизни, стимулирование граждан

Для цитирования: Суворов В. В. Политика в отношении рождаемости и здорового образа жизни в России: особенности стимулирования граждан // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 69–73. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-1-69-73>, EDN: ZYPZGV

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Policy regarding fertility and healthy lifestyles in Russia: Features of incentives for citizens

V. V. Suvorov

National Medical Research Center for Therapy and Preventive Medicine, 10, bldg. 3 Petroverigsky per., Moscow 101990, Russia

Valeriy V. Suvorov, valeriy_s@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4181-9034>

Abstract. Social and demographic problems associated with an increase in the birth rate and the number of citizens leading a healthy lifestyle have many intersection points both in the field of health and in the field of socio-economic relations. Projects to improve fertility indicators and healthy lifestyles, presented in strategic documents and relevant policies, reflect different attitudes of the authorities towards stimulating citizens. Unlike having children, maintaining a healthy lifestyle by citizens does not provide for material or non-material incentives from the state. At the same time, the currently existing material incentives for the birth rate show their insufficiency, which raises the question of additional or alternative ways to motivate citizens. The solution to this approach requires an integrated approach. On the one hand, the use of an information resource available through the education system and the media space opens up the opportunity for the authorities to influence the attitude of citizens towards issues of fertility, values and status of the family and health. In this context, the attitude of citizens towards the promotion of a healthy lifestyle, as one of the conditions for strengthening the family and maintaining reproductive health, would also change. On the other hand, the media must popularize the idea that individual unlimited consumption also has a limit in the form of health and life expectancy. Consumption can be expanded at the expense of families if the state stimulates family consumption, and not just distributes one-time cash incentives.

Keywords: social policy, fertility, healthy lifestyle, stimulation of citizens

For citation: Suvorov V. V. Policy regarding fertility and healthy lifestyles in Russia: Features of incentives for citizens. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 69–73 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-1-69-73>, EDN: ZYPZGV

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Современное Российское государство сталкивается с комплексом демографических угроз и угроз здоровью граждан, затрагивающим вопросы национальной безопасности. Рождаемость играет особую роль среди остальных социально-демографических факторов, влияющих на рост численности населения. Регуляция демографических процессов осуществляется посредством семейной и миграционной политики, управление показателями здоровья осуществляется посредством совершенствования системы здравоохранения, оказания медицинской помощи и стимулирования ведения гражданами здорового образа жизни. Важнейшей функцией государственного управления социальной сферой выступают создание условий для воспроизводства населения страны и сохранение его здоровья и работоспособности. Вместе с этим политика в отношении рождаемости и формирования приверженности граждан здоровому образу жизни предполагает определенную степень регуляции и вмешательства государства в сферу их личной жизни.

Государство поставило перед собой задачу по увеличению рождаемости и расширению приверженности здоровому образу жизни, однако общие принципы проведения политики в отношении этих вопросов имеют различия, что находит отражение в коммуникациях с гражданами и их поощрении, а в итоге сказывается на результатах и отношении граждан к самой власти. Непоследовательность в проведении политики, касающейся той сферы, которая воспринимается гражданами как исключительно личная, несет в себе риски недопонимания ими целей государства и, соответственно, вызывает нежелание следовать его рекомендациям. Отсюда возникает вопрос: как сделать эти цели более понятными, а проводимую политику более результативной?

Динамика показателей рождаемости и здорового образа жизни

Несмотря на прилагаемые государством усилия, итоговые показатели, предусмотренные «Концепцией демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» [1; 2, с. 15] от 2007 г., национальным проектом «Демография» [3], утвержденным в 2018 г., и соответствующими федеральными проектами «Финансовая поддержка семей при рождении детей» и «Укрепление общественного здоровья», снижаются и в отношении рождаемости, и в отношении здорового образа жизни. Так, со-

гласно данным Федеральной службы государственной статистики, суммарный коэффициент рождаемости сохраняет тенденцию к снижению с 1,62 в 2017 г. до 1,5 в 2019–2021 и 1,42 в 2022 г. [4]. Также в целом по России доля населения, ведущего здоровый образ жизни, по итогам 2022 г. составляла 7,2%, снизившись с 12,0% в 2019 г. [5]. Если снижение рождаемости еще можно объяснить нестабильностью ситуации в стране и в мире, то сокращение количества граждан, соответствующих критериям здорового образа жизни, может быть связано с тем, что далеко не все осознают его преимущества, а это предполагает дополнительные усилия государства по выстраиванию коммуникаций с гражданами, в том числе по изучению их мировоззренческих установок в отношении здоровья [6].

Следует отметить, что проблемы рождаемости и здорового образа жизни пересекаются на уровне репродуктивного здоровья, которое во многом зависит от наличия/отсутствия вредных привычек, а также от уровня физической активности и питания [7, 8]. Многие семьи не могут иметь детей или более одного ребенка по медицинским показателям, которые были вызваны нездоровым образом жизни и, соответственно, решаются отказом от вредных привычек. Вместе с этим отказ от вредных привычек позволяет высвободить уходящую на это часть семейного бюджета, а в долгосрочной перспективе ведение здорового образа жизни позволяет избежать прямых и косвенных издержек, связанных с лечением заболеваний, которых можно избежать.

Факторы рождаемости и ведения здорового образа жизни

В целом исследователями отмечаются различные причины снижения рождаемости. Важность уровня благосостояния семьи в настоящее время выходит на первый план, что во многом определяется философией «общества потребления» и рациональным подходом к планированию семьи. Если не изменить взгляд части российских граждан на ценности, то увеличение рождаемости становится возможным только за счет постоянной финансовой поддержки, поэтому, например, увеличение разового материального стимулирования может не дать необходимого результата. Однако в условиях снижения ценности семьи и нравственных ориентиров вместе с укреплением ценностей «общества потребления», негативного воздействия медиапространства на молодежь склады-

вается ситуация, когда даже при достаточном уровне благосостояния семьи происходит отказ от рождения второго ребенка. Связано это во многом с тем, что «общество потребления» изначально не нацелено на биологическое воспроизводство. Чтобы потребление увеличивалось, нужен не столько прирост производства, который ограничен борьбой за экологию, сколько убыль в геометрической прогрессии количества потребителей. Падение рождаемости как раз дает примерно такую прогрессию убыли населения. Это естественная реакция больших масс людей на снятие ограничений по возможностям потребления. Китайские власти, например, боролись с избытком рождаемости, а проблема решилась сама собой, когда вырос уровень потребления основной массы населения. Так, даже после отмены политики рождения «одного ребенка» и официального разрешения супружеским парам иметь двух детей в 2016 г. тенденция не изменилась [9].

Современные социально-экономические процессы сказываются также на ценности материнства и роли женщин в общественных отношениях [10]. Современное общество предполагает и полную вовлеченность женщины в жизнь и воспитание ребенка. Продолжая работать, женщина не может выполнить такие социальные установки. Исследователями отмечается тенденция утраты понимания материнства как ценности [11].

Если рождение детей неизбежно влечет увеличение расходов и нагрузки на семейный бюджет, то приобщение к здоровому образу жизни, например за счет отказа от вредных привычек, может высвободить часть финансов, а занятия физической культурой вполне могут выполняться гражданами самостоятельно и не требовать дополнительных расходов. Более того, для занятий граждан физической культурой властью прилагаются усилия по созданию необходимой инфраструктуры. Тем не менее число придерживающихся здорового образа жизни, как следует из данных официальной статистики, не увеличивается [5].

Меры стимулирования

Возникает вопрос о способах мотивирования граждан в повышении рождаемости, а также ведении здорового образа жизни. Исследователями обсуждаются различные варианты стимулирования рождаемости, в том числе не связанные напрямую с финансовым стимулированием семей [12, 13].

Решение вопроса предполагает комплексный подход. При этом стимулирование рождаемости следует проводить вместе с продвижением здорового образа жизни. Целесообразно использование мер, направленных на изменение отношения граждан к институту семьи и детям. Способствовать рождаемости могли бы такие меры, как повышение престижа семьи, брака, увеличение потребности в нескольких детях.

Важным представляется изменение статуса родителей в зависимости от количества детей. Так, в настоящее время статусными характеристиками, показателями достатка выступают дорогие автомобили, телефоны, брендовая одежда и т.д., в которые вкладываются значительные средства из личного или семейного бюджета. Вместе с этим приоритет мог бы быть отдан детям, а данные средства могли бы инвестироваться в здоровье и образование детей. Для изменения отношения граждан требуется как информационная и идеологическая поддержка со стороны государства [14], так и специальные меры в виде определенных льгот или преференций для родителей в зависимости от количества детей, например, при занятии руководящих должностей или должностей на государственной службе.

Повышение в общественных оценках престижности родительского труда по воспитанию нескольких детей и, соответственно, социального статуса многодетных семей без изменения их правового статуса не противоречит демократическим принципам, а сохранение материальной поддержки таких семей со стороны государства могло бы поддерживать доверие граждан к власти.

Государство вполне располагает необходимыми для этого ресурсами, прежде всего в виде системы образования, в основе которой лежат стандарты, создаваемые государственными ведомствами. Кроме этого, представляется возможным и необходимым использование медиапространства, например в формате социальной рекламы, затрагивающей как эмоциональное, так и рациональное отношение граждан к вопросам рождения детей и здоровому образу жизни. Несмотря на долгосрочность данных вариантов и дополнительные издержки, изменение мировоззренческих установок граждан в отношении вопросов семьи и здоровья может создать новый тренд на рост рождаемости и увеличение количества граждан, заботящихся о своем здоровье.

В данном контексте вызывала бы большее понимание со стороны граждан популяризация здорового образа жизни, решающая, с одной

стороны, очевидную задачу по укреплению здоровья, в том числе репродуктивного, а с другой, позволяющая за счет отказа от вредных привычек и сокращения расхода на них улучшить материальное положение семей. В контексте укрепления семейных ценностей и престижности многодетных семей призывы государства и общественных организаций к ведению здорового образа жизни выглядели бы более привлекательно для граждан.

Далее, с помощью СМИ надо популяризовать не только семейные ценности, но и мысль, что у неограниченного потребления тоже есть предел, если это индивидуальное потребление, в виде здоровья и продолжительности жизни. Связанный с культурой потребления индивидуализм вступает в противоречие с солидарностью и семейными ценностями. В связи с этим более важным представляется стимулирование государством не индивидуального удовлетворения своих потребностей, а семейного, обусловленного, прежде всего, количеством детей. Согласно исследованию ВЦИОМ, проведенному в 2021 г., большинство россиян, принимавших участие в опросе, назвали себя «семейными людьми»: так, 76% проживают в домохозяйствах из двух и более человек, ведут общий быт с теми, кого считают членами своей семьи [15]. При этом, хотя такой критерий, как уровень дохода, определяющий семейное потребление, оказался на шестой позиции, от него зависят в конечном итоге и здоровье, и жилищные условия, а косвенным образом и взаимоотношения внутри семьи. В зоне максимальных значений сводного индекса семейного благополучия оказались семьи из трех человек (68,77 п.), «полные» семьи с детьми (67,77 п.) [15]. Вместе с этим, согласно исследованиям ВЦИОМ, неудовлетворительное материальное положение и плохие жилищные условия являются основными причинами отказа от деторождения у женщин. Помочь увеличить рождаемость, по мнению 63% россиян, может улучшение материального благосостояния семей [16]. Хотя граждане остаются склонны к двухдетной семье и даже отмечался прирост тех, кто хотел бы иметь троих, на практике большинство граждан (79%), уже имеющих детей, высказали неготовность в текущих условиях к рождению еще одного ребенка [16]. Следует также отметить влияние семейного потребления на здоровье как родителей, так и детей. В частности, исследователями отмечается влияние уровня благосостояния семьи на медицинскую активность родителей [17] и, следовательно, на здоровье детей [18]. Расши-

рить потребление можно за счет семей, если государство будет стимулировать именно семейное потребление, а не только раздавать разовые денежные поощрения.

Итак, несмотря на предпринимаемые государством меры стимулирования рождаемости, показатели продолжают снижаться. При этом в отличие от сферы демографии, включающей различные формы поддержки граждан в связи с рождением детей, за сохранение и укрепления здоровья отсутствует какое-либо поощрение как на уровне государства, так и на уровне общества и бизнеса.

В рамках социальной политики рождаемость и здоровый образ жизни представлены как не связанные друг с другом сферы, существующие в отрыве от других ценностных ориентиров и не связанные с единой идеологической позицией государства. Преодоление таких противоречий, и прежде всего четкое понимание как должностными лицами, так и гражданами конечного результата проводимой политики, преимуществ, которые могли бы получить граждане, обеспечило бы выстраивание более грамотной коммуникации власти и общества и достижение более высокого результата.

Решение данной проблемы представляется возможным за счет расширения нематериального стимулирования, повышения престижности многодетных семей, граждан, придерживающихся здорового образа жизни. Последовательная политика государства, включающая информационное взаимодействие со всеми возрастными группами, ориентированная на укрепление традиционных семейных ценностей, института семьи и предполагающая использование системы образования, СМИ и, возможно, религиозных институтов, могла бы изменить отношение граждан к количеству детей в семье, а вместе с этим и оказала бы влияние на отношение к своему здоровью.

Сохраняющиеся тенденции, обусловленные ценностями «общества потребления», могут привести к вырождению и замещению населения. Вместе с этим старение населения, снижение доли трудоспособного населения сказывается на экономическом развитии страны, а снижение рождаемости в целом приводит к изменению самого общества. Неограниченное индивидуальное потребление имеет свой предел в виде здоровья и продолжительности жизни. Расширить потребление можно за счет семей, если государство будет стимулировать именно семейное потребление, а не только раздавать разовые денежные поощрения.

Список литературы

1. Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Указом Президента РФ от 09.10.2007 № 1351). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
2. Об утверждении плана мероприятий по реализации в 2021–2025 годах Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года : распоряжение Правительства РФ от 16.09.2021 № 2580-р (ред. от 14.03.2023). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Паспорт Национального проекта «Демография». URL: <http://government.ru/info/35559> (дата обращения: 20.10.2023).
4. Суммарный коэффициент рождаемости. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31517> (дата обращения: 20.10.2023).
5. Количество (доля) граждан, ведущих здоровый образ жизни (P4). URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/59457> (дата обращения: 20.10.2023).
6. Дранкина О. М., Суворов В. В., Уметов М. А., Суслев И. В., Киселев А. Р. Социокультурный код здоровья как методологический подход // Вестник Российской академии наук. 2023. Т. 93, № 1. С. 50–57. <https://doi.org/10.31857/S0869587323010024>
7. Лукашук-Федык С. В. К вопросу значения здорового образа жизни в сохранении репродуктивного здоровья студенческой молодежи // Теория и практика общественного развития. 2013. № 1. С. 165–167.
8. Коновалова Н. В. Здоровый образ жизни как один из факторов репродуктивного здоровья женщин // Вестник Таганрогского института управления и экономики. 2019. № 1 (29). С. 116–119.
9. Пехтерева Е. А. Демографические проблемы экономического роста в Китае // Экономические и социальные проблемы России. 2021. № 4 (48). С. 129–146. <https://doi.org/10.31249/espr/2021.04.07>
10. Фахрудинова Э. Р., Суворов В. В. Философия материнства: от ценностей марксизма к ценностям общества потребления // Манускрипт. 2021. Т. 14, № 7. С. 1404–1408. <https://doi.org/10.30853/mns210261>
11. Субочева А. Р., Каргина Н. В. Проблемы современного ценностного отношения к материнству в России // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2017. № 1. С. 33–39. <https://doi.org/10.17805/trudy.2017.1.5>
12. Глотова В. Г. Укрепление семьи и стимулирование рождаемости как одна из основных областей установки приоритетов в демографической политике РФ // Актуальные вопросы современной экономики. 2021. № 4. С. 590–595. <https://doi.org/10.34755/IROK.2021.71.73.006>
13. Багирова А. П., Шубат О. М. Оценка перспектив рождаемости в России при условии государственного стимулирования прародительского труда // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2023. № 2 (113). С. 61–70. <https://doi.org/10.22204/2587-8956-2023-113-02-61-70>
14. Суворов В. В. Политический дискурс здоровья и мировоззренческие установки граждан России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 196–201. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-2-196-201>, EDN: QDXFOE
15. Россияне о семейном благополучии. 2021 // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossijane-o-semeinom-blagopoluchii> (дата обращения: 20.10.2023).
16. Рождаемость в России: меры и мнения. 2018 // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rozhdaemost-v-rossii-mery-i-mneniya> (дата обращения: 20.10.2023).
17. Юрьев В. К., Межидов К. С., Моисеева К. Е. Обрацаемость детей в медицинские организации, как критерий медицинской активности родителей // Менеджер здравоохранения. 2023. № 9. С. 71–79. <https://doi.org/10.21045/1811-0185-2023-9-71-79>, EDN: WVQCBO
18. Степаненко В. В., Шабунова А. А. Влияние материального положения семьи на здоровье детей // Экономические и социальные перемены в регионе: факты, тенденции, прогноз. 2009. № 1 (45). С. 80–85.

Поступила в редакцию 26.10.2023; одобрена после рецензирования 10.11.2023; принята к публикации 16.11.2023
The article was submitted 26.10.2023; approved after reviewing 10.11.2023; accepted for publication 16.11.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 74–79

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 74–79

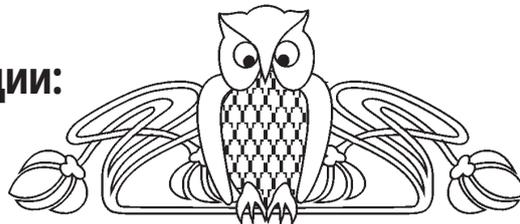
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-1-74-79>, EDN: VNCHMR

Научная статья

УДК 328.185

Государственное управление процессами противодействия коррупции: теоретико-методологические и политико-правовые аспекты

В. С. Гаврюшина, Ю. Н. Трифонов ✉

Тамбовский филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Россия, 392001, г. Тамбов, ул. Гастелло, д. 32а, пом. 1

Гаврюшина Вера Сергеевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры государственного управления и гуманитарных дисциплин, elagina-v@ranepa.ru, <https://orcid.org/0009-0003-2387-5790>

Трифонов Юрий Николаевич, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры государственного управления и гуманитарных дисциплин, trifonov-yn@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9109-6076>

Аннотация. Исследуются актуальные проблемы государственного управления процессами, касающимися противодействия коррупции, при этом сфокусировав внимание на его теоретико-методологических и политико-правовых аспектах. Это обусловлено тем, что в обществе сформировался запрос на обеспечение решительного противодействия коррупции, распространение которой создаёт экзистенциальную угрозу российскому социуму. Поэтому необходимо объединение усилий власти, бизнеса и гражданского общества, включая научное и экспертное сообщество, направленных на решение данной задачи. Особое внимание уделено поиску и использованию адекватных теоретико-методологических подходов к коррупционной проблематике, имеющей комплексный характер, и выработке эффективных антикоррупционных технологий. В связи с этим осуществлён критический анализ и показана несостоятельность биологизаторских и социологизаторских трактовок коррупции, признание её «вечного» характера и т.д., что приводит к выработке и использованию неэффективного антикоррупционного инструментария. Напротив, постулируются эвристические возможности диалектического, конкретно-исторического и междисциплинарного подходов к разработке системы противодействия коррупции. Сделан вывод о том, что глубинные истоки, причины и факторы, порождающие коррупцию в современной России, коренятся в выбранной в 90-е гг. прошлого столетия модели общественного устройства. Обосновывается необходимость разработки и реализации актуализированной государственной политики по противодействию коррупции в контексте осуществляемых и ожидаемых социально-экономических и политических преобразований. Показано, что обновлённая антикоррупционная политика должна реализовываться в диалектическом единстве с государственной политикой по сохранению и укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей.

Ключевые слова: коррупция, государственная политика по противодействию коррупции, управление антикоррупционными процессами

Для цитирования: Гаврюшина В. С., Трифонов Ю. Н. Государственное управление процессами противодействия коррупции: теоретико-методологические и политико-правовые аспекты // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 74–79. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-1-74-79>, EDN: VNCHMR

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

State management of anti-corruption processes: Theoretical, methodological, political and legal aspects

V. S. Gavryushina, Yu. N. Trifonov ✉

Tambov branch of RANEPa under the President of the Russian Federation, 32a, room 1 Gastello St., Tambov 392001, Russia

Vera S. Gavryushina, elagina-v@ranepa.ru, <https://orcid.org/0009-0003-2387-5790>

Yuri N. Trifonov, trifonov-yn@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9109-6076>

Abstract. The authors explore current problems of public administration of processes related to combating corruption, focusing on its theoretical, methodological, political and legal aspects. This is due to the fact that the society has formed a demand to ensure resolute counteraction to corruption, the spread of which creates an existential threat to Russian society. Therefore, it is necessary to combine the efforts of the government, business and civil society, including the scientific and expert community, aimed at solving this problem. Special attention is paid to the search and use of adequate theoretical and methodological approaches to the corruption problem, which has a complex nature, and the development of effective anti-corruption technologies. In this regard, a critical analysis was carried out and the inconsistency of biologizing and sociologizing interpretations of corruption, recognition of its “eternal” nature, etc., was shown, which leads to the development and use of ineffective anti-

corruption tools. On the contrary, heuristic possibilities of dialectical, concrete-historical and interdisciplinary approaches to the development of anti-corruption system are postulated. It is concluded that the deep origins, causes and factors that generate corruption in modern Russia are rooted in the model of social structure chosen in the 1990s. The necessity of developing and implementing an updated state anti-corruption policy in the context of ongoing and expected socio-economic and political transformations is substantiated. It is shown that the updated anti-corruption policy should be implemented in dialectical unity with the state policy on the preservation and strengthening of traditional spiritual and moral values.

Keywords: corruption, state anti-corruption policy, management of anti-corruption processes

For citation: Gavryushina V. S., Trifonov Yu. N. State management of anti-corruption processes: Theoretical, methodological, political and legal aspects. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 74–79 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-1-74-79>, EDN: VNCHMR

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Среди многочисленных общественно-политических проблем, присущих человеческому обществу на протяжении всего исторического пути, особое место занимает коррупционная проблематика. Наибольшую остроту она приобрела в условиях общества постмодерна с его специфической иерархией социальных ценностей и смысловых установок. В полной мере это относится и к российскому обществу третьего десятилетия XXI в. Коррупции, как известно, подвержены все органы публичной власти, осуществляющие государственное и муниципальное управление общественными отношениями и процессами.

В научной литературе констатируется, что произошла трансформация коррупции из социального явления в социальный институт [1, с. 7]. Об этом, в частности, свидетельствует процесс преобразования коррупционных практик в устойчивые, регулярные, долговременные и воспроизводимые, в результате чего и произошла институционализация коррупции [2, с. 12]. Выделяются такие признаки коррупции, как многоаспектность, универсальность, постоянная динамика и усложнение [3, с. 21]. В связи с этим необходимо учитывать существование в настоящее время многообразных видов и форм коррупционных взаимодействий и практик. Это, в свою очередь, приводит к крайне негативным социальным последствиям во всех без исключения сферах общественной жизни.

Более того, несмотря на принимаемые управленческие меры, направленные на разрешение коррупционной проблематики, её острота постоянно возрастает. Так, по итогам проведённого Международным антикоррупционным движением Transparency International в 2022 г. исследования «Индекс восприятия коррупции» Россия заняла 137-е место из 180, набрав 28 баллов из 100 возможных, что характеризует очень высокий уровень восприятия коррупции [4].

Заметим, что геополитическая ангажированность и тенденциозность исследований, проводимых данной международной органи-

зацией, очевидна, что, впрочем, не позволяет усомниться в достаточно высоком уровне и масштабности правонарушений коррупционного характера в нашей стране.

Коррупция представляет собой особо опасное антиобщественное явление, и именно поэтому она официально признана одной из системных угроз национальной безопасности. Так, в п. 25 Стратегии национальной безопасности РФ определено, что одним из национальных интересов на современном этапе является искоренение коррупции [5]. Необходимость решения этой задачи обостряется в условиях геополитического противостояния со странами коллективного Запада и, как следствие, вынужденного решения о проведении специальной военной операции на территории Украины. В такой ситуации коррупционные преступления и правонарушения не просто недопустимы в силу требований законодательства и морали, а фактически подрывают национальную и общественную безопасность страны.

В обществе назрел запрос на решительное искоренение этого социального зла, именуемого коррупцией. Очевидно, что возрастающие социальные потребности, касающиеся противодействия коррупции, требуют принятия соответствующих политико-управленческих решений.

Подчеркнём, что система мер, направленных на противодействие этому негативному общественному явлению, также имеет своё общественно-политическое измерение. Прежде всего, данная система выполняет ряд важных функций, связанных с минимизацией коррупционных рисков, повышением эффективности публично-политического управления, формированием позитивного общественного мнения и укреплением доверия населения к органам публичной власти и др. В связи с этим антикоррупционная проблематика выступает в качестве специфического объекта публичного управления.

Для выработки и принятия эффективных управленческих решений, направленных на

противодействие коррупции, необходимо правильно понимать её социальную сущность и возможные проявления, причины, закономерности развития и т.д. С этой целью используется как общеметодологический инструментарий (например, диалектический подход), так и специальные подходы и методы.

Особо остановимся на тех подходах, использование которых приводит к ошибочному пониманию коррупции, а следовательно, и к использованию антикоррупционных мер, не имеющих должного эффекта. Так, укоренилось понимание коррупции в качестве «вечного» спутника человечества, поскольку она всегда была, есть и будет. В основе данного подхода лежит миф об онтологических основаниях коррупции в мировой и отечественной традиции. Это, в свою очередь, приводит к неверному выводу о неискоренимости коррупции, что, безусловно, снижает эффективность принимаемых антикоррупционных мер. Действительно, если признать, что коррупция «вечна», то тогда и борьба с ней будет иметь такой же нескончаемый, перманентный характер.

Поэтому крайне нежелательны укоренившиеся в общественном мнении стереотипные представления о вечности, неизбежности, неискоренимости коррупции и тотальной в неё вовлечённости. Такое понимание коррупции вначале способствуют её принятию («привыканию» или хабиитуализации), а в последующем – оправданию и даже одобрению (особенно в формате «бытовой» коррупции). Поэтому необходимо использование конкретно-исторического подхода к разработке системы противодействия коррупции, беря во внимание её динамический характер с учётом сложившихся условий и факторов.

Помимо признания «вечного» характера, допускаются биологизаторские трактовки коррупции, усматривающие её причины в самой природе человека, в сфере бессознательного, в инстинктах наживы и обогащения, имеющих генетический характер. Например, В. А. Меркушин заявляет, что коррупция внутри нас, так как базируется на инстинктах выживания [6, с. 102]. Здесь «вечность» коррупции объясняется неизбежной борьбой за выживание под воздействием биологических факторов. Методологическая несостоятельность данного подхода заключается в том, что он уводит в сторону от понимания социальной обусловленности коррупции. Не отрицая наличия психологической и отчасти генетической составляющей коррупционного поведения, подчеркнём, что его нужно рассматривать в социокультурном контексте. Выявление

лишь личностных детерминант субъекта коррупционных действий недостаточно, нужно, как подчёркивает А. Н. Пинчук, учитывать сложную и тесную его связь с социальной средой [7, с. 85].

Как отмечает М. Ю. Попов, многочисленные исследования на тему коррупции доказывают, что в обществах она проявляется в различных формах в зависимости от уровня их экономического развития, состояния гражданского общества или цивилизационных особенностей [8, с. 47]. Поэтому коррупция представляет собой негативный продукт жизнедеятельности социетальной системы.

В качестве некоего оппонента биологизаторской трактовки коррупции выступает социологизаторский подход, выраженный в том, что причины коррупции усматриваются исключительно в одной из областей общественной жизни, например политической. При этом делаются заявления о том, что для устранения существующих масштабов коррупции достаточно сменить действующий в стране политико-правовой режим [9, с. 78].

Такого рода подход, фактически политизирующий коррупционную проблематику, приводит к тому, что она превращается в «жупел», в инструмент политического давления и борьбы за власть. В данном случае имеет место односторонний (метафизический) подход к рассматриваемой проблеме, выраженный в абсолютизации отдельных социальных факторов, порождающих коррупцию.

Наиболее продуктивен, безусловно, диалектический подход, способствующий как всестороннему рассмотрению самой коррупции, так и противодействию ей.

Обратим внимание и на то, что при исследовании коррупции, представляющей собой многоаспектную социальную проблему, тем не менее, преобладают узкоспециальные подходы, использующие оптику частных наук (экономических, юридических, социологических, политологических). В результате применяются разные смыслы и критерии коррупционных проявлений, но при этом делается заявка на «универсализацию» полученных данных.

Как видно, ряд методологических подходов вызывает обоснованные сомнения относительно своей продуктивности. При этом следует обратить внимание на продолжающийся методологический кризис отечественной науки, порождённый доминированием эмпирического подхода. Это в полной мере относится и к направлениям научных исследований, посвящён-

ным коррупции и противодействию ей. Поэтому согласимся с В. Д. Поповым в том, что необходима добротная методология для понимания истинных причин коррупции и поиска способов её минимизации [10, с. 10].

В связи с этим необходима верификация предлагаемых методологических средств. Это возможно лишь на пути объединения и координации усилий всех представителей научного сообщества, когда рассматриваются не отдельные аспекты противодействия коррупции (экономические, социальные, политические, правовые, психологические, культурологические и т.д.), а вся их совокупность.

Эвристические возможности представителей научного и экспертного сообщества усматриваются в сверке не только теоретических основ, но и технологий решения коррупционной проблематики. Поэтому политология и другие общественные науки призваны выработать новые концептуальные и методологические подходы к осмыслению коррупционных рисков и выработке мер по их купированию. Например, исторический опыт свидетельствует о том, что уровень коррупции в разных странах и в разные эпохи различен, что, кстати говоря, подтверждает тезис об её социальной природе. Поэтому следует изучать содержание и специфику социальной среды, которая способствует расцвету коррупции либо же, напротив, её минимизации.

Исторический подход к анализу рассматриваемого явления позволяет увидеть закономерный характер в развитии коррупции и антикоррупционных механизмов. Так, истоки, причины и факторы, порождающие коррупцию в современной России, необходимо искать в процессах, проходивших в 1990-е гг. В этот период, как утверждает А. А. Вилков, был сделан радикальный шаг к становлению диких рыночных отношений и грабительской приватизации с соответствующим моральным климатом [11, с. 68]. Кардинальная трансформация основ общественно-политической жизни, переход к рыночной экономике переформатировали площадку коррупционных действий.

Коррупция в том или ином виде, несомненно, была и в советский период, и в дореволюционной истории страны, но в каждый крупный исторический отрезок времени она весьма серьёзно отличалась по своему субъектному составу, используемым схемам, возможным проявлениям и т.д. Всё это, в свою очередь, определяло масштабы и размах коррупционных правонарушений. Так, если коррупция времен СССР была известна в виде привилегий партийно-советской номенклатуры, своеушничества, блата и т.п., то

в постсоветский период кардинально изменились коррупционные детерминанты, а следовательно, и весь спектр возможных её проявлений.

Как представляется, причины и условия воспроизводства коррупции в современной России нужно искать в созданной экономической модели государственного капитализма и порождённой ею социальной структуре общества, в особенностях функционирования политико-правового режима и неразвитости гражданского общества, в перекосе духовно-нравственных ценностей в сторону материальных благ и т.д.

Поэтому наиболее фундаментальной причиной коррупции в современном её варианте является выбранная (навязанная) и реализуемая в постсоветский период социально-экономическая и политическая модель жизнедеятельности российского общества, функционирование которой стало невозможно без коррупционной составляющей. Капиталистический (складывающийся посткапиталистический) способ производства не только детерминирует соответствующую социальную структуру, политическую систему и духовную жизнь общества, но и тотально наполняет их коррупционными проявлениями различного рода. Такой социальной модели коррупция имманентно присуща в качестве способа достижения желаемого результата, начиная с бытовой коррупции (например, получение места в детском саду), пресловутых откатов в хозяйственно-экономической практике и заканчивая политической коррупцией в высших эшелонах публичной власти. Коррупция в определённой степени стала составной частью системы публичного управления в качестве неправомерного, но неотъемлемого условия решения вопросов практически во всех сферах общественной жизни. В этом смысле можно утверждать, что каково общество – таков в нём масштаб и уровень коррупционных проявлений.

Отметим, что за последние 15 лет в нашей стране были приняты и реализованы управленческие решения, направленные на создание и укрепление организационно-правовых основ и механизмов государственной политики по противодействию коррупции. Основным инструментом её реализации выступает уже седьмой по счёту Национальный план противодействия коррупции (на 2021–2024 гг.), утверждённый Указом Президента РФ от 16 августа 2021 г. № 478 [12]. Принятие такого рода планов вполне соответствует требованиям, касающимся управленческого цикла, одним из этапов которого выступает именно планирование.

Следует признать, что в общественно-политическом дискурсе представлены различ-

ные оценки результативности принимаемых антикоррупционных мер. При этом диапазон их весьма широк – от признания несомненных успехов до констатации полного провала, при котором происходит перерождение государственной власти в клептократию. Это, в свою очередь, свидетельствует о необходимости эффективного информационно-коммуникационного обеспечения противодействия коррупции и доведения его результатов до общественного сознания.

В силу остроты коррупционной проблематики требуется фокусировка внимания на её политико-управленческих аспектах.

Политологический подход к исследованию средств по противодействию коррупции в системе органов государственной власти и местного самоуправления свидетельствует о том, что остаётся недооценённым общественный антикоррупционный потенциал. Как следствие, не в полной мере используются возможности институтов гражданского общества в качестве важного социального ресурса повышения эффективности политики по противодействию коррупции. Например, в сфере закупок товаров, работ и услуг для государственных и муниципальных нужд, обладающей повышенной коррупциогенностью, крайне эпизодически задействован такой антикоррупционный инструмент, как общественные обсуждения закупок, хотя порядок их проведения предусмотрен в законодательстве. Весьма медленно и противоречиво происходит становление института контроля за данной сферой со стороны общественности. Всё это в полной мере относится и к другим сферам государственного и муниципального управления.

Не ставя под сомнение важность обеспечения активного общественного участия в процедуре закупок для государственных нужд, вновь обратим внимание на более глубинные причины её повышенной коррупциогенности. Дело в том, что контрактная система закупок всего необходимого для публичных нужд, построенная на принципах рыночной экономики, не способна в полной мере сбалансировать взаимодействия государства и бизнеса и избежать коррупционных проявлений. Именно поэтому заявленные в Федеральном законе № 44-ФЗ цели, касающиеся повышения эффективности и предотвращения коррупции при осуществлении закупок, остаются недостижимыми. А неповоротливость и косность контрактной системы закупок в условиях специальной военной операции стала очевидной даже для обывателей.

Но, тем не менее, возвращаясь к вопросу общественного участия в противодействии

коррупции, отметим, что в научной литературе обосновывается необходимость формирования антикоррупционного объединения (коалиции) институтов гражданского общества в качестве средства обеспечения партнерского взаимодействия социума и власти в антикоррупционной сфере [1, с. 11]. Для расширения использования общественного потенциала в сфере противодействия коррупции предлагаются такие технологии, как формирование правильного восприятия и нетерпимого общественного отношения к коррупционным проявлениям, развитие антикоррупционного правосознания, усиление общественного контроля за соблюдением требований антикоррупционного законодательства и т.д.

Примечательно, что ранее при оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ использовался такой показатель, как доля жителей субъекта РФ, столкнувшихся с проявлениями коррупции. С этой целью в регионах проводились соответствующие социологические опросы. К сожалению, данный показатель из действующего перечня исключён, что, несомненно, снижает антикоррупционный потенциал общественности.

Поэтому вполне обоснованно, что в Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы [12] в качестве отдельного направления предусмотрено применение дополнительных мер по расширению участия граждан и институтов гражданского общества в реализации государственной политики в области противодействия коррупции.

В организационном и технологическом плане обратим внимание на то, что в 2024 г. истекает срок действия Национального плана противодействия коррупции. Как представляется, следует организовать широкое общественное обсуждение и дать оценку выполнения всех предусмотренных в нём мероприятий. В этом отношении важно объединить усилия представителей органов публичной власти и гражданского общества, включая экспертов и научных работников. Лишь в результате консолидации управленческих воздействий всех субъектов противодействия коррупции удастся добиться синергетического эффекта. Так, консолидированию усилий органов государственного и муниципального управления по противодействию коррупции способствует формирование единой системы публичной власти, конституционно-правовые основы которой были заложены с внесением в 2020 г. поправок в Конституцию РФ.

В заключение отметим, что в новой Концепции внешней политики РФ [13] Российская

Федерация позиционируется в качестве самобытного государства-цивилизации. Это, в свою очередь, требует выработки соответствующей ему модели общественного устройства, не подверженного различного рода деформациям, включая коррупционные проявления. Одной из составляющих образа будущего России является стремление создать страну, свободную от коррупции.

Провозгласив себя в качестве самобытного государства-цивилизации, Российская Федерация в лице публичной власти и общественности призвана обеспечить управление процессами, направленными на сохранение и развитие традиционных духовно-нравственных ценностей [14]. К их числу, в частности, отнесён приоритет духовного над материальным, что подразумевает негативное отношение населения к любым способам незаконного обогащения, включая пресловутую коррупцию.

В этом отношении наиболее перспективным средством искоренения коррупции является кардинальное переформатирование основ жизнедеятельности российского общества. В качестве одного из направлений общественных изменений видится полномасштабная реализация концепта «социальное государство», в полной мере обеспечивающего необходимые и достойные условия жизни россиян. Так, результативная социальная политика позволит минимизировать коррупционные риски в сфере образования, здравоохранения, культуры, пенсионного обеспечения, социальной защиты населения и т.д.

Осуществление коренных преобразований российского социума будет способствовать ликвидации причин коррупции в экономической, социальной, политической и духовно-нравственной сферах.

Таким образом, поиск эффективных средств противодействия коррупции является особой социально-политической проблемой, требующей принятия соответствующих управленческих решений.

Список литературы

1. Шедий М. В. Коррупция как социальное явление: социологический анализ : автореф. дис. ... д-ра социол. наук. М., 2014. 54 с.
2. Изотов М. О. Коррупция в современной России: социокультурные основания и формы проявления : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Иваново, 2012. 27 с.
3. Противодействие коррупции: новые вызовы / отв. ред. Т. Я. Хабриева. М. : Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ ; ИНФРА-М, 2016. 189 с.
4. Россия в Индексе восприятия коррупции – 2022: 28 баллов и 137-е место. URL: <https://transparency.org.ru/> (дата обращения: 10.11.2023).
5. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 10.11.2023).
6. Меркушин В. А. Биология поведения и коррупция // Коррупция: глобальные вызовы, региональное измерение. Исследования брянских ученых / гл. ред. Н. А. Шачнев. Брянск : Изд-во Брянского филиала РАНХиГС, 2019. С. 92–123. EDN: HGMNWI
7. Пинчук А. Н. Коррупция в свете социологических теорий // Горизонты гуманитарного знания. 2019. № 2. С. 80–95. <https://doi.org/10.17805/ggz.2019.2.6>
8. Попов М. Ю. Коррупция и современное российское образование // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 12. С. 47–50.
9. Мартынов В. С. Коррупция и сословно-статусная рента в России // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции : сб. тр. по итогам Второй всерос. науч. конф. с междунар. участием / отв. ред. В. Н. Руденко ; ред. К. В. Киселев, Е. А. Степанова, В. В. Эмих. Екатеринбург : Ин-т философии и права УрО РАН, 2016. С. 31–48. EDN: VZMUSN
10. Попов В. Д. Предисловие // Рогоу А. А., Лассуэлл Г. Д. Власть, коррупция и честность / пер. с англ. под науч. ред и с коммент. Т. Н. Самсоновой. М. : Изд-во РАГС, 2005. С. 4–12. (Антология зарубежной и отечественной мысли).
11. Вилков А. А. Политическая целесообразность и нравственные основы Конституции Российской Федерации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2013. Т. 13, вып. 4. С. 63–71. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2013-13-4-63-71>
12. О Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы : указ Президента РФ от 16.08.2021 № 478. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47119> (дата обращения: 10.11.2023).
13. Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации : указ Президента РФ от 31.03.2023 № 229. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/70811> (дата обращения: 10.11.2023).
14. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 10.11.2023).

Поступила в редакцию 13.11.2023; одобрена после рецензирования 20.11.2023; принята к публикации 25.11.2023
The article was submitted 13.11.2023; approved after reviewing 20.11.2023; accepted for publication 25.11.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 80–89

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 80–89

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-1-80-89>, EDN: VOVS AV

Научная статья

УДК 328

Политический имидж в электоральный период: по материалам избирательной кампании в Нижегородской области в 2023 году

Д. И. Каминченко

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Россия, 603950, г. Нижний Новгород, просп. Гагарина, д. 23

Каминченко Дмитрий Игоревич, кандидат политических наук, доцент кафедры политологии, dmitkam@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3193-3423>

Аннотация. В статье изучается содержание политического имиджа одного из региональных российских руководителей в электоральный период (выборы глав субъектов России 2023 г.). Цель работы заключается в выявлении особенностей символично-смыслового наполнения сетевого имиджа регионального политического лидера в предвыборный период. Выполнение поставленной цели в работе осуществляется при помощи концепта имиджево-ролевого конструкта и методов контент-анализа (качественно-количественный тип) и сравнительного анализа. Информационный массив данных составили текстовые записи, размещенные на официальной интернет-странице губернатора Нижегородской области Г. С. Никитина во «ВКонтакте» и в его Telegram-канале, за период с мая по сентябрь 2023 г. По результатам проведенного исследования установлено, что самым популярным имиджево-ролевым конструктом на обеих интернет-площадках стал «хозяйственник». Далее по частоте встречаемости идут такие конструкты, как «командный игрок», «лидер, который в курсе различных деталей актуальных проблем» и «лидер, устремленный в будущее». Сделан вывод о близости показателей частоты встречаемости разных символично-смысловых конструктов в рамках имиджа лидера, представленного внутри двух указанных сетевых каналов коммуникации (на официальной интернет-странице во «ВКонтакте» и в Телеграм-канале).

Ключевые слова: выборы, электоральная кампания, предвыборный период, политический имидж, информационное общество, политическая коммуникация, имиджево-ролевой конструкт

Для цитирования: Каминченко Д. И. Политический имидж в электоральный период: по материалам избирательной кампании в Нижегородской области в 2023 году // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 80–89. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-1-80-89>, EDN: VOVS AV

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Political image during the electoral period: Based on materials of the pre-election campaign in the Nizhny Novgorod region in 2023

D. I. Kaminchenko

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, 23 Prospekt Gagarina (Gagarin Avenue), Nizhny Novgorod 603950, Russia

Dmitriy I. Kaminchenko, dmitkam@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3193-3423>

Abstract. The content of the political image of one of the regional Russian leaders during the electoral period (elections of heads of Russian constituent entities in 2023) is studied in the article. The purpose of the paper is to identify the features of the symbolic and semantic content of the network image of a regional political leader during the pre-election period. Fulfillment of the set research goal is carried out using the concept of the image-role construct and methods of content analysis (qualitative-quantitative type) and comparative analysis. The information array is consisted of text records posted on the official website of the Governor of the Nizhny Novgorod Region G. S. Nikitin on “VKontakte” and in his Telegram-channel, for the period from May to September 2023. Based on the results of the study, it was revealed that the most popular image-role construct on both Internet platforms was “economic manager”. Next in frequency of occurrence are such constructs as “team player”, “a leader who is aware of various details of current problems» and «a leader looking to the future”. The conclusion was made about the closeness of the occurrence frequency indicators of different symbolic and semantic constructs within the image of a leader presented within the two indicated network communication channels (on the official page on “VKontakte” and in the Telegram-channel).

Keywords: elections, electoral campaign, pre-election period, political image, information society, political communication, image-role construct

For citation: Kaminchenko D. I. Political image during the electoral period: Based on materials of the pre-election campaign in the Nizhny Novgorod region in 2023. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 80–89 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-1-80-89>, EDN: VOVS AV

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Избирательный процесс является одним из важнейших звеньев функционирования политической сферы. Выстраиваемые различными кандидатами и партиями электоральные кампании вовлекают общество в политические процессы и отношения, которые в дальнейшем способны трансформировать разные сферы общественной жизни. Политики и их команды стараются разрабатывать предвыборные кампании, которые принесут им как можно больше голосов избирателей. При построении стратегии и тактики электоральных действий кандидата учитываются различные факторы, среди которых запрос со стороны общества на политика с определенным имиджем, популярность той или иной коммуникативной площадки, политический контекст и другие факторы. От их эффективного учета нередко зависят и результаты выборов, поэтому обозначенные факторы играют важную роль в формировании имиджа политического субъекта.

Значимость избирательных процессов для функционирования сферы политики проявляется и в популярности данного тематического направления в рамках политической науки. Ученые рассматривают различные аспекты электоральных циклов и событий. В частности, в одной из своих недавних работ П. Холдербург и Я. Баловитц проверяют сразу несколько гипотез, связанных с потенциальными последствиями от введения обязательного голосования на выборах, а именно: что введение обязательного голосования повышает политический интерес (1) и увеличивает политическое участие в различных формах (не)традиционного ((un)konventionellen) политического взаимодействия (2) [1, S. 409]. В свою очередь, Х. Мертен в недавней работе «Выборы во время пандемии – область правового риска» («Wahlen in Pandemiezeiten – ein juristisches Risikogebiet») предлагает обзор того, как возможно провести выборы в соответствии с законодательством в условиях влияния фактора пандемии [2, S. 61].

Отдельного внимания заслуживает вопрос изучения имиджа политического кандидата в электоральный период, особенно его представление в сетевом информационном пространстве (учитывая возрастающую роль в обществе современных интернет-технологий). Вызывает немалый интерес символическое содержание имиджа политика и партии в рамках сетевого информационного поля, так как для коммуникативных актов, происходящих в нем, зачастую свойственны динамичность, изменчивость, ситуативность, проявление децентрализации

коммуникации и другие черты. Цель данной работы – выявить особенности символического наполнения сетевого имиджа одного из региональных лидеров в предвыборный период. Исследовательские задачи обусловлены поставленной целью и включают в себя следующие действия: 1) установление символических компонентов сетевого политического имиджа; 2) сравнение частоты их использования в содержании имиджа; 3) обоснование (интерпретация) выявленных особенностей (связанных с частотностью символических единиц).

Изучение вопросов, посвященных теме политического имиджа, представлено в целом ряде научных работ как российских [3–7], так и зарубежных авторов [8–12]. В различных исследованиях нередко предпринимаются попытки сформулировать точную дефиницию понятия «имидж», например, по мнению Н. А. Синеокой, имидж политического лидера есть «совокупность его образов как личности и профессионала» [13, с. 236], а Т. Н. Пищева отмечает, что имидж зачастую интерпретируется как «специально сконструированное и растиражированное отражение личности политика (власти, партии, страны и т.д.)» [14, с. 47]. В работе, где проводится анализ политического имиджа кандидатов на выборах в США 1984 г., Л. Шилз пишет о том, что в наполнении имиджа кандидата можно встретить такие компоненты, как «характерные атрибуты политика, личностные черты и точное описание их происхождения» [15, р. 18].

Если попытаться выделить конкретные направления исследований в области политического имиджа, популярные в последние годы в научном сообществе, то одним из них будет анализ определенных черт имиджа субъектов политики. В своей недавней работе «(Не)вопрос о стиле руководства?» («(K)Eine Frage des Führungsstils?») Ф. Зёкер, отталкиваясь от событий, связанных с переговорами вокруг ядерного соглашения с Ираном, которые возглавил президент США Б. Обама, и последующим расторжением в одностороннем порядке достигнутого соглашения президентским решением Д. Трампа, поднимает вопрос о значимости личности и стиля руководства президента в ходе межправительственных переговоров и в вопросе соблюдения многосторонних соглашений. В своем исследовании он выявляет и сравнивает между собой стили лидерства президентов Б. Обамы и Д. Трампа, в частности, показывая, что у двух президентов практически одинаковый стиль руководства. Вместе с тем на уровне

лидерских характеристик президенты существенно различались по таким показателям, как «недоверие к другим» («*Misstrauen gegenüber Anderen*») и «фокусированность на конкретной задаче» («*Aufgabenfokus*») [16]. Кроме того, Ф. Зёкер отмечает, что для стиля руководства Д. Трампа свойственно частое проявление такой лидерской черты, как контроль над развитием событий, а также высокий уровень потребности во власти. Этот вывод, по мнению Зёкера, говорит об уверенности Д. Трампа в том, что он имеет решающее влияние на политическую ситуацию и, как и Б. Обама, выбирает активную модель поведения в решении конкретного вопроса [16, S. 81]. Оба политика, как пишет автор, придерживаются директивного стиля руководства [16, S. 83].

Содержательные черты имиджа политического кандидата в предвыборный период (на примере Э. Уоррен, участницы праймериз Демократической партии США 2019–2020 гг.) рассматриваются в недавней работе Н. Раушер и М. Шефер. Авторы показывают, какие нарративы использует данный политик в контексте темы экономического неравенства и как они переплетены между собой с целью придать легитимность ее политической программе. По мнению авторов, анализ коммуникативной стратегии не только дает информацию о ее собственных подходах и взглядах, но также позволяет сделать выводы о подходах, взглядах и коммуникативных стратегиях прогрессивного крыла Демократической партии, которое все чаще призывает к структурным изменениям – к фундаментальной трансформации в США политики государства всеобщего благосостояния – и обращает внимание на необходимость решения проблем, создаваемых американской экономической системой. Речь Уоррен тесно связана с нарративом об американской мечте, достижение которой она хочет сделать возможным для большинства американского населения благодаря заявленным ею политическим проектам [17, S. 224].

Еще одно популярное направление исследований в области политического имиджа – это изучение особенностей и процессов восприятия его содержательного наполнения. Например, Т. Вальдфогель на основе большого массива релевантных эмпирических данных полевого исследования, посвященного теледебатам на федеральных выборах 2017 г. в Германии, утверждает, что телезрители не только избирательно воспринимают ТВ-дебаты через свою партийно-политическую оптику, но и их эмоциональное состояние также оказывает ре-

шающее влияние на процесс восприятия и обработки получаемой политической информации, формирование политических суждений и взглядов [18]. В частности, автор отмечает, что партийная лояльность приводит к формированию в сознании индивидов четких эмоциональных образов политических кандидатов («*emotionalen Kandidatenprofilen*»). Наблюдаемые закономерности в целом были одинаковыми для различных групп сторонников кандидатов (с учетом индивидуальных различий между кандидатами): отрицательные эмоции в адрес собственного кандидата резко отвергались, в то же время были ярко выражены положительные эмоции [18, S. 80]. Заметим, что в рамках исследования Т. Вальдфогеля отчасти затронута и еще одна популярная тематика изучения политического имиджа, а именно роль различных медиа в распространении имиджа кандидата и партии. В частности, основной исследовательский вопрос, обозначенный в одной из работ М. Лайдекер-Зандманн и С. Гайзе, звучит следующим образом: как национальная немецкая пресса освещала стратегии политических партий в преддверии федеральных выборов 2017 г. в Германии? Более детально авторы рассматривают вопросы о том, как часто и какие именно содержательные (связанные с конкретным предвыборным контентом) и коммуникативные стратегии и инструменты каких политических сил и сторон обсуждались в репортажах и сюжетах и как они оценивались в СМИ [19, S. 273].

Отдельного внимания заслуживает, на наш взгляд, вопрос о влиянии тех или иных типов СМИ и медиа на формирование содержания имиджа политического субъекта, например, изучение отражения специфики информационной площадки в символических чертах наполнения имиджа. Авторами ранее была предпринята попытка изучения проявления сетевой коммуникативной логики в имидже политика, который распространялся в интернет-пространстве [20].

Подчеркнем, в данном исследовании рассматривается имидж одного из региональных лидеров. Политические процессы и отношения на региональном и местном уровнях могут ощутимо отличаться от политики федерального масштаба. Неслучайно М. Ангенендт в одной из своих недавних работ пишет о том, что функциональная логика местной политики отличается от логики региональной и федеральной политики (в том числе с точки зрения партийных представителей в органах законодательной власти («*parteiangehöriger Ratsmitglieder*») [21, S. 632]. В этой связи необходимо отметить, что

анализу имиджа политиков регионального и местного уровня также уделяется внимание со стороны научного сообщества, например, рассматривая имидж региональных политиков, Т. Б. Карпова изучает основные характеристики речевых доминант, выраженных в коммуникативных практиках, используемых ими в сетевом пространстве [22]. Сохраняется в последнее время и интерес к анализу региональных электоральных процессов, выдвигаются любопытные исследовательские гипотезы (в частности, З. Штокер в своей работе следующим образом формулирует одну из гипотез: чем выше доля женщин в местном совете (муниципальном органе власти), тем выше явка среди местных избирателей [23, S. 278]).

Несмотря на немалый пласт работ, посвященных теме изучения политического имиджа лидеров и партий, данное широкое тематическое направление по-прежнему остается крайне актуальным. В нем содержится целый ряд аспектов, требующих проведения тщательной научно-исследовательской работы. Это обусловлено, в частности, все возрастающей ролью современных интернет-технологий в функционировании общества и их значимостью в коммуникации между различными политическими субъектами (в том числе в ходе электоральных кампаний). В представленной работе предпринята попытка изучения имиджа одного из региональных лидеров в сетевом информационном поле в предвыборный период (на примере главы Нижегородской области Г. Никитина).

В качестве основного прикладного метода, используемого в работе, выбран качественно-количественный контент-анализ, проведение которого отвечает поставленной исследовательской цели и задачам. Учитывая, что в работе рассматривается символическое содержание непосредственно сетевого имиджа политического лидера, информационный массив составили открытые данные из интернет-пространства – текстовые записи-посты, размещенные главой региона на двух своих официальных интернет-аккаунтах: в мессенджере Telegram¹ и на интернет-платформе поддержки социальных сетей «ВКонтакте»². Уточним, что в информа-

ционном массиве собраны только изначальные текстовые записи регионального лидера, размещенные на двух указанных платформах, без учета его комментариев на записи других пользователей обозначенных социальных медиа.

Временные границы текстовой выборки обусловлены особенностью сформулированной цели исследования: собраны только те записи, которые были размещены в период с 4 мая 2023 г. (так как за день до того, 3 мая, появились новостные сообщения о том, что во время рабочей встречи Президента России и губернатора Нижегородской области В. В. Путин поддержал выдвижение кандидатуры Г. С. Никитина на губернаторские выборы, запланированные на 8–10 сентября 2023 г.³). Несмотря на наличие других возможных точек отсчета для поиска и сбора текстовых данных (например, 31 июля, когда действующий глава региона был официально зарегистрирован в качестве кандидата для участия в губернаторских выборах⁴, или 13 июня, когда кандидатура Г. С. Никитина была выдвинута на выборы главы региона партией «Единая Россия»⁵), мы остановились именно на указанной дате (4 мая 2023 г.), считая ее наиболее релевантной, принимая во внимание политическую значимость итогов встречи Г. С. Никитина с главой государства. Крайняя временная точка составления информационного массива – 5 сентября (момент проведения исследования).

Всего в информационный массив вошли 289 сообщений из Telegram-канала Г. С. Никитина и 36 сообщений с его страницы во «ВКонтакте», размещенные за период с 4 мая по 5 сентября 2023 г. В информационном массиве не приводятся репосты (пересылаемые сообщения с других каналов). Впрочем, их количество незначительно в общем массиве размещаемых на страницах главы региона сообщений. Обращает на себя внимание существенное различие в частоте текстовых записей на разных страницах в социальных медиа. Вместе с тем во «ВКонтакте» записи зачастую превышают по своему объему записи в Telegram, причем нередко они дублируют друг друга, что неудивительно, так как автор подчас повествует об

¹ Официальная страница губернатора Нижегородской области Г. С. Никитина в Telegram. URL: https://t.me/glebnikitin_nn (дата обращения: 28.10.2023). Далее ссылки на данный электронный источник даются в тексте в скобках.

² Официальная страница губернатора Нижегородской области Г. С. Никитина во «ВКонтакте». URL: https://vk.com/glebnikitin_nn (дата обращения: 28.10.2023). Далее ссылки на данный электронный источник даются в тексте в скобках.

³ Официальный сайт интернет-издания «Газета.ru». URL: <https://www.gazeta.ru/politics/news/2023/05/03/20353046.shtml?updated> (дата обращения: 23.10.2023).

⁴ Официальный сайт информационного агентства России ТАСС. URL: <https://tass.ru/politika/18412369> (дата обращения: 23.10.2023).

⁵ Официальный сайт информационного агентства России ТАСС. URL: <https://tass.ru/politika/5288935> (дата обращения: 23.10.2023).

одних и тех же событиях. С точки зрения описания событий Telegram используется для их чуть более детального освещения, чем «ВКонтакте». На страницах главы региона на обеих платформах приводится большое количество фотоматериалов, а также (но значительно реже) – небольшие видеоролики. Подчеркнем, в данном исследовании наше внимание сконцентрировано исключительно на текстовых данных. Объем выборки выглядит вполне достаточным для проведения текстового анализа качественно-количественного типа, учитывая также, что нас интересует именно предвыборный период в деятельности регионального лидера.

Смысловой единицей при проведении контент-анализа стал имиджево-ролевой конструкт, единицей счета – непосредственно текстовые записи на страницах главы региона в социальных медиа. Имиджево-ролевой конструкт, под которым подразумевается «обобщенная совокупность содержательно-смысловых компонентов и символов, с помощью которых демонстрируется позиция и действия лидера в отношении целого ряда вопросов различной функционально-тематической направленности» [24, с. 26], составляет теоритико-концептуальную основу проводимого исследования. В одной из предыдущих работ был выявлен и проанализирован ряд данных символическо-смысловых единиц в наполнении имиджа одного из политических лидеров, а именно: «командный игрок», «организатор», «хозяйственник», «открытый лидер, слышащий общество», «кризисный менеджер», «лидер, устремленный в будущее», «болельщик», «строитель», «человек, знающий и чтущий историю страны/города», «человек, интересующийся культурой и искусством», «семьянин» и т.д. [24, с. 29–30].

В своем исследовании мы постараемся выявить наличие подобных символических конструктов в содержании имиджа регионального лидера в предвыборный период, а при помощи сравнительного анализа – установить степень распространенности в имиджевом наполнении каждого из выявленных конструктов. Представляет немалый интерес вопрос о том, на каких именно символических аспектах в имидже регионального лидера делается акцент в относительно краткосрочный по своей продолжительности (но при этом зачастую насыщенный различными событиями) предвыборный период.

По итогам текстового анализа сообщений, размещенных за предвыборный период на офи-

циальных страницах политического лидера в Telegram и «ВКонтакте», удалось выявить целый ряд имиджево-ролевых конструктов. Перечень наиболее часто используемых из них выглядит следующим образом.

1. «Хозяйственник» (в частности, сообщение от 20 июня глава региона посвящает теме возрождения скоростного пассажирского флота, делясь своими ожиданиями от пуска скоростного судна на подводных крыльях «Метеор» из Нижнего Новгорода до Казани, Ульяновска, Костромы и Ярославля (https://t.me/glebnikitin_nn/2622), а в сообщении от 15 августа среди других тем пишет об обсуждении вопросов содержания благоустроенных территорий в историческом центре г. Арзамаса Нижегородской области (https://vk.com/glebnikitin_nn?w=wall-210984914_92870)).

2. «Лидер, который в курсе различных деталей актуальных проблем» (в частности, в сообщении от 23 мая в своем Telegram-канале глава региона рассказывает об участии на форуме в Шанхае и о том, что в своем выступлении он представил конкретный перечень предложений от российского бизнеса (перечисляя эти предложения), по поводу которых он, в свою очередь, ранее предметно общался с нижегородскими предпринимателями в ходе другого форума – «Лидеры инвестиций» (https://t.me/glebnikitin_nn/2391); в сообщении от 21 августа во «ВКонтакте» Г. С. Никитин детально описывает посещение сразу нескольких городов Нижегородского региона – Заволжья, Городца и Балахны, – приводя не только информацию о конкретных мероприятиях в рамках своего визита в указанные города, но и демонстрируя погружение в детали конкретных вопросов, осведомленность о мнении жителей (например, читая комментарии в социальных медиа), знание статистики (в частности, количество закупаемых автобусов для муниципалитетов) и т.д. (https://vk.com/glebnikitin_nn?w=wall-210984914_94280)).

3. «Лидер, устремленный в будущее» (например, 1 июня глава региона рассказал в своем Telegram-канале о встрече с председателем Правительства РФ М. В. Мишустиним, где, в частности, обсуждался ряд проектов, требующих федеральной поддержки, в том числе благоустройство территории недалеко от возводимого в Нижнем Новгороде Ледового дворца (https://t.me/glebnikitin_nn/2492), а в сообщении от 15 июня глава региона пишет о подписанных соглашениях на Петербургском международном экономическом форуме (ПМЭФ–2023), где

в том числе указываются объемы инвестиций и количество планируемых рабочих мест, которые будут созданы в области (https://vk.com/glebnikitin_nn?w=wall-210984914_83467)).

4. «Организатор» (1 августа в своем сообщении глава региона поблагодарил президента страны за поддержку его региональной инициативы, в частности, в вопросе возрождения скоростного флота на Волге (https://t.me/glebnikitin_nn/2930), текстовая запись от 31 мая посвящена конференции «Цифровая индустрия промышленной России» (ЦИПР), организуемой по традиции на Нижегородской земле, а ее главной площадкой выступила Нижегородская ярмарка (https://vk.com/glebnikitin_nn?w=wall-210984914_80232)).

5. «Командный игрок» (данный символической конструкт присутствует в текстовой записи, посвященной открытию в Нижнем Новгороде Школы креативных индустрий совместно с Министерством культуры РФ в рамках проекта «Придумано в России» (где выражается благодарность за визит заместителю министра Н. А. Преподобной) (https://t.me/glebnikitin_nn/3136), в сообщении-поздравлении жителей Перми с юбилеем (причем за основу взят репост сообщения губернатора Пермского края Д. Н. Махонина) (https://t.me/glebnikitin_nn/2560), а также в новостной записи о встрече с Д. Н. Чернышенко, заместителем председателя Правительства РФ на площадке уже указанной ранее конференции ЦИПР (https://vk.com/glebnikitin_nn?w=wall-210984914_80232)).

6. «Строитель» (в записи в Telegram от 11 мая глава региона рассказывает о встрече с заместителем председателя Правительства России М. Ш. Хуснуллиным, где обсуждалось развитие в Нижегородской области строительной отрасли (приведены показатели количества введенных в эксплуатацию квадратных метров жилья за январь–март 2023 г. и отмечается рост данных показателей) (https://t.me/glebnikitin_nn/2327), а 7 июля на своей странице во «ВКонтакте» Г. С. Никитин, рассказывая о встрече с В. А. Третьяком, пишет о ходе строительных работ по возведению Ледового дворца (приводя информацию о том, сколько металлоконструкций уже смонтировано, а сколько поставлено на площадку для монтажа) (https://vk.com/glebnikitin_nn?w=wall-210984914_86682)).

7. «Открытый лидер, слушающий общество» (25 мая в своем Telegram-канале Г. С. Никитин написал о том, что после многочисленных обращений жителей города было принято решение

о проведении комплексного благоустройства берегов р. Борзовка (помимо мероприятий по очистке ее русла), расположенной в одном из районов областного центра (https://t.me/glebnikitin_nn/2415), а 25 августа на своей странице во «ВКонтакте» он рассказал об участии в работе территориальной стратегической сессии в г. Балахна (это мероприятие, на котором совместно с жителями Балахнинского муниципального округа обсуждался план развития данной территории (интегрированный со Стратегией социально-экономического развития Нижегородской области до 2035 года), причем жители сами предлагали свои проекты в таких областях, как экология, туризм, транспорт) (https://vk.com/glebnikitin_nn?w=wall-210984914_95432)).

8. «Человек, знающий и чтущий историю страны/города» (текстовую запись от 22 июня губернатор посвятил Дню памяти и скорби, напомнив, сколько горьковчан ушли на фронт во время Великой Отечественной войны (https://t.me/glebnikitin_nn/2631), а в день 802-летней годовщины основания Нижнего Новгорода на его странице во «ВКонтакте» появилось историческое видео, посвященное городу (https://vk.com/glebnikitin_nn?w=wall-210984914_93558)).

9. «Человек, интересующийся культурой и искусством» (в записи от 14 мая губернатор области написал о проведении фортепианного фестиваля «Pianissimo», в том числе – в нижегородских «Пакагузах на Стрелке» (https://t.me/glebnikitin_nn/2330), а 6 июля сообщил на своей странице во «ВКонтакте» об открытии в Нижнем Новгороде фестиваля искусств «Горький +» (https://vk.com/glebnikitin_nn?w=wall-210984914_86960)).

10. «Кризисный менеджер» (в сообщении от 10 июля глава региона пишет, что в связи со сложными погодными условиями по его поручению организован и проведен оперативный штаб по вопросам работы ресурсоснабжающих организаций, а также о том, что функционирование профильных организаций области продолжается в усиленном режиме (https://t.me/glebnikitin_nn/2784); 8 августа сообщил о проведении обсуждения по проблеме вывоза мусора, прежде всего на севере области, указав, в частности, на большое количество жалоб от жителей северных районов и заверив граждан в реализации плана жесткого и оперативного реагирования в связи с возникшей проблемой (https://vk.com/glebnikitin_nn?w=wall-210984914_91007)).

11. «Лидер, представляющий общество» (обозначенный символической конструкт

проявляется, по нашему мнению, тогда, когда лидер говорит от имени общества и вместе с обществом, например, в сообщении от 26 мая глава региона пишет: «...мы сегодня чествуем другой город – наш любимый Дзержинск!» (https://t.me/glebnikitin_nn/2423), а в сообщении от 9 июля пишет: «Представители более 40 регионов приехали к нам на праздник!» (https://vk.com/glebnikitin_nn?w=wall-210984914_86960)).

12. «Семьянин» (9 Мая, в День Победы, глава региона рассказал историю своих дедов, которые во время Великой Отечественной войны, находясь ещё в подростковом возрасте, работали наравне со взрослыми на промышленных предприятиях в Челябинске и Ленинграде (https://vk.com/glebnikitin_nn?w=wall-210984914_76385), а сообщение от 8 июля губернатор посвятил Дню семьи, любви и верности, указав также круглую дату совместной, семейной жизни, которую они отметили с супругой в 2023 г. (https://t.me/glebnikitin_nn/2742)).

13. «Болельщик» (16 мая губернатор на одной из своих интернет-страниц призвал поддержать мужскую молодежную областную команду «Торпедо Sub21» на Кубке мира по футболу в Бразилии (https://vk.com/glebnikitin_nn?w=wall-210984914_77346), а 3 сентября поделился положительными эмоциями от первой игры и первой победы нижегородской команды

«Торпедо» в новом сезоне Континентальной хоккейной лиги (КХЛ) (https://t.me/glebnikitin_nn/3229)).

Отмечаем широкое разнообразие символично-смысловых конструктов, встречающихся в содержании имиджа глава Нижегородской области Г. С. Никитина в предвыборный период в интернет-пространстве. Впрочем, их частота встречаемости отличается в зависимости от конкретного конструкта. Показатели частотности установленных в информационном массиве символично-смысловых единиц отражены в таблице. В ней представлена статистика сразу по двум источникам информации: официальный Telegram-канал губернатора и его страница во «ВКонтакте». Учитывая, что в каждом конкретном сообщении мог быть представлен не один, а несколько имиджево-ролевых конструктов, общий показатель выявленных (и указанных в таблице) конструктов превышает значение в 100%.

Результаты текстового анализа позволили установить относительную близость показателей частоты встречаемости различных имиджево-ролевых конструктов в записях как на странице Г. С. Никитина в Telegram, так и во «ВКонтакте», что неудивительно, учитывая пересечения описываемых событий и освещаемых вопросов главой региона в разных медиа.

Доля имиджево-ролевых конструктов в сообщениях, размещенных на официальных страницах губернатора Нижегородской области Г. С. Никитина в Telegram и «ВКонтакте» за период с 4 мая по 5 сентября 2023 г., %

Имиджево-ролевые конструкты	Доля сообщений от общего числа записей в Telegram	Доля сообщений от общего числа записей во «ВКонтакте»
Хозяйственник	53,29	63,89
Командный игрок	39,10	52,78
Лидер, который в курсе различных деталей актуальных проблем	36,33	50,00
Лидер, устремленный в будущее	33,91	33,33
Организатор	26,30	27,78
Лидер, знающий и чтущий историю страны/города	23,53	30,56
Лидер, интересующийся культурой и искусством	16,26	16,67
Строитель	15,22	25,0
Открытый лидер, слышащий общество	13,15	22,22
Кризисный менеджер	5,54	8,33
Болельщик	4,50	2,78
Лидер, представляющий общество	3,81	8,33
Семьянин	1,38	2,78

Особенно близкими оказались процентные значения таких имиджево-ролевых конструктов, как «лидер, интересующийся культурой и искусством», «лидер, устремленный в будущее», «организатор» и т.д. Перечень четырех самых часто встречаемых символично-смысловых конструктов одинаков и в Telegram-канале, и в на странице во «ВКонтакте». В обоих случаях самым часто встречаемым имиджево-ролевым конструктом стал «хозяйственник», далее в одинаковом порядке и с определенным отставанием (а в Telegram – с существенным) идут «командный игрок», «лидер, который в курсе различных деталей актуальных проблем» и «лидер, устремленный в будущее».

Несколько менее часто встречаемыми в имидже политического лидера стали такие символично-смысловые конструкты, как «организатор» (пятое место в Telegram и шестое место во «ВКонтакте»), «лидер, знающий и чующий историю страны/города» (шестое место в Telegram и пятое место во «ВКонтакте»), «лидер, интересующийся культурой и искусством» (седьмое место в Telegram и девятое место во «ВКонтакте»), «строитель» (восьмое место в Telegram и седьмое место во «ВКонтакте») и «открытый лидер, слышащий общество» (девятое место в Telegram и восьмое место во «ВКонтакте»).

Для большего удобства при интерпретации выявленных показателей введем некоторую условную градацию (в том числе принимая во внимание принципы выявления наличия символично-смысловых единиц и полученные итоговые значения): высокая степень частоты встречаемости конкретного имиджево-ролевого конструкта (от 33% и выше), средняя степень (от 16 до 32% включительно) и малая степень частотности (от 1 до 15% включительно).

Проведенный анализ позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, вновь отметим относительно близкие результаты частотности разных имиджево-ролевых конструктов, представленных в текстовых записях на двух изучаемых интернет-платформах, что в некоторой степени говорит и о близости функций, которые они выполняют с точки зрения распространения символично-смысловых черт политического имиджа. Это говорит о том, что политический лидер, несмотря на более частое размещение постов в мессенджере Telegram, чем на платформе «ВКонтакте», транслирует на обеих площадках преимущественно аналогичные компоненты собственного имиджа, что свидетельствует о целостности наполнения имиджа, его универсальности для разных сетевых информацион-

ных площадок. Впрочем, отметим, что в анализе не использованы тексты ответных сообщений-комментариев от главы региона на комментарии под его постами со стороны других пользователей. Подчеркнем, что политический лидер в данном случае (на своей странице во «ВКонтакте») регулярно отвечает на вопросы и комментарии других пользователей сети.

Во-вторых, самым часто используемым имиджево-ролевым конструктом стал «хозяйственник», в символическом наполнении которого выделяются как минимум два базовых тематических направления: развитие экономики и экономических связей региона и благоустройство различных объектов, в том числе инфраструктурных и природных. Акцент на обозначенных направлениях выглядит неслучайным и при этом является эффективным с точки зрения продвижения имиджа политического лидера, так как обозначенные темы нередко вызывают повышенный интерес аудитории, и демонстрация активности политика в направлении решения подобных вопросов способна повысить степень лояльности к нему со стороны общества и его легитимности в целом.

В-третьих, высокая частота встречаемости имиджево-ролевого конструкта «командный игрок» свидетельствует о том, что в содержании имиджа регионального лидера обращается особое внимание на его включенность и интеграцию в систему власти (прежде всего исполнительную) как на вертикальном уровне (координация действий с федеральным центром), так и на горизонтальном (взаимодействие с руководителями других субъектов РФ). Здесь демонстрируется сразу несколько значимых сигналов: 1) существует рабочая система управления, в которой ее представители активно взаимодействуют друг с другом, развивая при этом свои регионы и государство в целом; 2) губернатор области играет важную роль в этих процессах, являясь одним из активных звеньев в данной рабочей системе управления. Обозначенные сигналы способны повлиять на повышение уверенности общества в функционирующей системе властного управления, ее активности и готовности выполнять различные задачи развития общества и, как результат, усилить и уровень доверия как всей системе, так и ее отдельным звеньям и субъектам (например, лидеру конкретного региона).

В-четвертых, часто используется и такой символично-смысловой конструкт, как «лидер, который в курсе различных деталей актуальных проблем», что проявляется в демонстри-

ровании в текстовых записях активного погружения в специфику той или иной темы или события, приведение исторических справок и статистических данных, упоминание обращений со стороны общества в целом и его отдельных сегментов в частности и т.д. Обозначенные коммуникативные акты усиливают эффект аргументированности и обоснованности приводимой в сообщении информации, способны заставить читателя погрузиться подробнее в тематику записи, что дополняется и параллельно размещаемыми фото- и видеоматериалами. Подобные приемы, безусловно, оказывают важное влияние на отношение аудитории к имиджу политического лидера.

В-пятых наличие имиджево-ролевого конструкта «лидер, устремленный в будущее» в ходе предвыборной кампании вполне объяснимо, учитывая, что кандидату необходимо продемонстрировать обществу некую модель-образ будущего. В демонстрации подобной модели используются как детали (описание будущих проектов, статистических данных и т.д.), что делает подобный образ более предметным, так и более расплывчатые, абстрактные цели, которые, в свою очередь, апеллируют в большей степени к воображению индивида, самостоятельно представляющего себе этот образ на основании услышанной или прочитанной им цели. В результате оказывается комплексное воздействие на сознание индивида как с помощью детальной информации, так и более абстрактной.

В-шестых, необходимо обратить внимание на те имиджево-ролевые конструкты, которые встречаются в текстовом массиве со средней степенью частотности: «организатор», «лидер, знающий и чтущий историю страны/города», «лидер, интересующийся культурой и искусством», «строитель» (свойственны для записей, размещенных и в Telegram, и во «ВКонтакте») и «открытый лидер, слышащий общество» (свойственно для записей, размещенных во «ВКонтакте»). Наличие указанных символично-смысловых единиц в имидже политического лидера свидетельствует о целом ряде его имиджевых черт: активности и инициативности («организатор», «строитель»), погружении в историко-культурные аспекты, связанные с Нижегородской землей и Российским государством в целом, а также о его открытости для аудитории и готовности обсуждать назревшие в социуме проблемы («открытый лидер, слышащий общество»). Вместе с тем отметим, что обозначенным символическим имиджевым чертам в ходе предвыборной кампании уделялось меньше

внимания, чем тем чертам, которые были отмечены в предыдущих пунктах (связанные с четырьмя наиболее популярными имиджево-ролевыми конструктами), что говорит об определенных акцентах, сделанных в текстовых сообщениях главы региона на указанных интернет-площадках.

В целом формат научной статьи не позволяет подробно описать особенности проявления каждого из установленных имиджево-ролевых конструктов, поэтому в данном исследовании представлено краткое отображение наиболее часто встречаемых символично-смысловых компонентов в наполнении имиджа регионального лидера в электоральный период.

Итак, в ходе электоральной кампании большое значение приобретают процессы формирования и распространения имиджа политического субъекта. Учитывая степень распространения в современном обществе интернет-технологий, их роль в политических процессах и отношениях, вопросы, связанные с построением имиджа в сетевом информационном поле, приобретают особое значение. В данной работе при помощи концепта имиджево-ролевого конструкта проанализировано символично-смысловое содержание имиджа одного из региональных руководителей в предвыборный период в сетевом коммуникативном пространстве (на интернет-платформах Telegram и «ВКонтакте»). Установлено, что самым часто встречаемым имиджево-ролевым конструктом стал «хозяйственник», также высокая степень частотности наблюдается у следующих символично-смысловых единиц: «командный игрок», «лидер, который в курсе различных деталей актуальных проблем» и «лидер, устремленный в будущее». Использование подобного инструментария позволило выявить различные аспекты имиджа политического лидера и сделать выводы о наличии/отсутствии разных акцентов в его символическом содержании.

Список литературы

1. Holderberg P., Ballowitz J. Politisierung durch Zwang? // Zeitschrift für Politikwissenschaft. 2020. Bd. 30, № 3. S. 401–423. <https://doi.org/10.1007/s41358-020-00217-4>
2. Merten H. Wahlen in Pandemiezeiten – ein juristisches Risikogebiet // Zeitschrift für Politikwissenschaft. 2021. Bd. 31, № 1. S. 61–69. <https://doi.org/10.1007/s41358-021-00259-2>
3. Василенко С. А., Дебольская А. А. Женщина-политик: эволюция имиджа на примере Терезы Мэй и Юлии Тимошенко // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2020. № 3 (32). С. 33–36.

4. Головченко А. В. Имиджевые инверсии либерального лидерства в современной России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 457–462. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2018-18-4-457-462>
5. Канюков А. Н. Убедить россиянина. Структура убеждающего воздействия в формировании имиджевых характеристик депутатов Законодательного собрания Санкт-Петербурга // Вестник Пермского университета. Политология. 2018. Т. 18, вып. 2. С. 124–146. <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2018-2-124-146>
6. Курманина Т. С. Особенности формирования имиджа региональных политических лидеров // Вестник науки и образования. 2017. № 8 (32). С. 44–46.
7. Толкалов А. С. Сущность политического имиджа: отечественный и зарубежный опыт теоретического осмысления // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2013. Т. 13, вып. 2. С. 72–75. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2013-13-2-72-75>
8. Bird R. T., Hickey H. K., Leavitt M. J., Robinson J. L. The dark authoritarians: Profiling the personality, emotional style, and authoritarian attitudes of the major American parties // Personality and Individual Differences. 2022. Vol. 186. Pt. B. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2021.111298>
9. Coakley J., Garry J., Matthews N., O'Leary B. Party images in Northern Ireland: Evidence from a new dataset // Irish Political Studies. 2019. Vol. 34, № 1. P. 1–24. <https://doi.org/10.1080/07907184.2018.1499621>
10. Severt K., Hahn J. J. Impact of political event and political affiliation on destination image and a longitudinal approach of image change // Journal of Destination Marketing & Management. 2020. Vol. 15. <https://doi.org/10.1016/j.jdmm.2019.100406>
11. Warren C., Schneider Sh., Smith K. B., Hibbing J. R. Motivated viewing: Selective exposure to political images when reasoning is not involved // Personality and Individual Differences. 2020. Vol. 155. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2019.109704>
12. Wright J. D., Tomlinson M. F. Personality profiles of Hillary Clinton and Donald Trump: Fooled by your own politics // Personality and Individual Differences. 2018. Vol. 128. P. 21–24. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2018.02.019>
13. Синеокая Н. А. Имидж политика, формируемый в современных электронных СМИ (на примере женщин-политиков Германии) // Филология и просвещение. Научное, педагогическое, краеведческое наследие Н. М. Лебедева : материалы конференции (Тверь, 22–23 сентября 2017 г.). Тверь : ООО «СФК-офис», 2017. С. 235–242. EDN: YOHAOV
14. Пищева Т. Н. Политические образы: проблемы исследования и интерпретации // Полис. Политические исследования. 2011. № 2. С. 47–52.
15. Shyles L. Profiling candidate images in televised political spot advertisements for 1984: Roles and realities of presidential jousts at the height of the Reagan Era // Political Communication. 1988. Vol. 5, iss. 1. P. 15–31. <https://doi.org/10.1080/10584609.1988.9962835>
16. Söker Ph. (K)Eine Frage des Führungsstils? // Zeitschrift für Internationale Beziehungen. 2021. Jahrgang 28. Heft 1. S. 68–100. <https://doi.org/10.5771/0946-7165-2021-1-68>
17. Rauscher N., Schäfer M. Leveling the playing field – Kommunikationsstrategien und Ungleichheitsnarrative des linken Diskurses im Umfeld der Demokratischen Partei der USA // Zeitschrift für Politikwissenschaft. 2022. Bd. 32, № 1. S. 221–249. <https://doi.org/10.1007/s41358-021-00275-2>
18. Waldvogel T. Alles Wut? Der Einfluss von Emotionen auf die Wahrnehmung und Wirkung von TV-Debatten am Beispiel der Bundestagswahl 2017 // Zeitschrift für Politikwissenschaft. 2020. Bd. 30, № 1. S. 53–86. <https://doi.org/10.1007/s41358-020-00211-w>
19. Leidecker-Sandmann M., Geise S. Tradition statt Innovation. Die deutsche Presseberichterstattung über die Wahlkampfstrategien der Parteien zur Bundestagswahl 2017 // Studies in Communication and Media. 2020. Jahrgang 9. Heft 2. S. 264–307. <https://doi.org/10.5771/2192-4007-2020-2-264>
20. Каминченко Д. И. Сетевизация символического поля публичной политики (на примере политического имиджа регионального лидера) // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2022. Т. 18, № 4. С. 425–441. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2022.405>
21. Angenendt M. Rage against the party machine? Wählergemeinschaften als Alternative im kommunalpolitischen Wettbewerb // Zeitschrift für Politikwissenschaft. 2021. Bd. 31, № 4. S. 627–641. <https://doi.org/10.1007/s41358-021-00301-3>
22. Карнова Т. Б. Пермский политический дискурс в Сети интернет глазами лингвиста // Медиаскоп : электронный научный журнал. 2011. № 1. С. 11. URL: <http://www.mediascope.ru/node/754> (дата обращения: 23.10.2023).
23. Stocker S. Frauen in der lokalen Politik und kommunale Wahlbeteiligung. Ein Fall für deskriptive Repräsentation? // Politische Vierteljahresschrift. 2023. Bd. 64, № 2. S. 269–292. <https://doi.org/10.1007/s11615-022-00434-2>
24. Каминченко Д. И. Особенности политического имиджа регионального лидера в интернет-пространстве // Вестник Пермского университета. Политология. 2021. Т. 15, № 3. С. 24–39. <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2021-3-24-39>

Поступила в редакцию 31.10.2023; одобрена после рецензирования 15.11.2023; принята к публикации 25.11.2023
 The article was submitted 31.10.2023; approved after reviewing 15.11.2023; accepted for publication 25.11.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 90–97

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 90–97

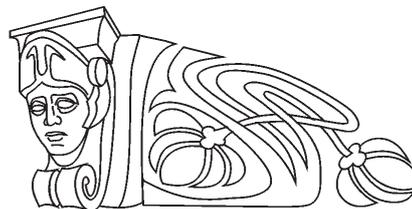
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-1-90-97>, EDN: PDAXRI

Научная статья

УДК 32.019.51

Особенности формирования повестки дня в мессенджере Telegram

Г. В. Лукьянова , А. Ю. Соловьев

¹Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9

²Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, Россия, 117418, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 51/21

Лукьянова Галина Владимировна, кандидат политических наук, ¹доцент кафедры политических институтов и прикладных политических исследований; ²научный сотрудник отдела политической науки, g.lukiyanova@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1260-2124>

Соловьев Аркадий Юрьевич, ¹аспирант кафедры политических институтов и прикладных политических исследований, ²младший научный сотрудник отдела политической науки, st054795@student.spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7956-5439>

Аннотация. Статья посвящена аспектам формирования повестки дня в русскоязычных каналах мессенджера Telegram. В рамках классической модели М. Маккомбса и Д. Шоу анализируются основные принципы формирования повестки дня традиционными медиа. Опираясь на результаты более поздних исследований в области формирования повестки дня в цифровом пространстве, авторы выделяют преимущества социальных медиа в качестве платформ коммуникации и потенциальные причины их возрастающей популярности среди как индивидов, так и политических акторов. Кроме того, последовательно описываются релевантные в контексте политической коммуникации особенности мессенджера Telegram, такие как отсутствие строгой модерации контента, акцент на скорости обмена информацией, обеспечение конфиденциальности пользователей, а также необходимости индивидуального подхода к формированию информационного поля отдельного пользователя. На основе описания характеристик платформы предлагается модель формирования повестки, предполагающая разделение каналов на два уровня: производителей информационного контента и агрегаторов/интерпретаторов новостей. Также выдвигается предположение, что именно каналы, агрегирующие и интерпретирующие информацию за счет развитой сети ссылок, имеют наибольший потенциал формирования повестки для своей аудитории. Для проверки модели было проведено пилотажное исследование, в рамках которого посредством сервиса Tgstat были выбраны по 10 наиболее цитируемых каналов из разделов «СМИ и новости» и «Политика» за октябрь 2023 г. Далее в анализ были включены не более чем 50 каналов, ссылки на которые чаще всего упоминались авторами. Сделан вывод о том, что в мессенджере могут сосуществовать несколько повесток в рамках различных тематических блоков. Тематические блоки же формируются посредством сети ссылок на каналы, которые наиболее популярны площадки платформы помещают в своей новостной ленте.

Ключевые слова: Telegram, повестка дня, социальные медиа, политическая коммуникация, общественное мнение

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования РФ и Экспертного института социальных исследований (проект «Механизмы формирования повестки дня в каналах “Telegram”» № 123091200070-7).

Для цитирования: Лукьянова Г. В., Соловьев А. Ю. Особенности формирования повестки дня в мессенджере Telegram // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 90–97. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-1-90-97>, EDN: PDAXRI

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Features of agenda setting in Telegram

G. V. Lukyanova , A. Yu. Solovev

St. Petersburg University, 7–9 Universitetskaya Emb., St. Petersburg 199034, Russia

Institute of Scientific Information for Social Sciences RAS, 51/21 Nakhimovsky Ave., Moscow 117418, Russia

Galina V. Lukyanova, g.lukiyanova@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1260-2124>

Arkadii Yu. Solovev, st054795@student.spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7956-5439>

Abstract. This article focuses on the aspects of agenda formation in Russian-language Telegram messenger channels. Within the framework of the classical model of M. McCombs and D. Shaw, the main principles of agenda setting by traditional media are analyzed. Building upon the findings of more recent research in the field of agenda setting in the digital space, the authors highlight the advantages of social media as communication platforms and potential reasons for their increasing popularity among both individuals and political actors. Furthermore, the relevant features

of the Telegram messenger in the context of political communication are systematically described, such as the lack of strict content moderation, emphasis on the speed of information exchange, user privacy, and the need for an individualized approach to shaping the information field for each user. Based on the platform's characteristics, a model for agenda formation is proposed, which involves categorizing channels into two levels: content information producers and news aggregators/interpreters. The hypothesis is also put forward that channels that aggregate and interpret information through an extensive network of links have the greatest potential for setting the agenda for their audience. To test the model, a pilot study was conducted using the Tgstat service, where the top 10 most cited channels from the "Media and News" and "Politics" categories for October 2023 were selected. Subsequently, no more than 50 channels were included in the analysis, those which were most frequently mentioned by the popular authors. The researchers conclude that multiple agendas can coexist within the messenger within various thematic blocks. These thematic blocks are formed through the network of links to channels that the most popular platforms on the messenger feature in their news feeds.

Keywords: Telegram, agenda setting, social media, political communication, public opinion

Acknowledgments: This work was supported by the Russian Ministry of Science and Higher Education and the Expert Institute of Social Sciences (project "The Mechanisms of Agenda Setting in Telegram Channels" No. 123091200070-7).

For citation: Lukyanova G. V., Solov'ev A. Yu. Features of agenda setting in Telegram. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 90–97 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-1-90-97>, EDN: PDAXRI

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Повестка дня («agenda») понимается как совокупность сюжетов и вопросов, которые считаются наиболее важными в обществе в определенный момент времени, а ее формирование («agenda-setting») представляет собой процесс целенаправленной имплантации СМИ сюжетов в представления аудитории [1, с. 110]. В ключевом для данной теории исследовании М. Маккомбс и Д. Шоу выдвинули гипотезу о том, что СМИ создают повестку для каждой политической кампании, формируя актуальность отношения к политическим темам [2, р. 177]. Используя корреляционный анализ, исследователи пришли к следующему выводу: избиратели, как правило, руководствуются позицией основных СМИ относительно важности отдельных вопросов в рамках изученной ими избирательной кампании. Уже в 1973 г. Г. Франкхаузер получил схожие результаты, сравнив содержание известных печатных изданий со статистическими значениями показателей опросов общественного мнения, в том числе количества присутствующих на демонстрациях людей, хотя и заметил, что сила связи может зависеть от методологического инструментария исследований [3, р. 71]. Установив зависимость между текущей повесткой СМИ и приоритетными вопросами для аудитории, он обнаружил и несоответствие между реальным положением дел и вниманием СМИ к конкретным темам. В дальнейшем исследователи продолжили изучать ограничения теории. Например, оказалось, что уровень политической грамотности и степень доступности информации влияют на подверженность индивидов данному эффекту [4, р. 551]. В последней четверти XX в. исследователи обратили свое внимание на тех, кто определяет приоритетность новостей, обнаружив важную роль специфики работы ньюс-

мейкеров, различия точек зрения журналистов и редакторов, организации работы новостных компаний.

Несмотря на наличие многочисленных исследований, подтверждающих существование эффекта формирования повестки дня, он имеет значительные недостатки. По замечанию Е. Г. Дьяковой, процесс формирования повестки дня является достаточно хаотичным, а СМИ лишь создают образ реальности, в котором индивид самостоятельно принимает решения [1, с. 119]. Более того, с развитием социальных медиа, которые стали площадками активного обсуждения фактов реальности и виртуальности с минимальным порогом входа, оказалось, что для анализа повестки дня теперь в исследовании необходимо включать все большее количество акторов: обозревателей политики, группы и каналы в социальных сетях и т.д.

Недавние исследования влияния социальных сетей на восприятие индивидами актуальности тех или иных политических проблем демонстрируют усиление роли соцсетей в формировании повестки дня [5, р. 484]. Этому способствует ряд преимуществ перед традиционными медиа. Например, социальные медиа позволяют более оперативно влиять на события, не зависеть от редакционной политики издания и, соответственно, делиться контентом практически в неограниченных масштабах. Одной из важных особенностей социальных медиа, в том числе для данной работы, является возможность формирования «политических информационных циклов», состоящих из репостов, комментариев, обзоров и иных способов реакции, которые могут включать в себя разнообразный спектр участников [6, р. 7]. Таким образом, и политики, и политически активные индивиды имеют возможность повлиять на актуальность

того или иного события, провоцируя или развивая дискуссию в социальных сетях. Данный процесс описывается через общее понятие «построение повестки дня» («agenda building»), который представляет собой формирование актуального набора тем и событий посредством взаимодействия политических акторов, СМИ и публики, которая в современном мире также влияет на формирование контура общественного дискурса [7, р. 282]. Четырехступенчатый процесс, выделенный исследователями, в качестве основного фактора называет количество итераций, которые происходят между политиками, СМИ и общественностью в процессе обсуждения новостей. Несмотря на то что данная теория была предложена еще до появления социальных медиа, она в общем виде согласуется с тем, как информация распространяется в социальных медиа сегодня. Например, Дж. Пармели зафиксировал тенденцию к трансформации публикаций политиков в социальных медиа в новостные материалы [8, р. 442].

В современной структуре формирования повестки дня все большее влияние на актуальность проблемы в публичном поле оказывает внимание лидеров общественного мнения и пользователей. Тренды социальных сетей, формируемые на основе таких переменных, как просмотры, комментарии, отметки, могут формировать представление о важности того или иного видения событий общественной жизни и в таком случае обращают на себя все большее внимание политиков и журналистов [9, р. 252]. При этом возрастающая роль интернет-платформ способствует тому, что различные форматы медиа могут существовать и развиваться в качестве как традиционного СМИ, так и медиаресурса в социальной сети. Согласно теории конвергенции различные медийные ресурсы становятся все больше похожи друг на друга под влиянием новых способов коммуникации между индивидами [10, р. 62]. Таким образом, повестка дня сегодня непрерывно конструируется во взаимодействии различных акторов публичной сферы, что определяет необходимость фиксации актуальных паттернов распространения политически-релевантной информации.

Однако было бы чрезмерным упрощением представлять социальные медиа в качестве похожих друг на друга платформ. В продолжение представления М. Маклюена о том, что посредник также является сообщением, тип интернет-платформы может диктовать собственные правила, которые также будут влиять на тип контента, который распространяется и стано-

вится более популярным [11, р. 101]. Изучая коммуникацию в виртуальном пространстве, необходимо фиксировать технологические и коммуникативные аспекты конкретной платформы, которые и определяют характерные особенности процессов коммуникации между пользователями [12, с. 259].

Во-первых, данная платформа позиционирует себя как инструмент для оперативного обмена сообщениями, что предполагает, скорее, межличностную коммуникацию между индивидами, как минимум один из которых обладает контактами другого. Тем не менее, с возможностью создавать публично доступные каналы и каналы с модерацией пользователей платформа также стала рассматриваться как удобная лента новостей, в которой информация может передаваться от СМИ или лидера общественного мнения к пользователю, при этом не теряя формат короткого сообщения. Во-вторых, из-за позиционирования открытости платформы практически отсутствует модерация контента со стороны мессенджера. Таким образом, позиционирование платформы как пространства неограниченного общения потенциально способствует как повышению доверия со стороны пользователей, которые могут позитивно оценивать умеренный подход к модерации и делать вывод о непредвзятости платформы, так и формированию тематических групп, контент которых непопулярен среди пользователей платформы или запрещен политикой других платформ.

В-третьих, необходимо отметить дополнительный фактор – индивидуальный подбор каналов каждым пользователем. Из-за отсутствия алгоритмической системы рекомендаций пользователи преимущественно переходят в каналы по ссылкам либо из внешних источников, либо из других каналов внутри платформы. То есть условием попадания в то или иное информационное поле является, как правило, наличие у пользователя ссылки на него. Кроме того, важной частью политики платформы является способность ограничить возможности других пользователей верифицировать пользователя отдельного аккаунта или владельца канала. Более того, иногда, поскольку при публикации информации приоритет отдается, скорее, потенциальной вирусности контента и возможности опубликовать информацию оперативно, процесс верификации информации в целом становится достаточно затруднителен. Данный фактор способствует распространению конспиративных теорий внутри платформы, что ранее уже фиксировалось исследователями [13, р. 15].

Несмотря на то что пользователи могут сигнализировать о релевантности тех или иных тем путем распространения информации или использования емоѝ-реакций на сообщения в информационных каналах, их возможность влиять на формирование повестки зачастую ограничена тем контентом, который предлагается как авторское видение новостной ленты или новостной организации либо

публичного/непубличного лица, которое становится, вероятно, популярным ввиду оригинального способа подачи материала.

Авторами была предпринята попытка сконструировать модель формирования повестки дня в русскоязычном сегменте Telegram (рис. 1) и проверить ее применимость в контексте анализа коммуникативных процессов внутри пространства мессенджера.

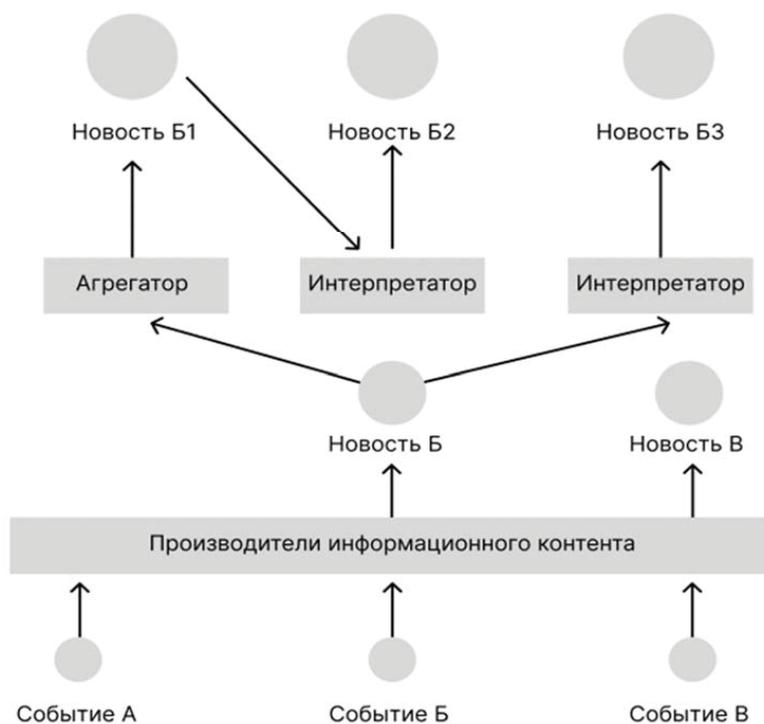

Рис. 1. Модель формирования повестки дня в русскоязычном сегменте Telegram

В рамках предложенной модели события цифровой и физической реальности первоначально проходят фильтрацию «Производителей информационного контента», в эту группу могут входить как традиционные СМИ, так и политические акторы, способные формировать новостные сообщения, которые в дальнейшем могут быть включены в политическую повестку. В дальнейшем событие трансформируется, облекается в форму новостного сообщения и публикуется «Производителями информационного контента». Факт публикации отображается на схеме стрелками. Вторичная фильтрация происходит на уровне каналов, которые могут выступать в роли либо агрегатора информации, либо интерпретатора новостных сообщений. Если первые лишь отбирают наиболее актуальные для своей аудитории новости, вторые добавляют к описанию новости собственную

оценку, которая может быть усилена за счет добавления провокационных элементов, повышая вероятность эмоциональной реакции на события. В дальнейшем событие продолжает публиковаться каналами, как создавая медийное освещение события и/или его оценки, так и увеличивая ее значимость в повестке. Таким образом, может быть выдвинуто две рабочие гипотезы исследования,

Гипотеза 1. Из-за отсутствия алгоритмов рекомендаций в рамках платформы основным способом продвижения новостей и близких по тематике каналов является публикация ссылок на каналы-источники и с похожей тематикой.

Гипотеза 2. Ввиду того что каналы, как правило, должны быть последовательны в содержании и освещении новостей во избежание когнитивного диссонанса читателя, в Telegram можно выделить различные кластеры связанных

между собой и ссылающихся друг на друга каналов, транслирующих однотипные нарративы.

Для проверки данной модели проведено пилотажное исследование. С помощью сервиса Tgstat были отобраны по 10 наиболее цитируемых каналов из разделов «СМИ и новости» и «Политика» по статистике за октябрь 2023 г. Индекс цитирований рассчитывается на основе упоминаний канала, а также репостов и упоминаний публикаций канала в других Telegram-

каналах. Общий объем выборки составил 20 каналов (таблица), в процессе анализа массива данных было принято решение исключить из выборки канал Дмитрия Медведева (https://t.me/medvedev_telegram), так как там не зафиксировано ссылок на сторонние ресурсы и сделан вывод о том, что канал используется российским политиком как площадка для публичных заявлений. Далее выбирались не более 50 каналов, на которые чаще всего ссылались авторы.

Каналы в Telegram в выборке исследования

Название	Количество подписчиков	Индекс цитирования	Процент читающих подписчиков	Процент читающих подписчиков в первые 24 часа
СМИ и новости				
РИА Новости	2 992 324	12 914	25	24
RT на русском	798 111	12 407	22	20
Раньше всех. Ну почти.	1 559 018	10 797	34	33
Mash	2 112 838	9 994	41	35
Прямой Эфир	4 377 529	8 953	17	16
ТАСС	364 965	8 719	12	10
Readovka	2 367 762	8 505	39	37
Vaza	1 073 417	7 709	43	36
SHOT	815 972	6 576	35	30
Топор Live	4 870 399	6 434	20	20
Политика				
BRIEF	495 469	7 654	14	15
Пул №3	320 907	7 395	33	22
СОЛОВЬЁВ	1 307 136	6 200	20	22
Минобороны России	546 490	5 680	22	11
Colonelcassad	814 476	5 442	35	30
Рыбарь	1 228 681	5 433	28	24
НЕЗЫГАРЬ	319 491	5 285	11	7
Операция Z: Военко-ры Русской Весны	1 352 094	5 151	36	32
Kadyrov_95	2 133 325	5 127	24	13

Используя программу Gephi, был построен ориентированный граф (445 узлов и 613 ребер), отображающий связи между формирующими повестку дня акторами (рис. 2).

Анализируя значение доли подписчиков, которые читают наиболее цитируемые каналы, средний показатель читателей составляет 27,85%, а процент читающих в первые 24 часа – 23,65%. Можно сказать, что довольно

большая часть аудитории не читает выбранные каналы постоянно, предпочитая время от времени открывать их. В то же время среди регулярно читающих пользователей необходимость ознакомиться с информацией возникает в течение суток после публикации, что может подтверждать потребность в сообщении оперативной информации о событиях со стороны пользователей. В качестве перспективы даль-

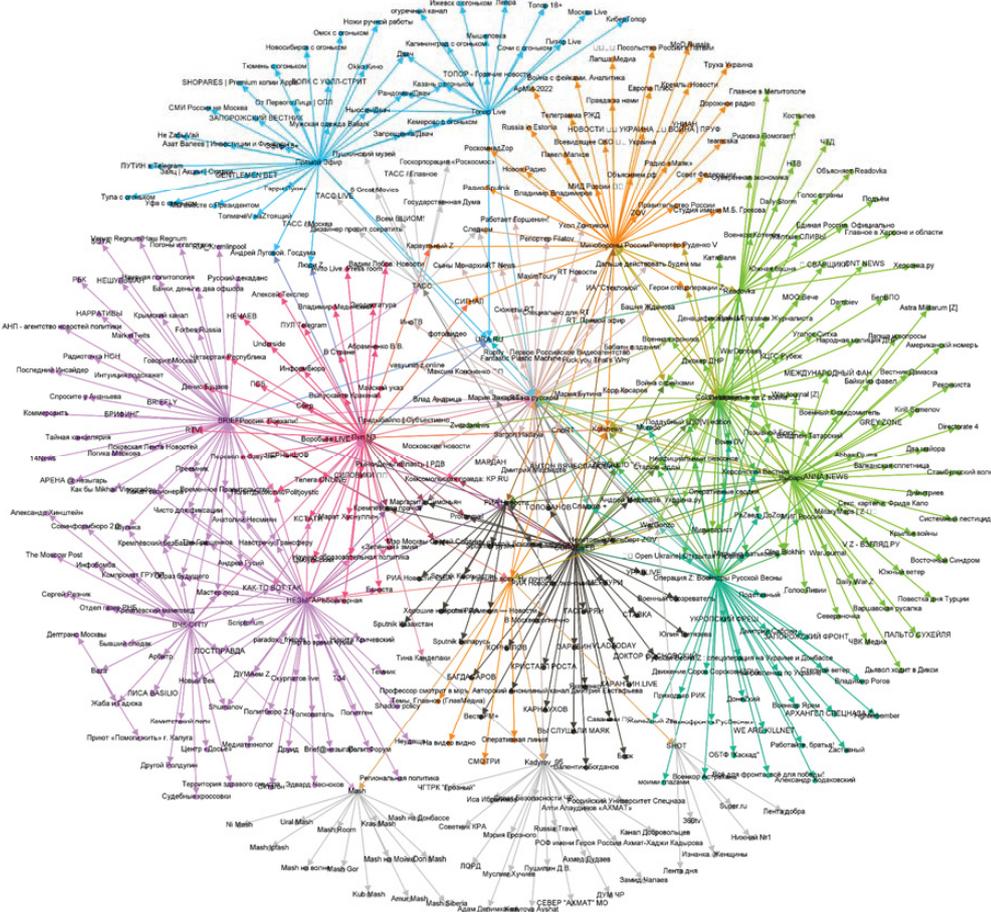

Рис. 2. Ориентированный граф цитирований каналов в Telegram (цвет онлайн)

нейших исследований представляется необходимым изучить мотивацию пользователей, которые читают новостные каналы и каналы с политической проблематикой нерегулярно, а также изучить потенциальную связь между типом контента, его фреймированием и долей аудитории, которая регулярно знакомится с публикациями канала.

Переходя к интерпретации результатов сетевого анализа, необходимо выделить специфическую роль телеканала, медиаагентства RT, который изначально являлся традиционным СМИ, ориентированным на аудиторию, проживающую за пределами Российской Федерации, однако прямо сейчас занимает центральное положение в сети, связывая ссылками различные тематические каналы и выступая одновременно производителем информационного контента.

Переходя к оценке тематики каналов, в подтверждение гипотезы 2 можно выделить несколько блоков.

- Блок освещения локальных и глобальных проблем безопасности и обороны, объединяющий

каналы Минобороны России (https://t.me/mod_russia), Readovka (<https://t.me/readovkanews>), Colonelcassad (https://t.me/boris_rozhin), Операция Z: Вонкоры Русской Весны (<https://t.me/s/RVvoenkor>), Рыбарь (<https://t.me/s/rybar>).

- Новостной блок, подразделяющийся на несколько крупных каналов, которые часто цитируют каналы из схожего информационного поля. Например, канал Mash (<https://t.me/s/breakingmash>) ссылается только на каналы, которые связаны с этим брендом. Topor Live (<https://t.me/joinchat/sOj9iDAtUkMyYWQy>) и Прямой Эфир (<https://t.me/joinchat/gFCT63NlnfE5YWZi>) ссылаются на ряд региональных каналов, например «Ижевск с огоньком» (<https://t.me/izhevsktop1>).

- Каналы публичных фигур с сильным личным брендом: СОЛОВЬЁВ (<https://t.me/s/SolovievLive>) и Kadyrov_95 (https://t.me/s/RKadyrov_95). Причем если в канале Kadyrov_95 в основном упоминаются паблики, связанные с официальными властями Республики Чечня, канал СОЛОВЬЁВ упоминает

различные авторские каналы, которые предоставляют репортажи для канала СОЛОВЬЁВ, что также может являться попыткой продвижения этих каналов и позволяет найти подтверждение гипотезы 1.

Таким образом, можно также сделать вывод о структуре связей каналов в Telegram и различных ролях, которые они выполняют. Информационные агентства, являясь производителями информационного контента, как правило, выступают первоисточниками информации и редко дают ссылки на первоисточники-традиционные СМИ. Выделяются также и каналы-агрегаторы, которые занимаются мониторингом контента информационных агентств и делятся с публикой комплементарным контентом и самыми актуальными фактами. Они же формируют сеть связанных каналов, которая позволяет и продвигать небольшие информационные площадки, и формировать информационную сеть для читателей. Выделяются интерпретаторы, которые могут использовать новость как из канала производителя контента, так и из агрегатора контента. Их задача – привлечь внимание к информации, распространить ее. Среди перспектив исследования можно выделить потребность в тесте гипотез и модели на более широкой выборке, а также анализ ссылок на внешние ресурсы для изучения межплатформенной коммуникации.

Итак, несмотря на значительное усложнение коммуникативного поля во многом благодаря развитию цифровых технологий, у исследователей есть основания полагать, что теория установления повестки дня сегодня может рассматриваться как актуальная теоретическая рамка анализа политического дискурса отдельно взятого общества. Посредством изучения взаимосвязей новостных лент традиционных СМИ, заявлений политиков в социальных сетях и публикаций в социальных медиа можно приблизиться к выявлению современных механизмов формирования повестки дня, а также определить актуальность тех или иных проблем в публичном поле. Исследование мессенджера Telegram позволяет сделать вывод, что все большую роль в фильтрации информации и формировании повестки начинают играть новостные каналы, выполняющие функции агрегаторов и интерпретаторов информации. Во многом именно благодаря усилиям информационных каналов, которые не имеют непосредственного отношения к производству информа-

ционного контента, часть событий физической и виртуальной реальности становится заметна для определенной аудитории. Кроме того, важной частью структуры информационных сетей в Telegram является наличие нескольких повесток, существующих внутри тематических блоков, которые могут лишь в опосредованном виде конкурировать друг с другом, так как аудитории этих блогов могут пересекаться лишь частично. Причем еще предстоит изучить, насколько повестка каналов в Telegram влияет на принятие политических решений. Однако можно с некоторой уверенностью заявить, что ввиду возрастающей популярности площадки тренды Telegram все больше привлекают внимание политических акторов. Таким образом, в дальнейшем представляется стратегически важным изучить возможные связи между процессами обмена информацией внутри мессенджера, публикациями политических акторов внутри Telegram и контентом на других платформах, а также принимаемыми политическими решениями для совершенствования моделей формирования повестки дня в современном обществе.

Список литературы

1. Дьякова Е. Г. Массовая политическая коммуникация в теории установления повестки дня: от эффекта к процессу // Полис. Политические исследования. 2003. № 3. С. 109–119. <https://doi.org/10.17976/jpps/2003.03.11>, EDN: ESCXCN
2. McCombs M. The Agenda-Setting Function of Mass-Media // Public Opinion Quarterly. 1972. Vol. 36, iss. 2. P. 176–187. <https://doi.org/10.1086/267990>
3. Funkhouser G. R. The issues of the sixties: An exploratory study in the dynamics of public opinion // Public Opinion Quarterly. 1973. Vol. 37, iss. 1. P. 62–75. <https://doi.org/10.1086/268060>
4. McCombs M. A look at agenda-setting: Past, present and future // Journalism Studies. 2005. Vol. 6, iss. 4. P. 543–557. <https://doi.org/10.1080/14616700500250438>
5. Feezell J. T. Agenda setting through social media: The importance of incidental news exposure and social filtering in the digital era // Political Research Quarterly. 2018. Vol. 71, iss. 2. P. 482–494. <https://doi.org/10.1177/1065912917744895>
6. Chadwick A. The political information cycle in a hybrid news system: The British prime minister and the “Bullygate” affair // The International Journal of Press/Politics. 2011. Vol. 16, iss. 1. C. 3–29. <https://doi.org/10.1177/1940161210384730>
7. Lang G. E., Lang K. Watergate: An exploration of the agenda-building process // Agenda setting: Readings

- on media, public opinion, and policymaking / ed. by D. L. Pross, M. McCombs. Hillsdale, NJ : Erlbaum, 1991. P. 277–289.
8. *Parmelee J. H.* The agenda-building function of political tweets // *New Media & Society*. 2014. Vol. 16, iss. 3. P. 434–450. <https://doi.org/10.1177/1461444813487955>
 9. *Jungherr A.* The logic of political coverage on Twitter: Temporal dynamics and content // *Journal of Communication*. 2014. Vol. 64, iss. 2. P. 239–259. <https://doi.org/10.1111/jcom.12087>
 10. *Meikle G., Young S.* Media convergence: Networked digital media in everyday life. New York : Bloomsbury Publishing, 2017. 242 p.
 11. *McLuhan M.* The medium is the message // *Media and cultural studies: Keywords* / ed. by M. G. Durham, D. M. Kellner. Oxford : Blackwell Publishing, 2012. P. 100–117.
 12. *Мартыанов Д. С., Лукьянова Г. В.* Кросс-сетевой фактор политического дискурса виртуальных сообществ // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. 2023. Т. 19, № 2. С. 244–262. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2023.207>
 13. *Urman A., Katz S.* What they do in the shadows: examining the far-right networks on Telegram // *Information, Communication & Society*. 2022. Vol. 25, iss. 7. P. 1–20. <https://doi.org/10.1080/1369118X.2020.1803946>

Поступила в редакцию 11.11.2023; одобрена после рецензирования 15.11.2023; принята к публикации 25.11.2023
The article was submitted 11.11.2023; approved after reviewing 15.11.2023; accepted for publication 25.11.2023

СЛОВО МОЛОДЫМ ПОЛИТОЛОГАМ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 98–105

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 98–105

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-1-98-105>, EDN: QXCEUO

Научная статья

УДК 32

«Суверенное» будущее российского образования как политико-управленческая проблема

К. А. Афанасьева

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Афанасьева Кристина Александровна, соискатель кафедры политических наук, kr2609@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0001-2168-6334>

Аннотация. В статье осуществлён прогноз рисков для реализации новой стратегии образовательных реформ в нашей стране, которые возникают по следам неопределённости с ключевой идеей этой стратегии – сделать российскую систему образования «суверенной». Осуществлён анализ возможных вариантов реакции управленцев, ответственных за разработку и реализацию этой стратегии, а также педагогических работников и заинтересованных граждан на предложение со стороны государства отказаться от Болонской системы организации образовательного пространства и сделать новую систему образования принципиально иной, при этом сохранив в новой суверенной системе «всё лучшее» от прежней Болонской системы. Обосновано авторское мнение, что неопределённость с теоретическими основами новой стратегии государственной политики неизбежно будет провоцировать стремление отдельных субъектов образовательной политики по-своему интерпретировать смысл этой стратегии и их попытки навязать своё понимание другим субъектам. В таких условиях велика вероятность, что из инструмента консолидации гражданского общества вокруг суверенных интересов Российского государства новые реформы превратятся в вызов стабильности во внутренней политике государства и в гражданской жизни.

Ключевые слова: политические интересы государства, реформы в образовании

Для цитирования: Афанасьева К. А. «Суверенное» будущее российского образования как политико-управленческая проблема // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 98–105. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-1-98-105>, EDN: QXCEUO

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

“Sovereign” future of Russian education as a political and managerial problem

K. A. Afanasyeva

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Kristina A. Afanasyeva, kr2609@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0001-2168-6334>

Abstract. The article forecasts the risks for the implementation of a new strategy of educational reforms in our country, which arise in the wake of uncertainty with the key idea of this strategy – i.e. to make the Russian education system “sovereign”. An analysis was carried out of possible options for the reaction of managers responsible for the development and implementation of this strategy, as well as teaching staff and interested citizens to the proposal from the state to abandon the Bologna system of organizing educational space and make the new education system fundamentally different, but, at the same time, to preserve “all the best” from the previous Bologna system in the new sovereign system. The author’s opinion is substantiated that uncertainty with the theoretical foundations of the new state policy strategy will inevitably provoke the desire of individual subjects of educational policy to interpret the meaning of this strategy in their own way and attempts to impose their understanding on other subjects. In such conditions, it is likely that new reformswill turn from a tool for consolidating civil society around the sovereign interests of the Russian state into a challenge to stability in the internal politics of the state and in civil life.

Keywords: political interests of the state, reforms in education

For citation: Afanasyeva K. A. “Sovereign” future of Russian education as a political and managerial problem. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 98–105 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-1-98-105>, EDN: QXCEUO

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В истории отечественной образовательной политики 2023 год наверняка останется памятным как год переломный. Официально, на высшем государственном уровне, было заявлено о необходимости отказаться от реализации Болонской стратегии развития отечественной системы образования и перейти к созданию «суверенной системы образования». Управленческое решение вполне логичное, если рассматривать его на общем фоне тех экономических и военных проблем, с которыми Россия столкнулась в последнее десятилетие. Российское государство устами своих руководителей публично поставило задачу сделать российское образование не таким, «как у всех», а таким, какое необходимо ему и обществу, развитием которого оно руководит. Формально всё выглядит так, что стратегическая цель обозначена и препятствий для её достижения нет. На деле препятствие есть. Ведь до сих пор не последовало официальных разъяснений по поводу того, каким именно критериям качества и функциональности должно отвечать российское образование, чтобы считаться в полной мере «суверенным». А это значит, что на новом этапе реформ сохранятся условия для продолжения бесконечных и чаще всего безрезультатных споров между участниками образовательной политики по поводу её смысла, которые длятся уже три десятка лет. Большой риск для будущего российской системы образования состоит в том, что на ход реформ продолжают влиять подозрения их участников в адрес друг друга в намерении этот смысл исказить. Такого рода подозрения всё послесоветское время были информационным контекстом образовательных реформ и сделали нынешнее состояние российского образования таким, что оно мало кого удовлетворяет.

Нетрудно предположить, что такая судьба постигнет и «суверенное» российское образование в будущем, если у его создателей сохранится повод для взаимных подозрений. А такой повод предсказуемо возникнет, если в коммуникациях субъектов образовательной политики ничего принципиально не изменится. Если, прежде всего, они не будут в теории и практике образовательной политики руководствоваться договоренностью по поводу того, что значит «суверенитет» применительно к образовательной сфере и каким критериям качества и функциональности должны отвечать образовательные заведения, чтобы государство признало их деятельность отвечающей его суверенным интересам. Пока нет видимых предпосылок для возникновения такой договорённости. А это

большая проблема и для нынешней государственной внутренней политики, и для будущего отечественной системы образования.

Пока нет, мы полагаем, оснований считать, что простое механическое соединение слова «суверенитет» со словом «образование» даёт внятный ответ на вопрос о характере государственного интереса, чтобы участники образовательных реформ могли бы на него ориентироваться в мыслях и действиях. Смысл этого соединения может быть ими истолкован очень по-разному – так, как это будут подсказывать им их различные политические, экономические и правовые интересы. А они далеко не тождественны общему национально-государственному интересу. Нетрудно предвидеть, отталкиваясь от теории и опыта современной демократической политики, что разница интересов побудит разных её субъектов настаивать на собственном понимании «суверенности» образовательной системы, конечного пункта её последующей эволюции, а точку зрения партнёров по политическому процессу и массовым коммуникациям считать в корне ошибочной и даже вредной для общего дела. Иначе говоря, образовательная политика с большой вероятностью будет оставаться областью больших рисков для всей системы государственного управления общественно-политическими процессами.

Первое, что требует официального разъяснения, это политический смысл самого публичного озвучивания задачи сделать российское образование суверенным. Это заявление, сделанное на самом высоком государственном уровне, обществу надо воспринимать как приглашение со стороны государства к дискуссии на соответствующую тему или же как указание к исполнению?

Если речь идёт о приглашении к дискуссии, то это одна проблема. И соответственно, одни риски, которые неизбежно будут возникать при столкновении государственного интереса и различных частных интересов. Это, прежде всего, риск появления конкурирующих между собой трактовок образовательного «суверенитета». Конкуренция потребует дополнительных регулирующих усилий со стороны государства, и тем самым на проведение реформ понадобится значительно больше сил, времени и ресурсов, чем если бы речь шла просто о принятии участниками образовательной политики к исполнению какой-то одной, соответствующей интересам государства, трактовки понятия «суверенность». К тому же представляется трудно разрешимой и отчасти даже лишённой практической

пользы ситуация, когда руководством российского образования будет инициирована широкая публичная дискуссия по поводу того, что есть суверенитет вообще и суверенитет образовательной политики в частности. О содержании понятия «суверенитет» столетиями ведут споры профессиональные юристы и политологи [1–3]. И мнения на этот счёт ими высказываются самые разные. Масса рядовых граждан и работников образовательных учреждений, а также чиновников регионального уровня по своим интересам, теоретической подготовке и образу жизни очень далека от этих проблем правовой и политической теории, не готова их обсуждать и находить практичные решения. При таком положении дел нетрудно прогнозировать, что именно чиновниками будет по факту монополизирована компетенция решать, что в работе образовательных учреждений считать проявлением соответствия требованиям суверенности в государственной образовательной политике, а что трактовать как пренебрежение этой суверенностью или даже покушение на неё.

Другая проблема и другие риски, связанные с ней, если речь идёт о некоем руководящем указании со стороны государства. В условиях демократической политики всегда существует риск того, что официальную позицию по какому-либо вопросу, которую общество не понимает, оно и не принимает либо принимает по большей части формально. Это один из постоянных рисков, вытекающих из публичного характера демократической политики. Есть и ещё один риск. Руководящее указание с размытым содержанием открывает широкий простор для бюрократического произвола, оправдываемого самыми лучшими намерениями чиновников внести в это содержание ясность. Прогнозируемо должны будут появиться на свет некие министерские циркуляры, регламенты и официальные письма, инструкции и рейтинги. Вероятно, в этих документах будут прописаны некие критерии, на основании которых контролирующие органы станут определять, где «суверенность» в работе образовательных учреждений есть реально, а где она только декларируется и имитируется. Но откуда возьмутся такие критерии? Прогнозируемо также, что и сам смысл понятия «суверенитет», и набор критериев, по которым проверяющие чиновники будут оценивать вклад конкретных образовательных учреждений в суверенизацию российского образования, чиновники будут определять сами, в меру своего понимания того, что такое нынешние российские национально-государственные интересы.

Против этих прогнозов можно было бы возразить: вертикаль власти на то и существует в нашей стране, чтобы можно было такой бюрократический произвол на местах и в различных отраслях государственного управления умерить. В Российской Федерации есть свой Президент. Он пользуется большим доверием сограждан. Его мнение для них авторитетно. Что мешает участникам образовательной политики сегодня и в дальнейшем ориентироваться именно на то определение «суверенитета», которое, например, будет публично озвучено президентом и тем самым фактически им одобрено? Ведь очевидно, что и управленцы рангом ниже, в российских регионах, будут в своих коммуникациях с педагогами, учащимися и родителями учащихся, а также в своих руководящих действиях в отношении образовательных учреждений следовать этому президентскому определению.

Так просто решить эту проблему с идеологическими ориентирами нового этапа российской образовательной политики вряд ли удастся. Потому как даже если Президент РФ возьмёт на себя обязанность и ответственность определить, какой именно суверенитет необходим в будущем российской системе образования, то он будет ориентироваться на всё те же современные научные толкования «суверенитета». И он не сможет игнорировать те толкования этого понятия, которые большинство граждан РФ вынесли из стен средних школ и вузов и которые нередко не согласуются с научными.

Собственно, В. В. Путин уже публично высказал своё мнение по поводу того, какой суверенитет соответствует национально-государственным интересам и, соответственно, какого суверенитета должны добиваться все участники государственной образовательной политики. На самом высоком государственном уровне заявлено, что именно в реализации суверенитета в российской культуре вообще и в образовательной политике в частности заинтересовано государство [4]. Постановка задачи подразумевает, что наибольшая часть управленческих усилий и ресурсов государства будет сконцентрирована именно на этом направлении.

Далее мы приведём аргументы в пользу своего мнения, что в толковании «суверенитета», предложенном российскому обществу президентом, есть всё необходимое для разработки и реализации на практике программы новых реформ в отечественном образовании. Но в использованных главой государства формулиров-

ках заключено далёко не всё достаточное для устранения несогласия между потенциальными участниками этих реформ. А последнее, как мы уже упоминали, необходимо, чтобы интерес государства к суверенности во всех отраслях государственного управления не только был бы реализован здесь и сейчас, но и мог бы в дальнейшем укрепляться.

Предметом нашего анализа будут те требования к культурной политике как политике, реализующей суверенные интересы Российских государства и общества, которые закреплены Указом Президента от 25 января 2023 г. [5].

Нет, на наш взгляд, оснований сомневаться, что общие требования к реализации государственных интересов в сфере культуры могут быть перенесены и конкретно на сферу образования, и на программу её предстоящего реформирования. Во-первых, потому, что образование, его институты и практики являются основой всего пространства элитарной и общественной, политической и бытовой культур. Когда на официальном уровне делаются заявления о необходимости создания суверенной системы российского образования, то очевидно, что это заявка не на одну только стратегию образовательных реформ. Государство формулирует, таким образом, свой интерес к трансформации всей стратегии и тактики управления культурными процессами в стране, а в некотором смысле и на всём постсоветском пространстве. Второе соображение в пользу выбора именно того толкования суверенитета, которое даёт президентский указ, более прагматично и связано с особенностью коммуникаций внутри российской власти. Раз данное толкование суверенитета как «культурного суверенитета» официально утверждено первым лицом в государстве, то нет никаких сомнений, что именно им в первую очередь будут руководствоваться разработчики и организаторы нового этапа реформ в отечественном образовании.

«Культурный суверенитет», как его смысл расшифровывает указ Президента РФ, предполагает обязательность для государства и его граждан в процессе коммуникации по вопросам культурной политики, а также в своих практических действиях на ниве российской культуры соблюдать ряд правил:

1) целенаправленно формировать свою идентичность, не пускать этот жизненно важный для них процесс на самотёк;

2) избегать «социально-психологической и культурной зависимости от внешнего влияния»;

3) быть защищены от деструктивного идеологического и информационного воздействия;

4) о наличии у России «культурного суверенитета» должна свидетельствовать сохраняющаяся историческая память граждан и правящих элит, их приверженность почвенным духовно-нравственным ценностям.

Идеологические рамки для будущих образовательных реформ заданы, таким образом, достаточно чётко. Понятно, в каком направлении и какие процессы разработчики образовательных реформ должны стимулировать, а какие предотвращать.

Попробуем приложить эти правила к задаче создания российской суверенной системы образования как к практической (можно даже сказать бюрократической) задаче, которую будут в ближайшие годы решать те же граждане и те же управленцы, которым до последнего времени приходилось создавать и развивать Болонскую систему. Которые привыкли, что все параметры, которым эта система должна соответствовать в отдельно взятой стране, довольно подробно расписаны в соответствующих декларациях международных образовательных форумов и в межгосударственных соглашениях. Которым, уже даже в силу этой привычки, желательнее видеть как можно больше конкретики в указаниях президента.

Начнём с анализа первого требования к участникам образовательной политики государства, разработчикам и исполнителям управленческих решений – **государство и общество должны целенаправленно формировать свою идентичность**. С точки зрения современных представлений о том, как устроена и как функционирует социально-политическая система в цивилизованной стране, это требование абсолютно разумное. Тем более когда сегодня наша страна претендует, чтобы в международных делах все её воспринимали как страну по-своему уникальную, где одно из проявлений уникальности – это исторически сложившееся «государство-цивилизация». На этой стороне государственного интереса В. В. Путин сделал особый акцент в своём выступлении на Валдайском форуме в октябре 2023 г. [6].

Не менее разумна, на наш взгляд, установка не пускать дело формирования социальных и индивидуальных культурных идентичностей на самотёк, а действовать целенаправленно. С этими подходами трудно не согласиться. Проблемы стратегического характера начинаются дальше. Их минимум две:

какая именно идентичность должна формироваться и что должно быть определено в качестве цели для процесса формирования такой идентичности?

В течение многих послесоветских лет российский государственный и общественный устроители уже усиленно формировали свою либерально-западническую идентичность (в её правовых, идеологических, институциональных и т.д. измерениях). Причём делали это не то чтобы при всеобщем согласии и воодушевлении, но осознанно и настойчиво. Можно даже сказать – принудительно. Повсеместное насаждение болонских принципов, технологий и организационных форм в отечественном образовании, которые сегодня подвергаются критике по всем направлениям, тому наглядный пример. Болонская система десятилетиями внедрялась повсеместно (и в школах, и в вузах) именно в качестве одного из наиболее активных каналов и эффективных инструментов распространения во властных элитах и массе рядовых граждан полной уверенности, что они теперь неотъемлемая часть «мирового демократического сообщества» и что они движутся по единственно возможному для цивилизованных людей либеральному пути, и цель этого движения – создать и в России, как в странах Запада, так называемое общество потребления. Именно эта прежняя, целенаправленно сформированная постсоветская идентичность наших государства и общества сегодня стала представлять угрозу для их суверенности и вообще дальнейшего существования и развития.

Тогда какую новую идентичность требуют целенаправленно формировать разработчики президентского Указа? Это должна быть консервативная, социалистическая или какая-либо другая, ранее неизвестная политико-идеологическая и в целом культурная идентичность? Достижение какой цели будет свидетельствовать о том, что задача формирования такой идентичности решена (хотя бы в общих чертах)? В прежние времена целенаправленность формирования идентичности подразумевала, как уже было сказано, создание в нашей стране «общества потребления» западного типа. Какой уклад общественной и государственной жизни теперь и в будущем должна обеспечить вновь формируемая идентичность? Если это будет общество и государство всеобщей аскезы (по примеру Северной Кореи), то замысел потратить ресурсы на новый виток образовательных реформ в нашей стране никак не вписывается в это целеполагание.

Ни на один из этих вопросов документ, анализируемый нами, ответа не даёт и даже не предлагает какой-либо информации к размышлению. В контексте нынешней идеологической, экономической и даже военной конфронтации России со странами Запада, в контексте текущего поворота от ориентации внутренней и внешней политики в нашей стране на «общечеловеческие» либеральные ценности к ориентации на ценности патриотические правовая и идеологическая фиксация такого стратегического ориентира оправдана. Президентский Указ заполняет до некоторой степени тот вакуум, который в предшествующее время образовался в идеологических основах государственного управления образованием. Это всё очевидные и понятные вызовы извне и изнутри для нашего национально-государственного суверенитета. Указ демонстрирует готовность государства на эти вызовы отвечать по всем фронтам.

С этой точки зрения, может быть, как раз минимум конкретики в смысле данного понятия соответствует интересам государства. У чиновников, на федеральном уровне решающих общие вопросы государственного управления, расширяются возможности маневрирования мотивацией и аргументацией различных управленческих решений и действий.

Совсем другое дело, на наш взгляд, когда смыслом данного понятия должны руководствоваться исполнители управленческих решений на низовом уровне системы образования – работники школ и вузов. Им важно понимать, за что с них спросит вышестоящее начальство и, соответственно, что и как они должны делать, чтобы не быть этим начальством обвинёнными в профессиональной некомпетентности и саботировании работы по созданию суверенной и уникальной системы образования.

Отсутствие конкретики в распоряжениях руководителей образования и законах, к которым такие распоряжения апеллируют, подготавливает два варианта развития событий. Оба варианта, заметим, чреваты рисками для успеха планируемых новых образовательных реформ. В одном варианте велика вероятность того, что непонимание педагогами (а вместе с ними учениками и их родителями) того, какого именно участия в формировании какой именно политической и культурной идентичности добиваются от них государственные управляющие структуры, приведёт к снижению их, исполнителей, творческой активности. Действительно, зачем разумному человеку (среди работников

образования таких большинство) тратить силы и время на выполнение ответственной работы, смысл которой ему не очень понятен. Тем более что нет никаких гарантий со стороны руководства, что попытка школьного или вузовского работника действовать на свой страх и риск в толковании смысла и в формировании у себя самого и своих учеников некоей «устойчивой идентичности» будет одобрена. Есть вероятность того, что у руководства сложится собственное представление о той идентичности, которая необходима государству и обществу, а также о признаках её устойчивости. И тогда школьный учитель или вузовский преподаватель рискуют быть обвинёнными в нанесении ущерба интересам государства с вытекающими из такого обвинения мерами дисциплинарного взыскания. При таких обстоятельствах педагогическому работнику проще и безопаснее имитировать (путём составления обширных планов и отчётов, например) бурную работу по «формированию устойчивой идентичности», чем заниматься реальным делом; примерно так, как все минувшие годы многие педагогические работники формально отчитывались о своих усилиях по формированию у учащихся «болонских» компетенций.

Другой вариант менее вероятен, но вполне реалистичен. Возможно, что от безвыходности своего положения и под влиянием своих идеологических пристрастий и собственного жизненного опыта некоторая часть наиболее смелых и активных педагогических работников начнёт создавать собственные версии идентичности государства и общества и внедрять их в сознание учащихся. Версии «устойчивой идентичности» неизбежно будут многочисленны. И все они в большей или меньшей мере станут конкурировать друг с другом за общественное и государственное признание, за статус «истины», наконец. Иначе зачем создателю той или иной версии «устойчивой идентичности» было тратить силы и время на теоретические опыты, если из них не родилась истина в последней инстанции? Зачем нужно было трудиться, если добытую «истину» нельзя будет потом насаждать среди коллег и учеников? Это даже не риск, а прямой путь к росту конфликтности и в педагогическом сообществе страны, и во всей социально-политической системе вместо усиления её стабильности и защищённости от внешних и внутренних угроз. Таким образом, перспектива вырисовывается прямо противоположная той, ради которой затевается сегодня новый этап образовательных реформ.

Разработчики президентского Указа не случайно, вероятно, из всех возможных вариантов определения характеристик идентичности (например, консервативная, социалистическая и т.д.) выбрали вариант наиболее идеологически нейтральный – «устойчивая идентичность». Устойчивой может быть идентичность с любой идеологической окраской. Тем самым они избежали противоречия с конституционным запретом на существование в пространстве российской политики какой-либо государственной идеологии. Свою законотворческую проблему они тем самым решили, тогда как для широкого круга субъектов образовательной политики, потенциальных участников строительства суверенной и уникальной системы российского образования, проблему только создали. Создали предпосылку для разнообразия мнений на этот счёт.

Не менее проблематично выглядит и вторая установка: **государство и общество должны избегать «социально-психологической и культурной зависимости от внешнего влияния»**. С разумностью и своевременностью акцента на этом правиле, который содержит анализируемый документ, трудно не согласиться. Современный цивилизованный мир втянут в гибридную мировую войну. В ней информационные технологии и моральные аргументы являются действенными орудиями дискредитации противника и подавления его воли к сопротивлению. Естественно, что капитулировать перед применением этих орудий наша страна не должна. В противном случае она, как сегодня модно говорить, перейдёт под внешнее управление.

Но в то же время как практически решить эту задачу избегания психологической и культурной зависимости? Сегодня в России достаточно много граждан, особенно молодых, для которых высокие образцы технологического прогресса, правовой защищённости, информационной открытости и бытового благополучия как были, так и остаются расположенными за пределами нашей страны. Для них все блага жизни «там», а все большие проблемы этой жизни только «здесь».

Они в большинстве случаев не идейные враги России. Они согласны с тем, что в современном мире Россия должна занимать достойное место. Но само понимание этого достоинства у них связано с теми ценностями (либеральная демократия, рыночная экономика, культурная и информационная открытость миру и удовлетворение возрастающего потребления материальных благ) которые прежде, по

ходу либерально-демократических и рыночных реформ, насаждало в их головах само государство. Государственная образовательная политика в минувшие три десятилетия была построена так, чтобы подрастающие поколения российских граждан не видели ни для себя, ни для страны иной перспективы, кроме как стать максимально открытыми влияниям внешнего («западного» в первую очередь) мира и максимально готовыми к копированию его культурных (в широком смысле) стандартов.

У этой проблемы есть ещё один аспект. Как гражданам России, включая педагогических работников и управленцев, преодолеть свою и всей образовательной системы зависимость от внешних влияний, когда наша страна сегодня выступает инициатором создания нового многополярного мира? Мира, который будет основан не на единственной зависимости всех стран от влияния гегемона, а на их способности влиять друг на друга и пользоваться плодами этого взаимного влияния (взаимного культурного обогащения) себе во благо. Россия является сегодня участником и даже лидером многих политических, экономических, а также культурных интеграционных процессов как в азиатской части постсоветского пространства, так и в восточном направлении в целом. И Россия будет стремиться разнообразно влиять на своих партнёров по интеграции, на их мировосприятие, формировать их зависимость от собственных национально-государственных интересов. И партнёры России, в свою очередь, в отношении её будут стремиться делать то же самое. Китай, Индия, некоторые государства Латинской Америки и Южной Африки, подключающиеся в последнее время к этим интеграционным процессам, неизбежно будут стремиться всеми доступными способами и средствами продвигать в них свои собственные интересы и ресурсы влияния на партнёров. Для России они естественным образом становятся неустрашимым источником внешнего влияния, с которым российскому обществу и властям так или иначе придётся считаться и как-то к нему адаптироваться. Просто игнорировать это влияние либо жёстко его блокировать политическими и правовыми средствами не удастся в принципе. Причём наверняка это будет и какое-то влияние, прямо конфликтующее с нашими национально-государственными интересами.

В этом контексте установка на принципиальное противодействие культурному влиянию извне, если воспринимать её как официальную идеологическую установку, не выглядит пер-

спективной и практически осуществимой. По крайней мере, до той поры, пока в неё не будет внесено уточнение, что речь идёт не о противодействии внешнему влиянию как таковому, особенно влиянию России выгодному, а только о противодействии влиянию, несущему в себе угрозу её национально-государственному суверенитету.

В практическом плане разговор о преодолении зависимости от внешнего влияния будет иметь смысл тогда, когда государству и обществу удастся согласовать между собой некую значимую цель своей борьбы за суверенную политику, в том числе культурную и, следовательно, образовательную. Когда государству и гражданскому обществу удастся сформулировать для себя и предложить миру (как «коллективному Западу», так и «коллективному Востоку») какие-то ориентиры развития, превосходящие своей привлекательностью идеалы «общества потребления» и «открытого общества» (по К. Попперу [7] и Дж. Соросу [8]). Желательно при этом, чтобы цель привлекала своей фундаментальностью и прогрессивностью.

Не обладает, к сожалению, необходимой привлекательностью, даже с точки зрения внутренней российской политики, то разъяснение сущности «суверенной» образовательной политики, которое публично озвучил министр С. Кравцов в лекции, прочитанной им 25 января 2023 г. в Московском государственном областном педагогическом университете будущим работникам этой суверенной средней и высшей школы. Фактически всё содержание этой новой стратегической задачи он свёл к двум организационно-техническим мероприятиям: создание единого образовательного пространства путём очередного усовершенствования единых образовательных программ и формирование единого воспитательного пространства путём разработки общих воспитательных программ. Министр не обошёл вниманием ключевой вопрос о тех ценностях, которые должны придать этим управленческим мерам смысл суверенной государственной образовательной политики. Но вместо изложения своей позиции он обратился к своим слушателям с вопросами: «Традиционные ценности. Сегодня Россия отстаивает традиционные ценности. А какие традиционные ценности? В чем смысл традиционных ценностей?» [9]. Далее, по ходу лекции, собственного ответа на эти вопросы министр не предложил.

Таким образом, он оставил в неведении относительно позиции своей и своего министерства не только студентов, а ещё и весь аппарат

управления средним и высшим образованием в российских регионах. А это значит, что в обозримой перспективе действовать этому аппарату в деле реформирования учебного процесса и других аспектов деятельности учебных заведений придётся на свой страх и риск, руководствуясь собственным опытом и пониманием ситуации в российской политике, а не национально-государственными интересами.

Список литературы

1. Роблес-Каррильо М. Суверенитет и цифровой суверенитет // *Journal of Digital Technologies and Law*. 2023. Т. 1, № 3. С. 673–690. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.29>, EDN: NFWLYF
2. Белецкая А. А. От суверенитета государства к суверенитету народа: конституционно-правовой опыт стран Азии и России // *Universum Humanitarium*. 2020. № 2. С. 108–118. EDN: KJVXPL
3. Михеева В. А. Эволюция понятия «суверенитет» и проблемы суверенитета в современной мировой политике // *Высшее образование для XXI века: роль гуманитарного образования в контексте технологических и социокультурных изменений*. XV Международная научная конференция. Доклады и материалы : в 2 ч. / под общ. ред. И. М. Ильинского. М. : Московский гуманитарный ун-т, 2019. Ч. 2. С. 906–912. EDN: IEODPR
4. Егорова В. Владимир Путин: Россия создаст суверенную систему образования от школы до вуза // *Российская газета*. URL: <https://rg.ru/2023/03/02/putin-rossiia-sozdast-suverennuiu-sistemu-obrazovaniia-ot-shkoly-do-vuza.html> (дата обращения: 26.05.2023).
5. О внесении изменений в Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808 : указ Президента РФ от 25.12.2023 № 35. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
6. Полный текст выступления Владимира Путина на заседании дискуссионного клуба «Валдай» 5 октября 2023: о чем говорил президент России // *Комсомольская правда*. URL: <https://www.kp.ru/daily/27564/4833298/?ysclid=loimrxf2wk435665369> (дата обращения: 07.10.2023).
7. Поннер К. Открытое общество и его враги : в 2 т. М. : Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. 448+528 с.
8. Сорос Дж. Советская система: к открытому обществу / пер. Т. В. Курашовой. М. : Политиздат, 1991. 222 с.
9. Лекция Министра просвещения Российской Федерации Сергея Кравцова «О развитии суверенной национальной системы образования» // *Минпросвещения России*. URL: <https://edu.gov.ru/press/6476/lekciya-ministra-prosvescheniya-rossiyskoy-federacii-sergeya-kravcova-o-razvitii-suverennoy-nacionalnoy-sistemy-obrazovaniya/> (дата обращения: 10.10.2023).

Поступила в редакцию 26.10.2023; одобрена после рецензирования 10.11.2023; принята к публикации 25.11.2023
The article was submitted 26.10.2023; approved after reviewing 10.11.2023; accepted for publication 25.11.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 106–112

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 106–112

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-1-106-112>, EDN: QRWQLU

Научная статья

УДК 321.01

Российский и западный подходы к изучению государственной политики в отрасли авиастроения: сравнительный анализ

Ю. В. Петрова

¹Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Россия, 119991, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1

²Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, Россия, 117418, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 51/21

Петрова Юлия Владимировна, ¹аспирант кафедры истории и теории политики; ²младший научный сотрудник отдела политической науки, iuliiapeetrova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8778-9010>

Аннотация. В статье представлен сравнительный анализ российского и западного (североамериканского и европейского) подходов к изучению государственной политики в отрасли авиастроения. Рассмотрены ключевые работы отечественных и зарубежных авторов, посвященные анализу государственной политики в авиационной промышленности, определен контекст проведения исследований, а также их основные направления, описано актуальное состояние практики изучения государственной политики в отрасли авиастроения в России и западных странах. По итогам работы сделан вывод об исторически сложившихся различиях в подходах отечественных и зарубежных авторов к исследованию государственной политики в отрасли авиастроения. Так, если для западной исследовательской традиции характерно отнесение проблематики государственной политики в отрасли авиастроения к предметному полю экономической науки, то в отечественной практике проявляется переход рассматриваемой проблематики от исторической науки к экономической (по направлению решения прикладных задач). Кроме того, для российских исследователей вопрос развития авиационной промышленности, как правило, лежит в политико-социальной плоскости (отрасль служит обеспечению связности территории страны, мобильности населения, расширению логистических возможностей грузоперевозок, освоению пространств Арктической зоны и др.). Больше внимания уделяется политико-управленческим, социальным и геополитическим факторам развития отрасли.

Ключевые слова: авиастроение, авиационная промышленность, государственная политика, отраслевая политика

Для цитирования: Петрова Ю. В. Российский и западный подходы к изучению государственной политики в отрасли авиастроения: сравнительный анализ // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 106–112. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-1-106-112>, EDN: QRWQLU

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Russian and Western approaches to the study of state policy in the aircraft industry: Comparative analysis

Iu. V. Petrova

Lomonosov Moscow State University, GSP-1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russian

Institute of Scientific Information for Social Sciences RAS, 51/21 Nakhimovsky Ave., Moscow 117418, Russia

Iuliia V. Petrova, iuliiapeetrova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8778-9010>

Abstract. The article presents a comparative analysis of Russian and Western (North American and European) approaches to the study of public policy in the aircraft industry. The key works of Russian and foreign authors devoted to the analysis of state policy in the aviation industry are considered, the context of research is determined, as well as their main directions, the current state of the practice of studying state policy in the aviation industry in Russia and Western countries is described. Based on the results of the work, a conclusion is made about the historically established differences in the approaches of domestic and foreign authors to the study of state policy in the aviation industry. While the Western research tradition is characterized by the attribution of the problems of state policy in the aviation industry to the subject field of economics, then in Russian practice the transition of the considered problems from historical science to economics (in the direction of solving applied problems) is manifested. In addition, for Russian researchers, the issue of the development of the aviation industry lies in the political and social sphere (the industry aims to ensure the connectivity of the country's territory, the mobility of the population, the expansion of logistics opportunities for cargo transportation, the development of the Arctic zone, etc.). More attention is paid to the political and managerial, social and geopolitical factors of the development of the industry.

Keywords: aircraft industry, aviation industry, government policy, sectoral policy

For citation: Petrova Iu. V. Russian and Western approaches to the study of state policy in the aircraft industry: Comparative analysis. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 106–112 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-1-106-112>, EDN: QRWQLU

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Тема изучения государственной политики в отрасли авиастроения (основных политико-управленческих подходов, акторного состава, соотношения государственного и корпоративного секторов, перспективы развития технологических новаций и пр.) получает большую актуальность в связи с политико-экономическими обстоятельствами, оказывающими воздействие на развитие авиапромышленного комплекса в России в период с 2014 г. и далее, – сокращением связей между представителями отечественного и зарубежного авиастроения, ограничением импорта в Россию зарубежных технологий и комплектующих, сужением перспектив экспорта продукции отечественного авиапрома в зарубежные страны и т.д. При этом исследовательские подходы, равно как и стратегии развития авиационной промышленности в странах мира, различаются. В данном контексте представляется интересным исследовать сходства и различия основных подходов к изучению государственной политики в отрасли авиастроения в России, США и странах Европы: определить как контекстуальные различия, так и содержательное наполнение исследовательских моделей, а также рассмотреть динамику сближения и расхождения ключевых исследовательских стратегий и предметного поля исследований.

В то же время представляется необходимым обозначить ряд методологических и содержательных особенностей, требующих учета при анализе истории и современного состояния изучения государственной политики в отрасли авиастроения. Во-первых, в работе предлагается использовать термины «государственная политика» и «государственное управление» в качестве синонимов, несмотря на отсутствие в академическом сообществе консенсуса относительно этого вопроса. В данном контексте государственную политику в отрасли авиастроения можно определить как целенаправленную деятельность по постановке и реализации целей преобразования отрасли авиастроения с учетом ценностных ориентиров власти, находящую отражение в нормативных правовых актах, государственных программах и стратегиях.

Во-вторых, развитие авиастроения гражданского назначения неразрывно связано с авиационной промышленностью военной сферы (зачастую речь идет о единых институцио-

нальных структурах управления авиационной промышленностью и общей производственной базе, тиражируемых научно-технических решениях и кадровом потенциале), поэтому мы предлагаем обратить внимание на работы, связанные с изучением авиастроения и в гражданской, и в военной сферах.

Отечественный опыт изучения государственной политики в отрасли авиастроения. Анализ отечественной историографии по вопросу формирования и реализации государственной политики в отрасли авиастроения показывает, что несмотря на заинтересованность Советского государства в создании и развитии отечественной авиационной промышленности, вплоть до второй половины XX столетия отсутствуют попытки анализа развития авиапрома. В то же время в послевоенные годы осмысление государственной политики в отрасли авиастроения естественным образом идет преимущественно в разрезе оценки положения отрасли в период Великой Отечественной войны (рассматриваются предпосылки и процесс создания и развития авиационной промышленности военного назначения, вопрос подготовки кадров, отдельные политико-управленческие моменты) (см., например, работы В. А. Анфилова [1], Н. А. Вознесенского [2], И. Э. Чутко [3], В. С. Шумихина [4] и др.).

Как пишет историк А. С. Степанов, в конце 30-х – начале 40-х гг. XX столетия «многочисленные публикации, относящиеся к различным аспектам данной темы, прежде всего – к чисто военным, стали появляться практически одновременно или следом за соответствующими военно-политическими событиями, но они базировались на весьма скудной базе источников и имели, как правило, четко выраженную пропагандистскую направленность» [5, с. 8]. Это в целом коррелирует с основными приоритетами развития авиастроительной сферы в Советском государстве, когда ее гражданский сегмент получил дополнительный стимул к развитию лишь в конце 1950-х – начале 1960-х гг.

В то же время нельзя обойти вниманием работы, основанные на желании и возможности авторов дать оценку формированию и реализации государственной политики в отрасли авиастроения «изнутри» (в частности, речь идет о мемуарах А. С. Яковлева [6], А. И. Шахурина

[7]; работах Л. Л. Кербера [8], А. И. Покрышкина [9]; биографиях, содержащих интервью А. Н. Туполева [10], С. В. Ильюшина [11] и других свидетелей времени. Наличие таких работ является безусловной чертой советского этапа изучения государственной политики в сфере авиастроения. В данном контексте особый интерес представляет книга «Цель жизни. Записки авиаконструктора» (первое издание – 1969 г.) А. С. Яковлева [6], который в период с 1940 по 1946 г. являлся заместителем наркома авиационной промышленности по опытному самолетостроению, в 1946 г. занимал должность заместителя министра авиационной промышленности.

В 1960-е гг. в самиздате получила распространение работа конструктора Л. Л. Кербера (под псевдонимом Г. А. Озеров) «Туполевская шарага» о работе ЦКБ-29 НКВД, в которой дана оценка практике создания и функционирования опытно-конструкторского бюро, сотрудниками которого являлись заключенные авиаконструкторы и авиаинженеры [8, с. 8].

В позднесоветское время в связи с расширением источниковой базы исследований после XX съезда КПСС начинает формироваться новая исследовательская традиция публикации работ в научной, а не публицистической форме, а в исследовании развития отечественной авиационной промышленности активно проявляет себя институциональный подход. Так, например, историк авиации П. Д. Дузь связывает сравнительно позднее начало развития авиастроения в России с особенностями политического режима Российской империи. Как подчеркивает исследователь, причиной сравнительно позднего развития воздухоплавания и авиации в России был «самодержавно-полицейский строй, опасавшийся революционеров в технике не меньше, чем революционеров в экономике и политике» [12, с. 247–248]. Кроме того, в работах П. Д. Дузя приведен анализ зависимости развития воздухоплавания и авиации в России от общего технико-экономического уровня развития страны и от ее связей с иностранными государствами.

1970–1980-е гг. также ознаменовались выходом ряда биографий ведущих авиационных конструкторов. В частности, доктор технических наук, генерал-полковник авиации А. Н. Пономарев в 1977 г. опубликовал в рамках одной книги не только биографии ведущих деятелей отрасли (автор был близко знаком со многими авиационными конструкторами), но и восстановил хронологию и дал оценку развития авиации и авиастроения в советский период, выдвинув в качестве одного из ключевых тезисов своей работы суждение о ведущей роли пар-

тии и правительства в развитии отрасли на всех этапах существования СССР [13, с. 13].

С 1990-х гг., с вводом новых архивных документов и деидеологизацией науки, появляются работы современных историков авиации и авиационной промышленности, предлагающих оригинальный взгляд на развитие политико-управленческих процессов в отрасли гражданского авиастроения в советский период. Так, историк авиации М. Ю. Мухин наряду с экономической и социальной сторонами развития отрасли авиастроения обращает внимание и на историю государственных учреждений, проводя анализ административных переустройств механизма управления авиапромом [14].

В это же время появляются монографии, в которых авиация и авиационная промышленность рассматриваются в рамках единой системы, испытывающей на себе влияние как эндогенного, так и экзогенного характера. Здесь можно упомянуть исследование А. С. Степанова, который рассматривал отечественную авиацию периода 1938–1941 гг. как «систему, состоящую из определенных взаимосвязанных элементов – воздушных сил и авиапромышленности, включающую в себя производственную и научно-исследовательскую сферы, а ее развитие – как процесс, находящийся под влиянием различных факторов» (внешнеполитических, экономических, социальных и военных) [5, с. 60].

Интересен также подход к оценке государственной политики в авиационной отрасли со стороны представителей технической сферы. В частности, кандидат технических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории техники и технических наук Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН Д. А. Соболев в своих работах, в отличие от вышеназванных современников, не стремится к выделению отдельных этапов развития отрасли в советский период с опорой на анализ политико-управленческих стратегий государства в рассматриваемой отрасли, отдавая предпочтение ориентации на хронологию внедрения научно-технологических новаций при создании техники [15].

Примечательны также исследования, предметом которых является узкий спектр вопросов. В частности, кандидат исторических наук А. Ю. Каратеев опубликовал монографию, посвященную подготовке авиационных инженеров в России и СССР в 1909–1945 гг. [16], в которой обратил особое внимание на государственное управление подготовкой инженеров в советский период, выделив в качестве предмета своего исследования деятельность основных ак-

торов подготовки специалистов в рассматриваемой сфере – высших учебных заведений, государственных и партийных органов, частных лиц.

Таким образом, методологической основой исследований данного периода ставится принцип системности, т. е. изучения исторических событий, явлений, фактов и феноменов не изолированно друг от друга, а в совокупности. Кроме того, предпринимаются успешные попытки систематизации научного знания в части систематизации и классификации работ в сфере авиации и авиационной промышленности, обсуждения релевантности привлечения тех или иных источников и т.д.

Выделение государственной политики в отрасли гражданского авиастроения в качестве отдельного направления исследований (разделение авиационной промышленности гражданского и военного назначения) становится задачей нового этапа развития исследований в рассматриваемой сфере. Кроме того, в отличие от работ советского времени, значительное внимание уделяется экономической составляющей развития гражданского авиастроения (в работах до 2014 г. зачастую поднимаются вопросы международной кооперации и экспорта в сфере разработки, производства, продажи и последующего технического обслуживания продукции авиационной промышленности; вопросы реорганизации системы управления отраслью по пути повышения эффективности и др.). После 2014 г. появляются работы, посвященные оценке устойчивости отечественной авиационной промышленности в условиях санкций, больше внимания уделяется вопросам стратегического отраслевого управления, исследуются возможности и ограничения реализации политики импортозамещения.

Так, применительно к оценке реализации государственной политики непосредственно в отрасли гражданского авиастроения в России существует ряд работ прикладного содержания. В частности, старшие научные сотрудники ИМЭМО РАН М. Г. Евдотьева и И. В. Данилин предлагают сравнительное исследование реализации государственной политики в отрасли гражданского авиастроения на примере России и Бразилии в контексте организации экспорта произведенных в рассматриваемых странах региональных самолетов. Как отмечают исследователи, отсутствие успехов российского проекта SSJ связано с «незрелостью инновационной системы, недоработанностью и в целом недостаточной прозрачностью механизмов финансирования и инвестирования, некоторыми технологическими недоработками в рамках

проекта SSJ, а также низкой эффективностью продаж, которые не удалось органично увязать со стратегией партнерств с зарубежными авиахолдингами и развитием международной кооперации» [17, с. 179].

В статье заместителя Председателя Правительства РФ, министра промышленности и торговли РФ кандидата экономических наук Д. В. Мантурова и профессора МАИ доктора экономических наук В. В. Клочкова сделан вывод о дефиците системного стратегического видения перспектив развития авиации и смежных отраслей с учетом качественных изменений технологических, социально-экономических, экологических, политических и других факторов [18, с. 11].

Профессор кафедры экономики инноваций и управления проектами МАИ доктор технических наук Л. Б. Соболев в своих работах рассматривает процесс формирования структуры управления отраслью авиастроения в современной России. В частности, при оценке отечественной модели реформирования отрасли авиастроения в 2000-х гг. он отмечает наличие преемственности с отдельными советскими управленческими практиками, что проявляется в интеграции отраслевых предприятий в единую систему, а также в формировании «сверху» (усилиями государства и под государственным контролем) монополистических холдингов. В то же время обнаруживается разница между порядком распределения ресурсов внутри данных организаций: конкурентный – в советское время; договорной – в современной российской практике [19, с. 9].

Таким образом, история изучения государственной политики в отрасли авиастроения в России берет начало в середине XX в. с первыми трудами специалистов, которые непосредственно работали на предприятиях авиационной промышленности и стремились дать оценку принимаемым в рамках отрасли политико-управленческим решениям. Развитие авиапрома (в том числе как результат реализации государственной политики в данной сфере) становится предметом системного исследования лишь к 1970–1980-м гг. в работах историков авиации и авиационной промышленности, что связано как с появлением достаточного количества источников по теме, так и с деидеологизацией гуманитарной науки. Традиционно в отечественной литературе государственная политика в отрасли гражданского авиастроения рассматривается лишь как одна из составляющих государственной политики в авиапромышленной сфере, приоритет в последней отдается

исследованиям авиапрома военного назначения. Несколько иная ситуация наблюдается в последние десятилетия, когда на первый план в рамках профильных исследований выходят отдельные прикладные аспекты развития отрасли, характерные в том числе и исключительно в контексте производства продукции гражданского назначения. Таким образом, с течением времени исследовательская задача в рамках изучения государственной политики в отрасли авиастроения начинает сводиться к решению прикладных задач (перспективы международной кооперации в контексте создания новых самолетов; минимизация ущерба от санкций и пандемии; обеспечение транспортных перевозок в труднодоступные части страны и пр.), при этом не освещенным в научных трудах остается вопрос преемственности развития авиастроения советского и современного российского периодов, отсутствуют работы с комплексным анализом советской базы авиастроения и перспектив ее использования, слабо освещается роль экстраординарной составляющей в формировании и принятии политико-управленческих решений. Системные исторические исследования, затрагивающие вопросы государственной политики и управления в рассматриваемой сфере (что было характерно для 1970-х – начала 2000-х гг.), сменяются прикладными работами экономистов.

Западный опыт изучения государственной политики в отрасли авиастроения. Обращаясь к анализу опыта изучения государственной политики в сфере авиастроения в западных странах, следует отметить различия в подходе российских и североамериканских и европейских исследователей к рассматриваемой проблеме. Авиационная промышленность – науко- и капиталоемкая отрасль, в любой стране требующая значительного государственного участия (как в финансировании, так и в организации процесса подготовки кадров, регулирования представленности продукции на внутреннем рынке и ее экспорта). В то же время авиастроение в СССР и в западных странах (США и страны Европы) развивалось в различных условиях – плановой и рыночной экономики соответственно. В этой связи изучение государственной политики в отрасли авиастроения велось в рамках не исторической или политической науки, а экономической. На преобладание экономической составляющей при оценке предмета над социальной или политической указывает и выбор терминологии. Так, например, зачастую для обозначения гражданского авиастроения используется термин «commercial aircraft (building)» (коммерческое авиастроение).

Для западных работ в целом в контексте анализа государственной политики в отрасли авиастроения характерна апелляция к конкретным механикам повышения эффективности авиастроительного производства, которая в своей основе имеет политэкономическую теорию эндогенного экономического роста. Задачей государства, таким образом, становится стимулирование повышения эффективности производств за счет создания такой экономической системы, которая бы обеспечивала: обучение специалистов, в том числе на базе производств (К. Эрроу) [20]; «перелив знаний» между фирмами-производителями (П. Ромер) [21]; передачу социокультурных знаний и навыков в результате трансфера технологий (М. Левин) [22]; передачу «явных» и «неявных» знаний (Х.-Дж. Стинхьюс и Е.-Дж. де Брюйн) [23].

В данном контексте интересно рассмотреть коллективную монографию «The Global Commercial Aviation Industry» («Глобальная индустрия коммерческой авиации»), представленную в 2015 г. профессором экономической географии Бизнес-школы в Йёнчёпинге (Швеция, Jönköping International Business School) С. Эрикссоном и профессором управления и международного бизнеса Колледжа бизнеса Гавайского Тихоокеанского университета (США, College of Business, Hawaii Pacific University) Х.-Дж. Стинхьюсом [24]. Уникальность и разнородность авторского коллектива дает возможность реализовать цель исследования – представить комплексный обзор мировой индустрии коммерческой авиации и авиастроения с учетом выделяемого исследователями «географического элемента». Несмотря на разнообразие профессиональной специализации авторов и решаемых в рамках работы задач, можно обозначить некоторые черты, демонстрирующие общность подхода исследователей и, соответственно, характеризующие сложившийся в западной науке подход.

Так, общим для исследователей является суждение о том, что развитие авиастроения возможно только в рамках международной кооперации (опять же – в том числе идущее от ранее описанного политэкономического подхода, постулирующего необходимость обеспечения глобального «перелива знаний»). Так, Д. Вертези выделяет две ключевые стратегии развития авиапромышленных предприятий в странах мира на современном этапе. Первая стратегия предполагает реализацию полного цикла создания продукции в рамках одной страны. Ее в разное время придерживались Япония, Китай и Индонезия, однако коммерческого успеха дан-

ная стратегия достигла лишь при создании ориентированного на конкретную рыночную нишу бразильского Embraer. Вторая стратегия (более предпочтительная) предполагает интернационализацию производства, локализацию создания компонентов продукции авиапромышленного комплекса в разных странах, организацию сложной цепочки поставок и совместные опытно-конструкторские разработки [25].

Таким образом, зарубежных исследователей занимает вопрос международной кооперации в контексте создания авиационной техники: по мере развития отрасли, повышения ее капиталоемкости и наукоемкости, стремления ключевых авиапромышленных предприятий к выходу на новые рынки развивающихся стран получают развитие научные работы, предлагающие оценку потенциала стран по направлению их инкорпорации в производственные цепочки и цепочки сбыта продукции (это особенно актуально для развивающихся экономик: Индии и Китая, Малайзии, Индонезии, Сингапура и др.).

Кроме того, следует рассмотреть работы зарубежных исследователей, содержащие наиболее оригинальные подходы к анализу формирования и реализации государственной политики в сфере авиастроения (и в промышленной сфере в целом) в России и Советском Союзе.

Так, немецкий историк, советолог С. Шаттенберг в книге «Инженеры Сталина: жизнь между техникой и террором в 1930-е годы» (2002 г., российский перевод опубликован в 2011 г.) обратила внимание на жизненный путь рядовых советских инженеров в 1930-е гг. (в том числе в выборку вошли два авиаконструктора – А. С. Яковлев, Т. Б. Кожевникова), описала их стремление к научному и творческому поиску, осветила общественные настроения того времени [26, с. 228].

В работе «Команда Сталина. Годы опасной жизни в советской политике» (2015 г., российский перевод опубликован в 2021 г.) американский советолог Ш. Фицпатрик проводит оценку роли лидерской подсистемы, сложившейся вокруг И. В. Сталина, в принятии политико-управленческих решений [27].

Наиболее полное зарубежное исследование государственной политики в отрасли гражданского авиастроения современной России представлено в вышеназванной коллективной монографии «The Global Commercial Aviation Industry» («Глобальная индустрия коммерческой авиации», 2015 г.): в статье за авторством С. Эрикссона и А. Лозано «Гражданское авиастроение в России и Украине. Стратегическая

трансформация и перспективы» опубликованы результаты исследования о взаимозависимости комплексов авиационной промышленности России и Украины. Безусловным приоритетом работы стран по данному направлению авторам представляется обеспечение конкурентоспособности продукции авиапрома на мировом рынке, при этом политический аспект взаимодействия двух государств (статья написана в 2015 г.) оговаривается (в контексте возможной, но не обязательной переориентации Украины на западный рынок), но не учитывается в качестве ограничения развития отрасли [28].

Таким образом, для работ западных исследователей характерен примат экономики в развитии авиастроения над политической и социальной сферой. В оценке государственной политики в отрасли гражданского авиастроения авторы полагаются на количественные показатели производства, скорости достижения предприятиями авиационной промышленности «точки безубыточности», эффективности выстраивания цепочек поставок и др.

Говоря о России, зарубежные авторы непременно обращают внимание на значимую роль государства в развитии национальной промышленности, однако роль последнего в создании самостоятельной национальной промышленности сводится к попытке найти баланс между экономической выгодой игроков рынка, а не к обеспечению независимости промышленного производства, прежде всего, для внутрироссийского спроса.

Итак, подведем итог. Несмотря на то, что развитие авиастроения в Советском Союзе, США и Европе шло параллельно и хронологически одновременно, содержание и методы отраслевой государственной политики имели значительные различия. Так, западные исследования в большей степени ориентированы на решение экономических прикладных задач, в связи с чем гражданское направление в большей степени отделено от авиастроения в целом; подчеркивается его коммерческая ориентация. Обратная ситуация наблюдается в России, где в рамках исследований, как правило, не происходит разделения гражданского и военного авиастроения.

Для российских исследователей вопрос развития авиационной промышленности в основном лежит в политико-социальной плоскости (отрасль служит обеспечению связности территории страны, мобильности населения, расширению логистических возможностей грузоперевозок, освоению пространств Арктической зоны и др.). Больше внимания уделя-

ется политико-управленческим, социальным и геополитическим факторам развития отрасли.

В то же время в отечественной литературе представлено крайне мало сравнительных межстрановых исследований (кроме работ, посвященных оценке сил сторон в военных конфликтах), что связано как с отсутствием в открытом доступе статистических данных в достаточном объеме в советский период, так и с отставанием современной российской авиационной промышленности гражданского назначения от западных представителей отрасли, что делает сравнение формирования и реализации государственной политики в авиастроительной сфере в России и за рубежом нерелевантным. В свою очередь, в западной литературе широкое распространение получают исследования государственной политики в отрасли авиастроения развивающихся стран в контексте перспектив усиления международной кооперации в сфере, релокации производств, занятия новых растущих рынков.

Список литературы

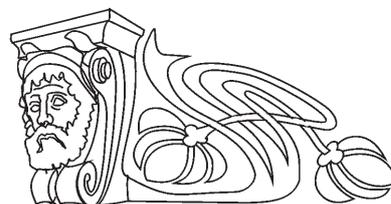
1. Анфилов В. А. Бессмертный подвиг. Исследование кануна и первого этапа Великой Отечественной войны. М. : Наука, 1971. 544 с.
2. Вознесенский Н. А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М. : Госполитиздат, 1948. 192 с.
3. Чутко И. Э. Красные самолеты. 2-е изд. М. : Политиздат, 1979. 128 с.
4. Шумихин В. С. Советская военная авиация 1917–1941. М. : Наука, 1986. 284 с.
5. Степанов А. С. Развитие советской авиации в предвоенный период (1938 год – первая половина 1941 года). М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2009. 421 с.
6. Яковлев А. С. Цель жизни. Записки авиаконструктора. М. : Политиздат, 1969. 624 с.
7. Шахурин А. И. Крылья Победы. 3-е изд., доп. М. : Политиздат, 1990. 320 с.
8. Озеров Г. А. Туполевская шарага. 2-е изд. Frankfurt/M. : Посев, 1973. 125 с.
9. Покрышкин А. И. Познать себя в бою. СПб. : ДЕАН, 2014. 328 с.
10. Бодрихин Н. Г. Туполев. М. : Молодая гвардия, 2011. 455 с.
11. Чуев Ф. И. Ильюшин. М. : Молодая гвардия, 2010. 288 с.
12. Дузь П. Д. История воздухоплавания и авиации в России (период до 1914 г.). М. : Машиностроение, 1981. 272 с.
13. Пономарев А. Н. Советские авиационные конструкции. 3-е изд., испр. и доп. М. : Воениздат, 1990. 320 с.
14. Мухин М. Ю. Авиапромышленность СССР в 1921–1941 годах. М. : Наука, 2006. 320 с.
15. Соболев Д. А. Хроника советской гражданской авиации. 1918–1941 гг. М. : Русские Витязи, 2019. 328 с.
16. Каратеев А. Ю. Авиационные инженеры в России и СССР. Подготовка кадров в 1909–1945 гг. М. : АИРО-XXI, 2013. 368 с.
17. Евдотьева М. Г. Сравнительный анализ отраслевых инновационных систем: Россия и Бразилия на рынке региональных самолетов // Вестник МГИМО-Университета. 2018. № 3 (60). С. 179–197. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2018-3-60-179-197>
18. Мантуров Д. В., Клочков В. В. Методологические проблемы стратегического планирования развития российской авиационной промышленности // Электронный журнал «Труды МАИ». 2012. Вып. 53. URL: <https://trudymai.ru/upload/iblock/224/organizatsionnye-aspekty-formirovaniya-strategii-razvitiya-rossiyskogo-aviastroeniya-i-otraslevoy-nauki.pdf?lang=ru&issue=59> (дата обращения: 12.09.2023).
19. Соболев Л. Б. Горизонтальная интеграция или конгломерация? // Экономический анализ: теория и практика. 2015. № 24 (423). С. 2–11.
20. Arrow K. J. The Economic Implications of Learning by Doing // The Review of Economic Studies. 1962. Vol. 29, iss. 3. P. 155–173. <https://doi.org/10.2307/2295952>
21. Romer P. The origins of endogenous growth // Journal of Economic Perspectives. 1994. Vol. 8, iss. 1. P. 3–22. <https://pubs.aeaweb.org/doi/pdfplus/10.1257/jep.8.1.3>
22. Levin M. Technology transfer as a learning and development process: an analysis of Norwegian programmes on technology transfer // Technovation. 1993. Vol. 13, iss. 8. P. 497–518. [https://doi.org/10.1016/0166-4972\(93\)90065-4](https://doi.org/10.1016/0166-4972(93)90065-4)
23. Steenhuis H.-J., de Bruijn E. J. Developing countries and the aircraft industry: Match or mismatch // Technology in Society. 2001. Vol. 23, iss. 4. P. 551–562. [https://doi.org/10.1016/S0160-791X\(01\)00036-7](https://doi.org/10.1016/S0160-791X(01)00036-7)
24. The global commercial aviation industry / ed. by S. Eriksson, H.-J. Steenhuis. London : Routledge, 2015. 405 p. <https://doi.org/10.4324/9780203582022>
25. Vétesy D. The contours of the global commercial aircraft manufacturing industry // The global commercial aviation industry / ed. by S. Eriksson, H.-J. Steenhuis. London : Routledge, 2015. P. 1–33.
26. Шамтенберг С. Инженеры Сталина: Жизнь между техникой и террором в 1930-е годы. М. : РОССПЭН, 2011. 478 с.
27. Фицпатрик Ш. Команда Сталина. Годы опасной жизни в советской политике. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2021. 528 с.
28. Lozano A., Eriksson S. The commercial aircraft industry in Russia and Ukraine. Strategic transformation and prospects // The global commercial aviation industry / ed. by S. Eriksson, H.-J. Steenhuis. London : Routledge, 2015. P. 297–317.

Поступила в редакцию 07.11.2023; одобрена после рецензирования 15.11.2023; принята к публикации 25.11.2023
The article was submitted 07.11.2023; approved after reviewing 15.11.2023; accepted for publication 25.11.2023

Научная статья
УДК 327.8:341.655

Противодействие антироссийским экономическим санкциям 2022–2023 гг.

Н. В. Самаков

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9

Самаков Никита Владимирович, аспирант кафедры политических институтов и прикладных политических исследований, meepokappa@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0005-3097-4927>

Аннотация. В статье приведён анализ противодействия антироссийским экономическим санкциям. Противодействие санкциям рассматривается через призму политики обеспечения экономической безопасности страны. Раскрывается механизм принятия решений в области противодействия экономическим санкциям, выделяются основные направления мер, способствующих адаптации экономики страны к условиям санкционных ограничений и защите от угроз, сопряжённых с экономическими санкциями. Обеспечение экономической безопасности в условиях санкционных ограничений осуществляется на двух уровнях – федеральном и региональном. При этом формирование рамок и основных направлений такой политики осуществляется на федеральном уровне. Президент определяет основные направления внутренней и внешней политики, издаёт указы, определяющие основные положения того или иного направления политики. Правительство и Федеральное Собрание РФ реализуют обозначенные направления и влияют на обеспечение экономической безопасности страны в целом. Так, в период санкционных ограничений Президент РФ дал ряд поручений, направленных на поддержку определённых отраслей экономики, укрепление экономического суверенитета страны, а также определил географические направления для переориентации внешнеэкономического сотрудничества – СНГ, Азия, Африка и Латинская Америка. Более конкретную политику в рамках направлений, определённых на федеральном уровне, на субнациональном уровне формируют региональные органы власти. Основными направлениями мер регионального уровня стали: импортозамещение, стимулирование экспортной деятельности, формирование новых логистических цепочек, интенсификация межрегиональной кооперации, развитие внешней торговли, формирование более привлекательного инвестиционного климата. При этом в зависимости от специфики региона отличается и набор инструментов и ресурсов, более активно применяемый региональной властью в рамках противодействия санкциям.

Ключевые слова: антироссийские санкции, противодействие санкциям, экономическая безопасность

Для цитирования: Самаков Н. В. Противодействие антироссийским экономическим санкциям 2022–2023 гг. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 113–119. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-1-113-119>, EDN: RSQANU

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Countering anti-Russian economic sanctions: 2022–2023

N. V. Samakov

St. Petersburg University, 7–9 Universitetskaya Emb., St. Petersburg 199034, Russia

Nikita V. Samakov, meepokappa@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0005-3097-4927>

Abstract. The article provides an analysis of measures designed to counter anti-Russian sanctions. Countering sanctions is considered in the context of ensuring economic security. The article reveals decision making in the field of countering economic sanctions. It identifies the main directions of measures introduced to help the economy to adjust to the restrictions and to counter the threats posed by the new sanctions. Ensuring economic security in the context of sanctions is carried out at two levels: national and subnational. The framework and main directions of the respective policy are determined at the national level. The president of Russia determines the guidelines of the internal and foreign policies of the state, issues decrees and orders defining the particularities of a policy. The Government and the Federal Assembly of the Russian Federation implement policies determined by the president and generally influence economic security of the country. Thus, when the new sanctions were imposed, the president issued several orders designed to support certain sectors of the economy and strengthen the economic sovereignty and also defined new priorities for foreign economic cooperation – The Commonwealth of Independent States (CIS), Asia, Africa and Latin America. At the subnational level, regional authorities determine more specific policies within the framework formed at the national level. The common directions of measures designed to counter the sanctions at the regional level were the following: import substitution, stimulation of export activity, formation of new logistics chains, enhancement of cooperation between

Russian regions, development of some other directions for foreign trade, formation of a more attractive investment climate. However, the set of tools and resources regional authorities used more actively in the context of countering the new sanctions differs from region to region.

Keywords: anti-Russian sanctions, countering sanctions, economic security

For citation: Samakov N. V. Countering anti-Russian economic sanctions: 2022–2023. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 113–119 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-1-113-119>, EDN: RSQANU

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Актуальность темы научного исследования обусловлена изменениями на международной арене, которые формируют новые угрозы национальной безопасности Российской Федерации. В 2022 г. Россия стала мировым лидером по количеству санкций [1]. Санкционные ограничения подвергают угрозам экономическую безопасность страны: разрушают логистические цепочки, нарушают связи с поставщиками продукции, с рынками сбыта, сокращают возможности для реализации товаров и услуг, обслуживания производственного оборудования. Антироссийские санкции также имеют неформальный аспект – прочие акторы могут избегать связей с Россией и отказываться от сделок с ней ввиду потенциальных санкционных и имиджевых рисков. Уход иностранных компаний также формирует ряд угроз для экономики страны в краткосрочной перспективе.

Российская экономика подвержена санкциям уже несколько лет и имеет некоторый опыт противодействия негативным последствиям санкционных ограничений и преобразования их в положительные для национальной экономики факторы, однако текущие изменения экономической конъюнктуры имеют несопоставимые с прежним опытом масштабы. Текущее положение можно охарактеризовать как развитие качественно нового этапа санкционного противостояния.

В сложившихся условиях российская экономика в целях обеспечения и поддержания экономической безопасности страны вынуждена адаптироваться к новым реалиям. Несмотря на беспрецедентные масштабы санкционных ограничений, многие негативные прогнозы о спаде российской экономики не оправдались [2]. Более того, объём товарного экспорта в 2022 г. установил исторический рекорд [3]. Всё это стало возможным благодаря деятельности политических акторов, реализующих и координирующих меры, направленные на обеспечение экономической безопасности и противодействие санкционным угрозам в сфере экономики.

Под санкциями понимаются ограничительные меры, предназначение которых – оказание давления на другое государство в целях

изменения его политического курса. Санкции являются инструментом внешней политики и зачастую носят экономический характер. Для обозначения такого рода санкций наиболее подходящим представляется термин «экономические санкции».

Экономические санкции неизбежно формируют ряд угроз для экономической безопасности государства (хотя при должной политике в долгосрочной перспективе они могут выступать позитивным фактором для экономического развития и укрепления экономической безопасности). Под угрозами экономической безопасности, как правило, понимаются прямые или косвенные возможности нанесения ущерба экономическим интересам личности, общества или государства [4, с. 48] либо же явления и процессы, которые отрицательно влияют на экономическое состояние страны, общества, личности [5, с. 28].

На сегодняшний день в академическом сообществе не сложилось единого подхода к определению экономической безопасности. Ряд авторов определяют экономическую безопасность как совокупность условий и свойств, характеризующих состояние экономики (например, В. К. Сенчагов [6, с. 368]). Другая группа авторов делает упор на такие элементы, как состояние независимости и свободы от угроз, суверенитет (например, С. Н. Яшин и Е. Н. Пузов [7, с. 32]). Третья группа авторов рассматривает экономическую безопасность как способность (возможность) создавать необходимые условия для жизни и развития, а также обеспечивать ресурсами (например, Е. А. Чурикова [8, с. 43]). Также возможно сочетание различных акцентов в одном определении (как это делают, к примеру, Ю. А. Саликов, И. И. Золотарева, Т. А. Бородкина [9, с. 491]).

В контексте исследования политики противодействия экономическим санкциям следует применять такую интерпретацию экономической безопасности, которая предполагает активный, деятельностный подход, так как исследуются меры, предпринимаемые политическими акторами. Наиболее подходящим представляется следующий вариант определения: экономическая безопасность – это состояние

защищённости хозяйствующих субъектов, государства, общества, индивида от угроз и их последствий в экономической сфере, обеспечиваемое органами государственной власти. Данное определение делает акцент на деятельности политических акторов – органов государственной власти, а также разделяет деятельностный подход, так как условия защищённости экономики государства обеспечиваются за счёт активных действий органов власти. Оно позволяет исследовать политику, направленную на обеспечение экономической безопасности страны и противодействие санкциям. Кроме того, данное определение не противоречит традициям развития понятия экономической безопасности, но в то же время адаптирует его под нужды исследования. В конечном счёте оно позволяет сфокусироваться на политической стороне вопроса.

Политика противодействия экономическим санкциям нацелена, в первую очередь, на обеспечение экономической безопасности, предотвращение и ликвидацию угроз экономической безопасности страны. Термин «политика» содержит в себе три базовых значения: деятельность людей, организаций, направленная на получение политической власти (politics), совокупность мер, реализуемых в рамках определённого курса (policy) и политическое образование (polity). В рамках данного исследования под «политикой» имеется в виду совокупность мер, реализуемых в рамках определённого курса (т. е. policy). Исследуется политика, нацеленная на защиту экономической безопасности, которую можно определить как разрабатываемый и реализуемый органами государственной власти комплекс мер и средств, направленных на обеспечение состояния защищённости государства, его жителей и хозяйствующих субъектов от угроз и их последствий в экономической сфере.

Экономическая безопасность государства формируется на основе экономической безопасности его регионов. Так, ряд авторов рассматривают экономическую безопасность региона как неотъемлемую часть экономической безопасности государства (например, Ш. А. Илаев [10, с. 205–206]). Соответственно, обеспечение экономической безопасности страны, как и противодействие экономическим санкциям, осуществляется на двух уровнях: федеральном и региональном, или, другими словами, национальном и субнациональном.

Говоря о механизме принятия решений в области обеспечения экономической без-

опасности в контексте санкционных угроз, на федеральном уровне следует выделить роль президента страны. Президент РФ определяет основные направления внутренней и внешней политики, а также обладает правом законодательной инициативы. Так, российский президент утвердил ряд нормативно-правовых актов, которые легли в основу политики обеспечения экономической безопасности. Это такие документы, как Стратегия национальной безопасности [11], Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года [12], пришедшая на смену Указу «О Государственной стратегии экономической безопасности Российской Федерации (Основных положениях)» [13].

Федеральное Собрание РФ посредством законодательной деятельности формирует институциональный каскад для обеспечения экономической безопасности, а Правительство РФ, помимо законодательных инициатив, реализует меры в рамках направлений внутренней и внешней политики, определённых Президентом РФ. Кроме того, в рамках Федерального Собрания и Правительства РФ действуют специализированные комитеты и комиссии (например, Правительственная комиссия по повышению устойчивости развития российской экономики в условиях санкций, Комитет Государственной Думы по промышленности и торговле), а правительство включает в свой состав министров, деятельность которых затрагивает и вопросы обеспечения экономической безопасности. Помимо формирования общегосударственных условий обеспечения экономической безопасности, Федеральное Собрание и Правительство РФ могут разрабатывать нормативно-правовые акты, касающиеся конкретного региона. Например, один из последних таких законопроектов касается экономического развития Республики Крым – законопроект «О внесении изменений в Федеральный закон “О развитии Республики Крым и города федерального значения Севастополя и свободной экономической зоне на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя”» [14], выдвинутый Правительством России.

Регионы (субъекты) Российской Федерации также обладают возможностями для реализации собственной политики в сфере экономики, однако такая политика лимитируется рамками, установленными на федеральном уровне, и разграничениями предметов ведения. Таким образом, условия формирования и реализации политики в области обеспечения экономиче-

ской безопасности во многом определяются на федеральном уровне. В то же время у регионов сохраняется значительное пространство для возможностей – в области развития торгово-экономических связей с другими странами и их регионами, импортозамещения, развития внутрирегионального производства в целях импортозамещения в конкретных секторах экономики и снижения зависимости от поставок и обслуживания оборудования иностранными игроками.

Общий каркас региональной системы органов власти повторяет структуру федерального уровня: глава субъекта, региональное правительство и региональный орган законодательного собрания. В то же время региональным структурам органов власти, компетентных в сфере обеспечения экономической безопасности, присущи некоторые индивидуальные особенности. В качестве примера среди наиболее активных во внешнеэкономической деятельности российских регионов можно выделить следующие особенности. В рамках Правительства Москвы выделяется ряд комплексов городского управления, созданных для координации деятельности и совершенствования структуры органов исполнительной власти города Москвы (например, комплекс экономической политики и развития, который включает такие ведомства, как Департамент¹ экономической политики и развития и Департамент торговли и услуг города Москвы), в то время как ряд департаментов не входит ни в какой комплекс городского управления (например, Департамент внешнеэкономических и международных связей). Республику Татарстан отличает наличие собственной сети представительств как за рубежом, так и в рамках Российской Федерации. Кроме того, в структуре исполнительной власти Республики Татарстан функционируют два специализированных отдела, деятельность которых направлена на развитие международного сотрудничества, – Департамент внешних связей в администрации Раиса РТ² и Отдел международных связей в Министерстве промышленности и торговли Республики Татарстан.

В рамках обеспечения экономической безопасности в условиях санкционных ограничений принимались меры как на федеральном, так и на региональном уровне. Так, Президент РФ дал ряд поручений, среди которых было расширение внешнеэкономического взаимодействия

с перспективными партнёрами из дружественных государств, включая наращивание объёмов взаимной торговли и расчётов в национальных валютах, укрепление технологического и обеспечение финансового суверенитета страны, увеличение инвестиционной активности [15]. В качестве основных географических направлений были выделены страны СНГ, Азии, Африки и Латинской Америки [15]. Кроме того, следует отметить формирование Правительственной комиссии по повышению устойчивости развития российской экономики в условиях санкций, а также принятие Комиссией ряда пакетов федеральных мер поддержки в рамках реализации Плана первоочередных действий по обеспечению развития российской экономики в условиях внешнего санкционного давления [16] и федеральные программы поддержки системообразующих предприятий [17].

Аналогичные пакеты мер финансовой поддержки, направленные на поддержку бизнеса и граждан, принимаются на региональном уровне [18], в том числе как мера поддержки экспортёров [19] и промышленных производителей [20]. Также формируются региональные перечни системообразующих предприятий, предполагающие программы поддержки таких предприятий [21].

Обобщая множество предпринимаемых на региональном уровне мер, на примере некоторых наиболее активных во внешнеэкономической деятельности регионов можно выделить следующие общие направления: импортозамещение, стимулирование экспортной деятельности, формирование новых логистических цепочек, интенсификация межрегиональной кооперации, развитие направлений для внешней торговли посредством взаимодействия с другими государствами (или их регионами/городами), формирование привлекательных условий для привлечения инвестиций в регион.

В то же время в рамках данных направлений наблюдается ряд различий. Москва, например, отличается стимулированием развития собственного промышленного производства, применяя в основном финансовые ресурсы: субсидии, займы на льготных условиях, гранты на создание и развитие производства, импортозамещающих проектов. Усилия столицы были направлены во многом на локализацию такого производства в городе за счёт предоставления земельных участков на льготных условиях и офсетных контрактов. Также Правительство Москвы заключило соглашение с другими производственными силами – соглашение о техно-

¹ Аналог министерства.

² Официальное наименование главы Республики Татарстан.

логическом сотрудничестве с ПАО «КамАЗ» [22]. Кроме того, был создан ряд сервисов, позволяющих предприятиям искать необходимые товары среди отечественных поставщиков и производителей, а через портал поставщиков Москва закупала преимущественно продукцию российских производителей [23].

В Санкт-Петербурге также в целях локализации производства на территории города был заключён офсетный контракт [24]. Как и в Москве, были заключены соглашения с рядом организаций: с Объединенной судостроительной корпорацией – в рамках проекта высокотехнологичного центра машиностроения и логистики; с Росатомом – в сфере импортозамещающих и новых технологий для атомной промышленности; с Трансмашхолдингом – о создании площадки для производства современного электрического транспорта; с компанией «Прибор» – для создания Национального центра авиационного приборостроения [25]. В Санкт-Петербурге, в отличие от Москвы, не были созданы сервисы по поиску отечественных поставщиков в целях импортозамещения. Вместо этого наблюдается более активное сотрудничество с другими субъектами Российской Федерации в торгово-экономическом направлении.

Ханты-Мансийский автономный округ – Югра принимает меры, направленные на развитие сотрудничества с другими регионами РФ. В целях локализации производства была создана ОЭЗ производственно-промышленного типа «Нягань» [26]. Кроме того, в целях укрепления технологического суверенитета был сформирован проект, предусматривающий создание научно-технологического центра – «Юнити парк» [27].

В Республике Татарстан, как и в Москве, была создана организация, основной целью которой является поиск замещающей продукции, – «Центр импортозамещения» [28]. Также Республика Татарстан активно формировала линии торгово-экономического сотрудничества с другими регионами Российской Федерации.

Таким образом, в рамках направления импортозамещения выделяются следующие отличия. Наиболее активное применение финансовых инструментов, в том числе направленных на конкретные экономические отрасли, характерно для Москвы. Усилия по локализации и созданию местного импортозамещающего производства также в большей степени присущи Москве. Заключением соглашения с различными организациями в рамках импортозамещения более активно занимался Санкт-Петербург.

С точки зрения развития межрегионального сотрудничества наиболее активным регионом стала Республика Татарстан, наименьшая активность в данном аспекте характерна для Москвы и ХМАО. В целом за первый год с начала специальной военной операции и массированного введения антироссийских санкций у главы Республики Татарстан состоялись встречи с представителями 16 регионов РФ, у Санкт-Петербурга – 10, у Москвы и ХМАО – 2 регионов.

Одним из факторов высокой активности Республики Татарстан (помимо развитой экономики) в межрегиональном сотрудничестве является национальный компонент республики, который формирует новые связующие элементы между регионами – диаспора, культура. Москва вместо прямых связей главы субъекта с представителями других регионов в данном вопросе применяет сервисы по поиску импортозамещающей продукции (аналогичную применяет и Республика Татарстан). Для ХМАО характерна меньшая активность в рамках импортозамещения, так как регион – экспортно ориентированный, и экономика данного субъекта в меньшей степени зависит от импорта, который составляет низкую долю в структуре товарооборота ХМАО.

В целях стимулирования экспорта региональной продукции в регионах действуют региональные экспортные центры, оказывающие помощь местным экспортёрам, в том числе в рамках представления местного продукта на зарубежных выставках. В контексте данного направления опять же для Москвы характерно применение финансовых инструментов – компенсации части расходов для экспортёров. Аналогичная мера введена в Санкт-Петербурге, но с более узкой отраслевой направленностью.

Кроме того, развивались международные связи с другими государствами. Такие связи создают возможности развития торгово-экономического сотрудничества в различных сферах, а также реализации различных совместных проектов. В целом наиболее активные во внешнеэкономической сфере регионы Российской Федерации расширяли контакты по направлениям, обозначенным Президентом РФ. Высокой активностью в данном вопросе выделяется Республика Татарстан. За первый год с начала массированного введения антироссийских санкций Раис Республики Татарстан провёл встречи по вопросам, затрагивающим торгово-экономическое сотрудничество, с представителями 15 государств. Глава ХМАО встретился с

представителями 9 стран, Санкт-Петербурга – 9 стран, Москвы – с представителями 1 страны. В данном вопросе следует отметить следующие факторы. Во-первых, как и в случае с межрегиональным сотрудничеством, важное значение имеет национальный и религиозный компонент Республики Татарстан. Он даёт РТ дополнительные точки соприкосновения во взаимодействии с иностранными государствами. Преимущественно взаимодействие главы Республики Татарстан осуществлялось со странами, основная масса населения которых придерживается ислама. Татарстан с такими странами объединяет единство религии и, соответственно, культуры, что позволяет ему взаимодействовать в том числе в сферах, связанных с мусульманскими обычаями, такими как индустрия халяль. Кроме того, сотрудничеству способствует наличие татарской диаспоры в ряде стран. Немаловажным фактором является наличие Департамента внешних связей непосредственно в структуре администрации Раиса РТ. В Москве, в свою очередь, ставка делается не на личные контакты губернатора, а на работу специализированных ведомств (таких как региональный экспортный центр, сервисы по поиску замещающих товаров, портал поставщиков). Кроме того, за счёт столичного статуса города московские производители обладают доступом к инфраструктуре федерального уровня, что также снижает необходимость в прямых контактах с губернатором как связующим звеном между производителями города и внешним миром.

В целом внешние экономические связи активно развивались в соответствии с географическими направлениями, обозначенными Президентом Российской Федерации. Выбираемые для сотрудничества страны объединяют в основном положительные взаимоотношения с Россией, такие страны не поддержали антироссийские санкции и не имеют антироссийской позиции и русофобских настроений (хотя в силу дипломатических причин в ряде случаев некоторые из стран поддержали негативные по отношению к России международные инициативы).

Подытоживая результаты противодействия санкционным угрозам, следует отметить, что принимаемые меры способствуют укреплению экономического суверенитета, самодостаточности, снижению зависимости от «недружественных стран», развитию собственного производственного потенциала, межрегионального сотрудничества и сотрудничества с иностранными государствами по новым направлениям, а

также ликвидации последствий угроз экономической безопасности, связанных с международными санкциями. Вдобавок к этому, реализуя такие меры, Российская Федерация участвует и в более глобальных процессах мировой политики: за счёт развития межгосударственного сотрудничества по новым направлениям Россия способствует формированию более полицентричного и многополярного мира, а также снижению зависимости от одного мирового центра, от доллара и евро.

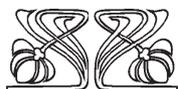
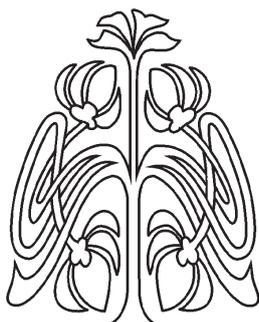
Список литературы

1. Россия занимает первое место в мире по числу введенных санкций // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5249730> (дата обращения: 14.07.2023).
2. Кеффер Л. Матвиенко считает, что негативные прогнозы о российской экономике не оправдались // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5735356> (дата обращения: 19.07.2023).
3. Ткачёв И., Дзядко Т., Виноградова Е. Экспорт российских товаров в 2022 году установил рекорд // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/economics/14/03/2023/640f35739a7947254d6f8154> (дата обращения: 15.07.2023).
4. Титов А. Б., Михеенко О. В. Экономическая безопасность в системе национальной безопасности России // Общество: политика, экономика, право. 2017. № 1. С. 46–49. EDN: XRJPM D
5. Манохина Н. В. Экономическая безопасность : учеб. пособие. М. : ИНФРА-М, 2014. 320 с.
6. Экономическая безопасность: Производство – Финансы – Банки / под ред. В. К. Сенчагова. М. : Финстатинформ, 1998. 621 с. EDN: TNFURF
7. Яшин С. Н., Пузов Е. Н. Мониторинг экономической безопасности регионов на базе их сравнительной оценки и определения эффективности развития территорий // Финансы и кредит. 2006. № 3 (207). С. 31–36. EDN: NBXNOZ
8. Чурикова Е. А. Механизм обеспечения экономической безопасности государства и его регионов // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. № 1, ч. 1. С. 42–48. EDN: VWOBLP
9. Саликов Ю. А., Золотарева И. И., Бородкина Т. А. Угрозы экономической безопасности региона // Вестник Воронежского государственного университета инженерных технологий. 2017. № 1 (71). С. 490–496. <https://doi.org/10.20914/2310-1202-2017-1-490-496>, EDN: YTNJPT
10. Илаев Ш. А. Региональные интересы и угрозы экономической безопасности региона как составной части экономической безопасности России // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 5. С. 205–209. EDN: QZDQYP

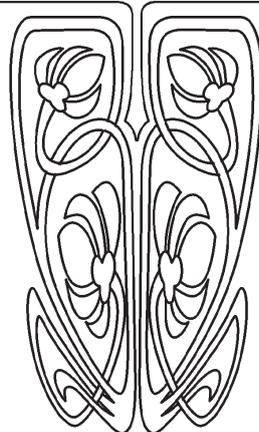

11. Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности». URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/QZw6hSk5z9gWq0plD1ZzmR5cER0g5tZC.pdf> (дата обращения: 28.08.2023).
12. О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года : указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208. Доступ из справ.-правовой система «Гарант».
13. О Государственной стратегии экономической безопасности Российской Федерации (Основных положениях) : указ Президента РФ от 29.04.1996 № 608 (утратил силу). Доступ из справ.-правовой система «Гарант».
14. Законопроект № 346758-8 «О внесении изменений в Федеральный закон “О развитии Республики Крым и города федерального значения Севастополя и свободной экономической зоне на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя”». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/346758-8> (дата обращения: 14.08.2023).
15. Перечень поручений по итогам заседания Совета по стратегическому развитию и национальным проектам. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/70412> (дата обращения: 18.08.2023).
16. Михаил Мишустин утвердил план первоочередных мер по обеспечению работы российской экономики в условиях частичной мобилизации. URL: <http://government.ru/news/46753/> (дата обращения: 15.08.2023).
17. Правительство выделило более 3 млрд рублей на обслуживание кредитов для системообразующих предприятий промышленности и торговли. URL: <http://government.ru/news/48917/> (дата обращения: 15.08.2023).
18. В Петербурге разработан пакет мер поддержки экономики в условиях санкций. URL: <https://www.gov.spb.ru/press/governor/233836/> (дата обращения: 20.08.2023).
19. Город выделяет субсидии для поддержки экспортеров. URL: <https://www.gov.spb.ru/press/governor/243702/> (дата обращения: 21.08.2023).
20. В Москве действует масштабная антикризисная программа – Сергей Собянин. URL: <https://www.mos.ru/mayor/themes/12299/8928050/> (дата обращения: 12.08.2023).
21. Сергей Собянин: Перед регионами стоят задачи по импортозамещению нового уровня и качества. URL: <https://www.mos.ru/mayor/themes/12299/8251050/> (дата обращения: 12.08.2023).
22. Завод «Москвич» заключил один из крупнейших в мире контрактов на поставку электромобилей для такси и каршеринга – Сергей Собянин. URL: <https://www.mos.ru/mayor/themes/12299/9237050/> (дата обращения: 12.08.2023).
23. Сергей Собянин: Почти 80 процентов контрактов Москвы на портале поставщиков – закупки товаров отечественного производства. URL: <https://www.mos.ru/mayor/themes/12299/9274050/> (дата обращения: 12.08.2023).
24. Офсетный контракт по производству лекарственных препаратов обеспечит импортозамещение и независимость от внешних поставок. URL: <https://www.gov.spb.ru/press/governor/243603/> (дата обращения: 17.08.2023).
25. Александр Беглов о ПМЭФ-2022: Мы сделали ставку на качество инвестиций в экономику города. URL: <https://www.gov.spb.ru/press/governor/240965/> (дата обращения: 17.08.2023).
26. В Югре будет создана первая особая экономическая зона. URL: <https://gov.admhmao.ru/vse-novosti/7897882/> (дата обращения: 20.08.2023).
27. Создание НТЦ «ЮНИТИ ПАРК» в Югре поможет достижению технологического суверенитета страны. URL: <https://gov.admhmao.ru/vse-novosti/8282429/> (дата обращения: 20.08.2023).
28. В Татарстане создан «Центр импортозамещения». URL: <https://mert.tatarstan.ru/index.htm/news/2068309.htm> (дата обращения: 21.08.2023).

Поступила в редакцию 17.09.2023; одобрена после рецензирования 15.11.2023; принята к публикации 25.11.2023
The article was submitted 17.09.2023; approved after reviewing 15.11.2023; accepted for publication 25.11.2023

ПОДПИСКА

Подписка на печатную версию

Подписной индекс издания 36016

Оформить подписку на печатную версию

можно в интернет-каталоге

ГК «Урал-Пресс» (ural-press.ru)

Журнал выходит 4 раза в год

Цена свободная

Электронная версия журнала находится

в открытом доступе (soziopolit.sgu.ru)

Адрес Издательства

Саратовского университета (редакции):

410012, Саратов, Астраханская, 83

Тел.: +7 (845-2) 51-29-94, 51-45-49, 52-26-89

Факс: +7(845-2) 27-85-29

E-mail: publ@sgu.ru, izdat@sgu.ru

Адрес редколлегии серии:

410012, Саратов, Астраханская, 83

СГУ имени Н. Г. Чернышевского,

социологический факультет

Тел./факс: +7(845-2) 21-36-60, 51-81-26

E-mail: timur_temaev@mail.ru, vil57@yandex.ru

Website: <https://soziopolit.sgu.ru>

ISSN 1818-9601

24001

9 771818 960107

ISSN 1818-9601 (Print). ISSN 2541-8998 (Online)
Известия Саратовского университета. Новая серия.
Серия: Социология. Политология. 2024. Том 24, выпуск 1

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА Новая серия

Серия: Акмеология образования. Психология развития

Серия: История. Международные отношения

Серия: Математика. Механика. Информатика

Серия: Науки о Земле

Серия: Социология. Политология

Серия: Физика

Серия: Филология. Журналистика

Серия: Философия. Психология. Педагогика

Серия: Химия. Биология. Экология

Серия: Экономика. Управление. Право

